

Всемуко Пүтенабо

Петр Ингвин

Что произойдет, если у человека отобрать двух близких людей и заставить выбрать? А если случившееся — только часть большой игры? На что можно пойти ради любви?

Часть 1 Пятница, вечер

Всеуко Путенабо

или

Песня о любви

От автора

Этот детектив — нечто среднее между книгой и видеоклипом. Местами текст как бы забывает, что он художественная литература, и прикидывается сценарием. Но он все же книга, а не сценарий или заметки со съемок в киностудии. В двух словах форму и жанр можно определить как клип-детектив, а во многих...

Во многих лучше сразу читать:

Часть 1

Пятница, вечер

Цок, пауза, цок, пауза, цок, цок, цок, цок... — деревянный отсчет.

Дррррвжжзззз... — вступает мотоциклетный рев электрогитары и сразу переходит в визг чего-то живого, что на глазах превращают в неживое. Подключается ударник: бум-бум-тыц! бум-бум-бдыц! Окутывает с головы до ног чувственная полифония подхвативших ритм клавишных.

— Начали!

-- --

Кристина позвонила, что не успевает. Кирилл приехал в сад, и...

— Павлика уже забрали.

— Кто?!!!

Моргнули глаза, круглые на бледном:

— Н... не знаю. Я думала...

На лице воспитательницы — ужас. В душе Кирилла... Лучше промолчать, что там. Много чего, и почти все для детских ушек не предназначено.

Она думала. Чем?! А еще глазки пыталась строить, корова... Тьфу, хорошо вслух не сказал.

— Кто забрал?! — выдохнул он вторично.

В глазах — тьма. В коленях — слабость. Скулы рвут кожу.

— Я не видела. Но...

— Но?!.. — Кирилл одновременно взбешен и опустошен.

— Здесь было несколько родителей... Павлик вышел вместе с Колей и Настей, оделся...

Я видела, как его ведут за руку. Думала, кто-то из вас...

Думала!..

— Телефоны родителей Коли и Насти, быстро. — Кирилл опустился на детскую лавочку перед шкафчиками. — И всех, кто здесь был... или мог быть в ту минуту.

-- --

Мороз. На бровях — иней. Февраль в этом году — нет слов, одни междометья. Пальцы едва слушались, телефон врос в ухо:

— Кто именно вел Павлика за руку? Мужчина? Женщина? Как выглядели?

Ноги машинально несли Кирилла по знакомой дороге, взгляд прыгал по сторонам — вдруг?

Если бы не мороз...

— Вы не волнуйтесь. Может быть, это ваши дедушка или бабушка. — Голоса в трубке сменялись. Результат — ноль. — Кирилл, вы всем своим позвоните, может...

— Не может. Так все же?

— Не обратили внимания... Не видели... А Павлик — это который? Такой смешливый, стриженный, с торчащими розовыми ушками? Нет, сегодня не видели. Не знаем. Не помним.

Павлику — пять. Лопухое чудо. «Р» и «л» не выговаривал, вместо них получалось «х»: «Павхик. Папа Кихих. Мама Кхистина». Весьма самостоятельный молодой человек. Если вспомнить про гены, то вполне мог смыться из садика и пойти домой сам.

«Домой» — в кавычках. С Кристиной разошлись два года назад. Сына, конечно, забрала она. Иногда просила посидеть с ним по вечерам или, как сегодня, взять на все выходные.

Щеки онемели. Негнущиеся пальцы с трудом спрятали бесполезный телефон. Глаза рыскали.

Кириллу тридцать один. Кристине — двадцать восемь. Алёне — двадцать пять. Алена ждет дома. Кристина — «дома», но не ждет. Думает, что Павлик с ним.

Надо смотреть лучше. Не найдется по пути туда — нужно вернуться обратно и расширить круг поиска. Проверить дворы. Стройки. Подъезды. Подвалы. Чердаки. Если Павлик ушел сам и заблудился — замерзнет. И это далеко не единственное, что может случиться в городе с ребенком.

Прочесать все. Поставить на уши знакомых и незнакомых.

Мысли скрежетали по нервам, царапали мозг изнутри и ломали на кровавые куски. Не мысли, а ядовитые когти. Дедушки и бабушки? Тети и дяди? Увы, нет никого, кто мог бы забрать сына вместо.

Полиция? Самое простое. Ага, так и бросились они в минус тридцать искать живую иголку в каменном стогу. Заявление, конечно, примут, но не больше. Им нужна уверенность, что ребенок действительно пропал.

Ребенок действительно пропал.

Плечи передернуло. Мороз не только снаружи. В носу — оплавленный лед. Выбросы пара участились, пульс сошел с ума. Сапоги отскрипывали в снегу реквием по будущему.

И все же — полиция. Кирилл вновь лезет за телефоном, и в этот момент раздается звонок.

- - - -

Слева — блондин. Вееры ресниц подрагивают. На лице — умиротворение и отрешенное блаженство. Ему хорошо и снится что-то приятное.

Она осторожно поворачивает голову направо.

Брюнет. Тоже спит. Тоже доволен. Еще бы.

Она улыбается, сладко потягивается и аккуратно, чтобы никого не разбудить, выбирается из-под одеяла. Ногами — прямо на подушку, иначе никак. По всему телу — мурашки. Она ежится и обхватывает себя за плечи. Все равно холодно. Перешагнув

блондина, она несется в детскую. В ванную бы нужно, но ванная подождет. И одеться — подождет. Все подождет.

Под ногами — холодный линолеум. Его сменяет пушистый коврик. Дверь — на защелку. Она склоняется над спрятанным в детском шкафчике ноутбуком.

В комнате темновато. Спасают уличные фонари, сквозь шторы проникает немного света. Взгляд опускается на часы внизу экрана — всего лишь семь вечера. Надо же, как погуляли. Вечер. Хотя... Время суток — относительно. Оно зависит от стиля жизни и конкретного занятия.

Забрать Павлика она поручила бывшему мужу. Мальчику нужно мужское влияние, нужен пример, и лучше с отцом, чем с *этими*.

Образовавшимся временем она распорядилась безупречно. А завтра... Завтра будет еще безупречней. Завтра будет нечто!

Громкость выставлена на минимум еще вчера. Аппарат просыпается, недовольно жужжит и показывает. Кулаки победно сжимаются: есть! Одним выстрелом — двух зайцев. Красота. Думали, что охотники. Кролики! Не все скоту с маслом. Теперь посмотрим, как запрыгаете.

Пальцы стрекозами порхают по клавиатуре, отсветы на стенах сменяются вместе с фоном открываемых окон.

Кому: Чрезвычайная комиссия.

Тема: Срочное кино.

Пароль: Ложись.

Отправлено.

Шорх! — стерто и удалено из корзины. Пасть ноута с легким всхлипом захлопывается.

Даже как бы потеплело. Ноги на коврике. Грудь торчком, но уже без пупырышек. Кстати, грудь очень даже ничего, если не забывать про осанку и плечи.

Счастливый выдох: дело сделано. Прикрыв шкафчик, Кристина выглядывает из детской.

Блондин проснулся. Видит ее. Счастлив. Чертов кроль ненасытный. Сейчас, милый, сейчас, мой зайчик, уже иду. Но сначала в ванную, на минутку... или на три... Глядишь, и нужный звоночек раздастся.

- - — -

— Привет. Нервничаешь?

— Кто это? — Кирилл глядит на незнакомый номер.

Намеренно гнусящий голос хихикает:

— Меньше знаешь — крепче спишь. Готов безболезненно расстаться с некоторой суммой в обмен на жизнь близкого человека?

Кирилл замер.

— Слушаю.

— Умница. Насчет излишних телодвижений в сторону красных и-дробь-или черных понимаешь. Шаг в ту сторону — прости, тебя предупреждали. Тогда — прими, Господи, душу создания своего...

— Понял уже, — перебивает Кирилл. — Сколько?

— Совсем чуть-чуть по нынешним меркам. Десять кило зеленых.

Десять тысяч долларов. Кирилл даже не колеблется.

— Когда?

Слышно удивление, смешанное с уважением:

— Завтра в полдень.

— Где?

— Бродвей. Арка. И без хвоста. Понимаешь.

— Буду.

— Приятно иметь дело. Бывай.

Ту. Ту. Ту.

Завтра в двенадцать. Центральная улица. Главный вход в торговый центр «Атриум». В полицию не заявлять. К бандитам и детективам не обращаться. Уф.

От сердца отлегло. Ясность. Спокойствие.

Все живы.

- - - -

Она летала на крыльях. Даже не так. Без крыльев. Просто — летала.

Через неделю должно наступить Оно — Событие. Главное. Дождалась!

Дождалась?

Дождалась...

Горячие струи били в лицо и обтекали тело. Как губы и руки Кирилла.

Сквозь шум воды что-то пробилось. Звонил телефон. Кирилл? Нет, на него выставлена другая мелодия. А вдруг что-то важное? Алена отключила воду и перешагнула бортик ванны.

— Да? — счастье так и лучится в трубку.

Руки оттерли с плеч и живота последние капли. Кожа упруго дышит. Жизнь прекрасна.

— Супруга Кирилла Матвеева?

— Да. — Маленькая ложь не в счет. Еще нет, но это если по паспорту. А по сути уже да.

— Вы сейчас дома?

— А что?

— Несчастный случай.

Боже...

Незаконченный стук сердца. Полет в пропасть. С высоты — об острые камни.

Кирилл. Долгожданное счастье. Они встретились три года назад. У него были проблемы в семье. У нее были проблемы в семье. У них вместе проблем не стало.

Муж дал развод почти сразу. Кириллу пришлось добиваться этого еще два года. Делить (в смысле — отдавать) все движимое и недвижимое. Утрясать юридическое. Отрывать родное.

Трудно, когда одна из сторон принимает развод за рыбку золотую. Но вот невод пуст, и делить больше нечего. Отдано бывшее, разчекрыжено нынешнее, поделено предстоящее. Потрепав друг другу нервы и жизни, стороны пришли к соглашению. Кристине — все и Павлик, Кириллу — Алена.

И вот за неделю до свадьбы...

— Что с ним?!

— Вы дома?

— Да! — Она ничего не видит сквозь возникшую перед глазами соленую пелену.

— Срочно спуститесь вниз.

Стул опрокидывается. Входная дверь остается незакрытой. Едва не сбитая с ног соседка материт вслед и крутит пальцем у виска.

Со второго этажа — три пролета: два больших и нижний, подъездный, в котором всего шесть ступенек. Шлеп-шлеп-шлеп — потому что тапочки. И халат. Больше ничего. Когда раздался звонок, она забыла обо всем.

Тугодум-домофон не понимает важности момента. Нервы. Улица.

Мороз обливает жгучим пламенем, забирается под, на и в. У дверей — машина с темными стеклами.

— Сюда, — зовет кто-то изнутри.

Дверца отворяется.

Взмыленная, бурно дыша, Алена нагибается, собираясь спросить...

- - - -

— Верите, — златокудрая голова нежно склоняется к плечу соседа, — что все в жизни — неслучайно?

Чувственный шепот едва слышен. Мужчина нервно оглядывается в другую сторону, где сидит супруга, но она поглощена кинодействием и ничего не замечает.

Ему неловко. Он косится на таинственную незнакомку слева. Взгляд пробегает по ней сверху донизу, задерживаясь на особых обстоятельствах.

Все при ней. Одетая с шиком. Не вульгарна. Симпатична. Впрочем, ничем не лучше жены.

Но и не хуже. В уме щелкает калькулятор. Накрывают туманы и проносятся ветра. Наконец, из-за согнанных туч выплывает солнце.

Он улыбается.

Она встает и медленно выходит. Фильм продолжается. Жена переживает за бьющуюся в истерике героиню, которой изменил герой. Мужчина ерзает и косится на опустевшее кресло — на еще теплом от сдобного наполнения месте белеет визитка.

— Стоп.

Изображение замерло. Потянувшаяся влево рука мужчины — змея, которая крадется за добычей. Картина маслом.

Докладчица удаляет с монитора ситуацию с однозначной концовкой и смотрит на собравшихся.

— Слишком примитивно, — говорит одна.

— Слишком нахально, — допускает вторая. — Можно напугать.

— Слишком сложно. — Третья сексуально потягивается и кривит губки. Она самая юная из всех и не пропускает случая это подчеркнуть.

Докладчица и две другие старше и мудрее. Они не смотрят на третью. Они думают.

— Я бы заставила сделать первый шаг, — первая.

— Романтика и тайна хороши, — вторая, — если не переусердствовать.

— Они на все клюют, — третья. — Только покажи.

Докладчица:

— Этот — другой. На Лизу не клюнул.

Третья хмурится. Получается, что и у нее могло не получиться. Лиза — конкурентка по возрасту и стати. Правда, в Комиссию не входит. Пока. Пара неудач — и легко заменит.

— Я бы смогла, — упорствует третья.

Остальные улыбаются. Молодо-зелено. Но дело свое знает и сообществу предана. За то и держат ближе к себе, а не за гладкость юности и объем мягкости.

— У него до сих пор — только с младшей бухгалтершей из соседнего отдела. Тщательно скрывает. А та не смогла.

Докладчица улыбается и закидывает ногу на ногу, чего, впрочем, не видят виртуальные собеседницы — камера берет только верх. Рука тянется к кнопке запуска следующей записи:

— Смотрим результат?

Первая и вторая пренебрежительно cedят:

— Что там смотреть?

— Все как обычно? — не удержавшись, любопытствует третья. Как бы ни харахорилась,

а учиться у старших не забывает. Умничка.

— На пять с плюсом.

— И все равно, — вздыхает первая. — Подбить на измену во время кино про измену...

Не комильфо. Мельчаем.

— Главное — результат, не так ли?

— И все же хочется сделать красиво.

Первая кивает и, меняя тему, обращается ко второй:

— Что с «Риэлтингом»? Чарли торопит.

— Одним сейчас Роза занимается. — Вторая смотрит на часы, улыбается: — Как раз в эту минуту.

— А другим кто? — интересуется недавняя докладчица.

— С ним Лиза работает. Пока — ноль.

Третья едва сдерживает злорадство. Счет в ее пользу растет.

Докладчица видит мигающий ярлычок:

— Кристина сбросила отчет.

— Отлично. — Все переглянулись. — Кто займется дальнейшим?

Докладчица поднимает руку первой.

- - - -

Серый стеклянно-бетонный муравейник гудит и сверкает мутными глазами вставшего в пробках автостада — впереди авария или ремонт дороги. Из зада каждой стальной особи поднимается белесый туман, он окутывает натужно клацающие, как в ознобе, морды притискивающихся сзади и обдаёт псевдотеплой вонью перебегающих прохожих, прикрывающих нос меховыми варежками.

Ноги несут Кирилла домой. Не «домой», к квартире бывшей жены и украденного солнышка, а к любимой.

Он думает о деньгах. Десять тысяч долларов. Похитители знают его жизнь, сумма реальна. Громадна, да, но реальна. Если бы не развод — вполне посильна, чтобы занять и со временем отдать. Если бы не развод.

Мороз выжигает кости. Главное, Павлик пока в безопасности.

В подъезде Кирилл топает, сбивая налипший снег, и поднимается на второй этаж. Негнущиеся пальцы долго выуживают в кармане ключи и с трудом вставляют нужный в замок.

Черт. Черт-черт-черт. Ключ не желает выполнять предназначение. Перепутал? Нет, ключ правильный. Еще раз. Якорный бобер, не заперто! Почему? Алена не могла...

Рука осторожно жмет ручку вниз и на себя, глаза шарят в образовавшейся щели. Ничего. Свет не горит. Тишина.

Шаг. Еще шаг. Кисть нащупывает битую под плащом на вешалке справа от входа, пальцы жадно обнимают прохладную рукоять.

Еще шаг, уже с битой наперевес. Алена обязана быть дома. Или спит (но почему так безалаберно отнеслась к безопасности?!) или...

Одновременное движение спереди и сзади. Скрытое полумраком злое лицо подростка.

Макушка не создана для ударов тяжелыми предметами. Даже в шапке-ушанке. Кирилл проваливается в бессознательное.

- - - -

Прежняя озабоченность смыта, улыбка почти натуральна. Волосы высушены и уложены. Кристина окидывает себя довольным взором, зеркало ухмыляется в ответ с дружелюбной снисходительностью и глубоко заталкиваемым презрением.

Она решается. Что ни говори про *этих*, но все же лапочки. Так старались...

Кристина отворяет дверь. Плечи, осанка, приветливый смайлик. Пусть еще немногo порадуются.

— Зайчики, я...

Что происходит? Брюнет быстро одевается. Гнев в глазах. Блондина нет. Дверь в детскую открыта.

— Ты! — яростно вращает белками брюнет, безуспешно вталкивая ногу в перекрученную штанину.

Конец всему и вся. Говорила же, что нужно лучше прятать.

За распахнутой дверью у шкафчика сверкает волосатая задница нагнувшегося над находкой блондина. Его лицо в компьютере, ему не до приличий. Впрочем, какие тут... Смешное слово. После всего.

— Нет! — Он со злостью лупит клавиатуру, будто виновата именно она.

— Ищи лучше! — настаивает брюнет. — Должно быть. Иначе — зачем?

На шелке смятого широкого лежбища вырванным глазом валяется микрокамера. Вот тебе и микро.

— Поучи еще! — огрызается из детской белый зад. — Чайник! По ходу, она успела все удалить...

Брюнет угрожающе надвигается на Кристину. Айсберг на маленькую лодочку. Дровосек на березку. Люли-люли, заломати...

«Дззз! Дум-дум-дум!» — звонок и стук одновременно. Наконец-то.

— Откройте, полиция!

Два «б» — брюн и блонд — синхронно оглядываются на входную дверь.

Страх. Ненависть.

У нее к ним — брезгливое высокомерие.

— Дошло? — Она царапает себе грудь. Полосы на коже смотрятся жутко.

— Но камера! — Брюнет в транс. — Камера — доказательство умысла, провокации. Тебе не поверят.

— Иметь дома не запрещено. А записи нет.

Она улыбается.

— Сучка! Ты же сама нас...

Кристина набирает полные легкие воздуха и бросается к двери:

— Помогите!

- - - -

Хотите представить, что пережил Кирилл, когда очнулся и понял, что ни Алены, ни Павлика нет? Попробуйте. И все равно придется помножить на сто. Потом на тысячу. Потом перестать лезть в чужую душу, которая потемки. Для тех, кто не любит. А кто любит — поймет.

И да минует нас чаша сия.

Квартира зияла пустотой. Пустота — это не отсутствие мебели, техники и тряпок. Этс

когда близкие люди исчезли. Все остальное — не пустота, а обстоятельства.

Обстоятельства сообщили глазам, что квартиру обчистили. Кирилл наскоро оглядел вывернутые шкафы и выдернутые ящики тумбочек. Крупная техника на месте, а мелкое не в счет. И особых ценностей у Кирилла с Аленой не было. Воры просто не успели.

Видимо, Кирилл спугнул их, и они сбежали, унеся с собой кое-что из ценного. Обокрали — пусть. Это обидно, но не катастрофично, вещи в жизни не главное. Главное — где Алена? Тоже унесли, как величайшую драгоценность?

Мозаично, с выпавшими элементами, всплыло испуганно-агрессивное лицо ударившего недомерка. Загнанный в угол зверек. Он кусается именно потому, что загнан в угол, от отчаяния. Второй, скорее всего, тоже подросток. Ради ерунды на мокрое дело они не пойдут. Тем более простые воришки не возьмут заложника — он только мешать будет. И лишнюю статью пришлет, намного более серьезную, чем кража. Им просто хотелось пожить. Насилие? Могли бы, для куража. Особенно, если не местные. Но насилие оставляет следы. Следов нет.

Всплывает тот же вопрос: где Алена? Куда-то ушла до прихода воришек? Что заставило?

Кирилл не глядя извлек мобильник и ткнул в номер один быстрого набора. «Пам-пам-пам!» — запело в ворохе шарфов, перчаток и шапок в прихожей. Воришки проморгали. Но что это даст? Почему Алена не взяла телефон, почему не звонит с другого? Два часа назад она сказала, что уже пришла. Если была дома — почему впустила? Если не была... то почему и где она теперь?

Алена. Милая. Что с тобой?

Непонятно.

Ее вещи нашлись все до единой. Все платья, все брюки, вся зимняя и летняя обувь. Плащ, пальто и куртка. Белье — все, без исключения. Черт знает что. Кирилл напряг память, на которую никогда не жаловался.

Ага. Тапочки. И халат.

Голова загудела, будто ее вновь огрели утюгом. А огрели именно им, вот он, рядом валяется.

Дурдом. На улице — большой минус. В подъезде — маленький, но тоже. Куда в таком виде? К соседу за солью, а Кирилл тогда — рогатый герой анекдота? Бред. Алена не такая. Поэтому и выбрал. Поэтому любит. И не только поэтому.

Понятно, про ограбление он заявлять не станет. Не до того. Объяснять придется многое, а это время, нервы и упущенные возможности. А ему нужно искать решения.

Павлик.

А теперь и...

Безжизненная пустота булькнула звуком напоминания о пропущенном сообщении. На вспыхнувшем экране появилось уведомление. Оказывается, пока Кирилл шел по зимнему городу, пришло СМС. Он не слышал. Да и как, если мороз, уши закрыты, а душа рвется вперед и в завтра. А телефон глубоко.

Глаза вглядываются в безобразно квадратные буквы:

«Павлик унас. Ни кому ни сообщай, если ни хочишь проблем. Готовь бабки шгуку баксов. Будь через час у памятника Ленина. К тебе подойдут. Ни вздумай абмануть — уьем! Усек?»

Еще одни. И Павлик у них. У этих, безграмотных.

«Готов безболезненно расстаться с некоторой суммой в обмен на жизнь очень близкого

человека?» — сказали те, которые завтра. Про то, что очень близкий человек именно сын, не было ни слова.

Алена?!..

- - - -

Врац — некрасивое погоняло, но присосалось насмерть. Отдерешь только с кровью. С кровью не хочется, себя Врац любит.

Некрасивый, небольшой, сутулый, паукообразный. Сначала прозвали Хилым. Не прижилось, пусть и вправду хилый. Паук — тоже отпало, не по чину. Стал Врацом. И хрен с ним. А про истинное имя даже не помнит. Незачем. Кому?

Три часа он простоял у подъезда. Точка наблюдения менялась несколько раз.

И ничего. Грелся он в подъезде, пока какие-то бабки не собрались звонить куда не надо.

Теперь опять на улице. Холодно. Ноги уже не ощущаются.

Профукал? Поди разбери, когда они все закутаны в платки да меховые шапки.

Нет, интуиция подсказывает, что нужной девушки не было. А дома уже кто-то есть, недавно зажегся свет. Проходили только мужчины и женщины в возрасте. Вот и ладушки.

Хватит ждать, мертвому или больному деньги ни чему. С очередным открытием подъездной двери, выпустившей пенсионера с собачкой, Врац опять оказался внутри. Игнорируя лифт, быстро поднялся на нужный этаж, движением разгоняя кровь. Потоптался на месте, пришел в себя, успокоил дыхание. Палец на звонок. «Плюм-блюм!» — внутри.

Дверь отпирают. Ура!

Мужчина. Серьезный пронизывающий взгляд. Половина тела скрыта за дверью — в руке возможно оружие.

Ноги сами делают шаг назад, вынося из доступной зоны. Понадобится — можно броситься вниз. Он заставляет себя произнести:

— Муж Алены Агеенко?

Мужчина смотрит по сторонам, словно выискивает помощников-подельников. Врац один. Но далеко. Холодным оружием и, тем более, руками не достать. Если там что-то посерьезнее — нужен достаточный повод для применения. Повода пока нет.

— Муж? — переспрашивает мужчина. — А что?

— Есть любопытная информация. О ней, об Алене. Интересно?

— Допустим.

— Это будет стоить...

— ...Твоей жизни, — перебивает мужчина.

Он смещается вбок.

Врац глядит в направленную в живот стальную смерть. Готовую плюнуть. Нет, не готовую. Пока — не за что. Поджилки трясутся, но голова работает. Врац видел и знает жизнь.

— Это несерьезно, — говорит он. — Я деловой человек. Если вы не в настроении, могу зайти позже.

Он начинает разворачиваться.

— Стой.

Врац останавливается.

— Что у тебя?

— Кое-что про вашу Алену. Цена... — Врац медлит, прикидывая уровень достатка по

интерьеру за спиной мужчины и свои шансы получить хоть что-то. — Пятьдесят тысяч, — заканчивает он.

Мужчина ухмыляется:

— Долларов?

Врач поникает:

— Нет.

— Нет, — говорит мужчина.

Врач и ствол смотрят друг на друга. Оба в раздумьях.

— Сколько вы согласны заплатить? — делается последняя попытка материально оправдать свое появление в этом холодном провинциальном городишке.

— Смотря за что.

— Поговорим?

— Поговорим.

Дверь распаивается, мужчина отходит вглубь. Направленный пистолет делает приглашающий взмах внутрь. Огнестрел, травмат или газовик? Рассчитывать нужно на худшее. Впрочем, даже газовая струя или, тем более, резиновый шарик с такого расстояния в нужное место...

- - - - -

Глава 3

Кристина в восторге: ее вид и вся обстановка говорят сами за себя. Все получилось.

— Значит, сама? — хмыкает полицейский.

Скрученные б и б, одетый и голый, верещат. Офицер морщится и благородно помогает Кристине одеться. Как бы случайно косит глазом. Огонь в глазах не скрыть: дескать, красива, шельма. Возможно, не столько красива, сколько соблазнительна. Мол, он бы тоже не устоял. Но надо делать дело. Может быть, потом еще зайдет. А, может быть, и нет. Он считает, что она — пассия или родственница начальника. Так нужно для дела.

Полицейский бессильно вздыхает, взор окидывает уже одетую хозяйку квартиры.

— Да, — говорит она, — сначала все шло хорошо. Отмечали. А потом...

Кристина плачет.

— Статья. — Гражданин начальник глубокомысленно пожевывает. — Однозначно.

Когда полицейские ворвались внутрь, картина была недвусмысленна. «Обидчиков» повязали, успокоили, стали разбираться.

Блондина огорошивает прозрение:

— А кто вас вызвал?

Офицер многозначительно указывает ввысь. Не на соседней сверху. На *людей сверху*.

Плечи подставленных блонда и брюна опускаются. С *теми* шутки плохи. Попали.

— Попали, — подтверждает офицер понимание в их переглядывании. Он плотный и грузный, и кресло под ним, вальяжно раскинувшись, едва не разваливается. — Пишем. — Тяжелый взгляд падает на чересчур догадливого блондина, в глазах которого мельтешит просчет ситуации и поиск возможных решений через собственные связи: — Фамилия, имя, отчество?

Вмешивается Кристина:

— Офицер...

— Старший лейтенант Добрунин. — Полицейский делает паузу и, глядя ей в глаза, добавляет: — Александр, — еще одна пауза, — Петрович.

— Господин старший лейтенант... — Как же ему нравится быть «господином». — Можно на два слова?

— Конечно.

Кресло вновь стонет, но уже от счастья. Он и она выходят в детскую, остальные остаются в недоумении, но с надеждой. Есть время подумать. Но о чем?

— Итак. — Появившийся вскоре офицер хмуро смотрит на подозреваемых. Кристина не выходит. Дверь в детскую захлопывается. — Итак. Дама согласна не возбуждать дела... если вы забудете дорогу в этот дом.

Брюнет с блондином бешено кивают. Их устраивает очень. С удовольствием!

Кристина в детской улыбается. За удовольствия надо платить. Особенно за запретные. Но платить не ей, она — часть большого плана. Платить красавчики будут семейным счастьем, когда их жены увидят *это*.

Пусть идут на все четыре стороны. Сюда они не вернуться — офицер Добрунин тому поручительством (кстати, оставил номер личного телефона, хряк жирный. Надеется? Ну-ну). А дома их ждет...

Улыбка становится шире.

Хлопает дверь — та, что на лестничную площадку. Там все устроилось как нельзя лучше. Осталось отчитаться окончательно.

Кристина берет за ноутбук. А перед глазами — Кирилл. Бывший. Сволочь. Не лучший, но свой. Был. Не ценила, дура. Теперь одна.

Ничего. Зато теперь у нее есть цель. Есть идея. Есть занятие.

Кирилл... Что Кирилл? Ему зачтется.

А завтра...

Она улыбается.

- - - -

Через час?!

Часы показывают половину восьмого. Плохо учившиеся в школе похитители послали сообщение в шесть пятнадцать. Время упущено. Все ценности в доме похищены. Нестись к Ленину без толку. Что теперь?

Кирилл набирает номер — абонент недоступен. Ясен пень, боятся пеленгации. Или отработавший аппарат уже в канаве.

«Блюм!» — булькает еще одно сообщение. Опомнились? Второй шанс?

Пальцы дрожат и чуть не роняют. Номер другой. Но текст...

«Насчет сына не парься, спи спокойно, о произошедшем молчи. Инструкции завтра».

Какая-то ерунда. Смысл дублируется. Они же?

Или...

Если судить по стилю, то что-то общее прослеживается. Но там — опасливый нахрап, здесь — уверенность и четкость. Там была полнейшая безграмотность, здесь вроде бы нормально. И опять же — зачем повторять то, что уже оговорено?

Если отправители разные — кто были первые и почему нарисовались остальные? И кто из них врет?

Кирилл открывает телефон Алены и смотрит последний принятый звонок. Так и думал. Всего несколько секунд разговора в семнадцать тридцать.

Он сравнил номера. Сошлось. Первые, которые на завтра, звонили с него же. В восемнадцать ноль три.

Хоть какая-то определенность. Осталось дожить.

Что же, деньги он пусть с трудом, но соберет. Завтра. Спасибо похитителям, они реалисты. Если припрет, он заложит или продаст квартиру. Да, уйдет за копейки и только в случае, если с документами утрясется — хозяин все же не он. Но за деньги это решаемо. За деньги все решаемо.

К тому же, остается шанс, что до срочной продажи не дойдет и удастся занять. Под залог той же квартиры. Или у Владимира Терентьевича, директора фирмы. Правда, сейчас он в отъезде, но такой вопрос можно решить и по телефону. Или взять займы по чуть-чуть у многих знакомых. Поймут, если объяснить. Дадут. Он бы дал. Только объяснять не хочется. Любой слух — это вопрос жизни и смерти. Для Кирилла второе неприемлемо. Только жизнь. Любой ценой.

Удар был нанесен точно. Забрали тех, кого он любит. Обоих. Сразу.

Он сделает все, что понадобится. Вернет. Обезопасит. А потом...

Если шантажу поддастся, тот непременно повторится. Это закон природы. Законы надо знать. Их последствия — предотвращать. Лучше профилактика, чем.

А пока надо выяснить одну подробность.

Кирилл обежал все квартиры подъезда и опросил всех. Благо, в такой мороз к вечеру местные обитатели присутствовали почти в полном составе. И удача улыбнулась.

— Твоя ненормальная меня чуть на тот свет не отправила, — грозя кривым пальцем, причитала допотопная старушенция.

— В халате?

— Почти голая! В такой мороз...

— В тапочках?

— Я же говорю! Чуть меня к праотцам не отправила. А у меня радикулит. Даже стоять больно. А она — как слон, не разбирая дороги... Даже дверь не закрыла.

— Это вы закрыли?

— Еще чего. Говорю же, радикулит у меня. Не могу я за всеми двери закрывать.

— Она была одна?

— Мне и одной хватит. Сердце слабое. Зрение. Сил нет. А она...

— Кто был на улице?

— Да откуда я... Меня чуть не убили! Скажи ей, что если еще раз...

— Обязательно. Большое спасибо. Больше такого не повторится.

Не повторится? Соврал. Душа говорит, что хоть каждый день, лишь бы Алена вернулась. А бабулька крепкая, дай ей Бог всего и здоровья.

Значит, воры просто вошли в открытую дверь. К исчезновению (похищению или, как вопреки всему надеялся Кирилл, уходу Алены) отношения не имеют.

Где же ты, любимая?

- - - -

Конечно, ночью он не спал. Просчитывал. Прикидывал. Выворачивал наизнанку. Сомневался. Верил. Не верил. Хотеть умереть. Хотел всех убить. Хотел вернуться во вчера, и чтобы никакого сегодня.

Безграмотное сообщение — как от мальчишек. Может, как раз пацаны и баловали? Бывает, изображают похищение, чтобы потом вместе конфет или пива купить. Или маму-папу проучить. Мало ли. В воспитательных целях чего не бывает, а дети злопамятны. И мыслят они нешаблонно. И моралью до некоторых пор не обременены в той степени, чтобы понимать последствия таких капризов. Увы.

Но. Нет у Павлика таких приятелей. Нет и у Кирилла таких приятелей. У Алены тоже.

Соседские? Могли бы. Из зависти, что живут чуть хуже. Но забрать ребенка из садика так, чтобы никто не заметил... увести... куда? Не вяжется.

Голова шла кругом, маршируя на заданную мелодию. Трудно взглянуть со стороны. А надо. Судя по всему, одни взяли Павлика, вторые — Алenu. Звонков и сообщений — три. Все с разных номеров. Что-то одно — липа.

Либо первые бесчеловечно пошутили, либо новое сообщение — еще один шанс от них же. Впрочем, Кирилл повторяется. Ничего нового.

Полиция? Слишком неповоротлива. Слон в антикварной лавке. Одно неловкое движение — и главная ценность рассыпается на кусочки. Нет. Будь сумма несусветной — тогда да, другого пути нет. Но первые из звонивших понимают реалии. Вторые, которые эсэмэсили, если дважды одни и те же — несерьезны. Даже карикатурны. Словно играют в похитителей, хотя ими не являются. Или этакие отморозки из беспредельщиков, которым

все по фигу. Не приведи Господи.

Стоп. Есть же знакомый, спец по отморозкам. Недавно вместе работали в фирме, где он, Кирилл, и сейчас работает. Алекс. Служил в спецвойсках, но никогда об этом не распространялся. Скромняга. Потом, спасая честь женщины, поступил как мужчина, в итоге разжился условным сроком за превышение самообороны. Когда вернулся из следственного изолятора, ушел к небезызвестному в городе Сычу, главе самого могущественного клана бывших рэкетиров. В изменившихся с девяностых годов реалиях «контора» Сыча легализовалась как холдинг по разным направлениям. Разным? Ха. Направление у всех одно — прибыль. Алекс все же ушел туда, еще и приятеля из фирмы перетащил, Леонида. Они говорят, под крылом Сыча можно творить добро. Не верится. Какая разница. Главное, имеются координаты. Именно команда Алекса именем Сыча опекала «Риэлтинг» от тупых или несправедливых наездов.

Алекс поймет правильно. Если сумеет помочь — поможет, нет — скажет прямо.

Пусть ночь, пусть хоть конец света. В конце концов, у того работа такая, а у Кирилла — ситуация. Телефон загудел ожиданием.

— Кто? — Голос у Алекса сонный и недовольно-ворчливый.

— Кирилл из «Риэлтинга». Прости, что поздно.

— Скорее, рано. Здорово, Кирюха. — Не забыл ведь старого приятеля. Сталь в тембре исчезла. — Проблемы?

— Да.

— Фирма?

— Сын. И жена.

Короткая пауза на том конце сжавшегося до уровня трубки мира. Мира, который рушится.

— Ты дома?

— Да.

— Жди.

Денис и Иван снимали комнату в частном доме. Две соседних занимали Давыдовы — он (ксенофоб проклятый), она (эх, если бы не он, уж они бы с ней...) и несносное оно — их неугомонный Колька. Маленький монстр. Небезвреживаемая мина с ногами. Ну, ничего. Ненадолго.

Скоро их увезут из города. Ищи-свищи вольного странника. А пока...

Денис и Иван — это для посторонних. На самом деле — Дэни и Ян. Мороз помогал скрываться, торпедам Сыча их ввек не найти. Только если лицом к лицу на улице встретиться, а против этого средство простое — как можно реже выходить из дома. А лучше вообще не выходить.

Им повезло. Фартовые — они и в Гваделупе фартовые (интересно, где это).

Дранные обои, ветхая мебель времен, надо думать, Генсека Кукурузного, посуда и белье — современники дяди Кобы... И что? Пожалуй, только барон живет лучше. На первом месте — жизнь, на втором — свобода, тогда третье рано или поздно приложится. Лучше бы, конечно, рано.

Лежа на постели, Дэни рассказывал что-то смешное. Сам же и хохотал. В какой-то момент он обидчиво обернулся к Яну.

— Тсс! — Ян приложил палец к губам.

Дэни умолк и вслушался. За дверью успевший принять на грудь Давыдов говорил с кем-то по стационарному. Он и монстрик только что зашли, звонок застал их в прихожей.

— Да не видели мы! — надрывался Давыдов. Ему, понятно, хочется накатить еще и отправиться бай-бай, а тут... — Вы всем своим позвоните, может...

Из трубки неслось отчаяние. Давыдов устало долдонил:

— А Павлик — это который? Такой смешливый, стриженный, с торчащими ушками? Нет, повторяю, не видели. Рядом с нами не шел, а вперед и назад я не смотрел, не до того. Холодно было, торопился. Извините.

Дэни и Ян склонились к замочным скважинам — их в двери несколько. Сама дверь — хлипкая, чуть ли не из картона, но каждый постоялец считал своим долгом обезопасить личное имущество от соседей. К тому же, как рассказывали хозяева, старые жильцы нередко съезжали не заплатив и ключи утаскивали с собой, оттого приходилось врезать новые замки.

В прихожей Давыдов кладет трубку. В его руке материализуется початая емкость. Она мгновенно пустеет. Слышно довольное кряканье.

Там дверь захлопывается. Здесь быстро открывается. Дэни — змеей к телефону. Хорошо что аппарат не древний дисковый, а кнопочный и с экранчиком. Нужная кнопка — и на сером фоне высвечивается последнее соединение.

Ян уже рядом. С ручкой. Пишет прямо на руке. Затем следует кивок в комнату на разобранный сотовый телефон, которым пользовались лишь однажды. Он только для крупных дел. И вот — для последнего дембельского аккорда. Потом — прощайте, не поминайте лихом. Или поминайте, от нас уже не убудет. Зато, возможно, прибудет.

Не было сказано ни слова. Зачем? Давно работают вместе. И все еще живы и здоровы.

Слова не нужны. Ян и Дэни одеваются и отходят подальше от дома. Это обязательно, у ищеек Сыча возможности неограниченные. Дэни вставляет аккумулятор, включает мобильник и дожидается, пока тот загрузится. Ян протягивает ему под нос руку с

закатанным рукавом. Быстро немеющие на холоде пальцы давят едва читаемые цифры. Приходит время букв. С этим сложнее.

- - - - -

Виртуальное совещание в разгаре. Второе за ночь. Впрочем, сегодня суббота, можно выспаться днем. Главное — дело, а дел этой ночью хватает. Недавняя докладчица теперь отчитывается по Кристине:

— В целом все нормально, успели вовремя.

— В целом?

— Был неприятный момент с камерой, здесь вина установщицы. Обошлось. Утром я встречусь с женами, покажу. Если что — приглашу.

В видеоконференции участвуют только члены Комиссии. Они знают больше остальных. Они самые лучшие. Роль играет не стаж, а умения. В любой миг возможна ротация, поэтому каждая жаждет взять на себя больше и сделать лучше. Сделать даже то, что в обычной жизни считает неприемлемым. И соблюсти установленный Чарли принцип трех К.

— Марго, Роза объявилась?

Первая, которую назвали Марго, согласно опускает глаза:

— Только что.

- - - - -

— Ты развелся? — в трубке слышна радость. — Значит...

— Откуда? — цедит мужчина. Он недоуменно кривится. Нога на ногу. Дым в сторону краем рта. Пепел в пепельницу, очень осторожно — он все же не дома.

Ох уж эти бабы. Владимир Терентьевич недоволен. Роза, конечно, хороша, но у него на уме другое.

— Школьная подруга в ЗАГСе, — открывает она карты.

— И ты ей?!..

— Но ты же...

Опять впереди паровоза. Почему женщины всегда так?

Он молчит.

— Я думала...

— Не давал повода.

— Зачем же?

— Превентивные меры, — кисло усмехается Владимир Терентьевич. Привычным движением он достает из кармана флакончик со спреем и поочередно прыскает в обе ноздри — с заложенным носом разговаривать трудно, и выглядит такой разговор несолидно. А с дамочками вроде Розы нужно быть твердым. Продышавшись, он продолжает тем же деловым тоном: — Доброжелатели позвонили, и пришлось. Это как бы не всерьез.

— Как бы или действительно не всерьез?

Владимир Терентьевич не достаивает ее ответа.

Только что он сделал большое дело. Сам не ожидал, что решится. Решился. Потому что только так он построит новое лучшее будущее.

Роза вздыхает. Говорит с бархатным придыханием:

— У тебя проблемы?

— Уже не у меня. — Он снисходит до нежности. — Прости, рыбка, мне сейчас некогда.

Прощай.

Владимир Терентьевич говорит тихо, поскольку не один.

- - - - -

— Что у Розы?

— Не успели, — отвечает первая.

— В каком смысле? — не понимают остальные.

— Он уже разводится. Правильнее сказать в прошедшем времени — развелся. Вчера.

Срочно. Приплатил сотрудникам ЗАГСа за скорость.

— Обидно, — бурчит под нос третья. — А что со вторым?

— У Лизы не было возможности. Клянется, что завтра.

— Последний срок.

— Может, кто-то другой возьмется? — третья до хруста потягивается, ее и без того антигравитационные достоинства выпячиваются... Таким способом она привычно издевается над древними, с ее точки зрения, старухами, которым с разной скоростью летят четвертые, а то и пятые десятки. — Сколько можно ждать? Пора перепоручать.

Марго сообщает:

— Чарли в этом направлении ведет кое-что параллельно.

Это всех успокаивает. Чарли — это да. У Чарли все под контролем.

Их Комиссия — это как бы «Ангелы Чарли» из старенького боевика, потому и основателя прозвали именно Чарли, так само получилось. А уж ангелы или демоны — это кому как. Себя они ангелами не считали.

- - - - -

Чем метеорит отличается от метеора? Тем, что второй еще летит.

Алекс прилетел быстро. Звонок по домофону, пять секунд на три пролета, приближающийся звук шагов на площадке... Дверь уже открыта.

— Рассказывай.

Метеорит.

Кирилл не утаил ничего. Заснеженные шапка, теплая куртка и ботинки Алекса остаются в прихожей.

— Понятно. — Он сосредоточен. — На кого думаешь?

Пожатие плеч. Если бы. Тогда Кирилл не спал бы дома, а действовал.

— Понятно, — повторяет Алекс. Его уверенное спокойствие постепенно передается Кириллу. — Давай по порядку. Кто мог забрать из садика?

— Я. Кристина. Больше никто.

— Алена?

Кирилл хмурится:

— Могла. В смысле, что с ней Павлик тоже пошел бы. Больше ни с кем. Но Алене ребенка бы не отдали, в садике строгие правила.

— Кристине сообщил?

— Нет. Никому.

— Кристина не могла забрать, а тебе не сказать?

— Она звонила всего за пять минут до того, как я пошел за Павликом. Слезно уверяла, что не успеает. Розыгрыш не в ее стиле. Она знает, что за такой розыгрыш я ее прокляну и придушу. Нет, это точно не она.

На улице грохочут ночные работы по благоустройству. Бьет по ушам перекрикивание водителей снегоуборщика и самосвала. Крепкие выражения на весь двор. Ночью слышно ого. Алекс морщится.

— Дедушки-бабушки-родственники? — вопросительно ползет вверх одна его бровь.

— Мои на Дальнем Востоке. Мать Кристины скончалась.

— Отец?

— Давно разошлись. Он тоже издалека.

— У Алены?

— В Беларуси. Я с ними даже не знаком.

В глазах гостя — изумление.

— Они друг с другом не общаются, — поясняет Кирилл. — Я надеялся, что на свадьбу кто-то придет. Роспись через неделю.

— Поздравляю.

Пальцы Кирилла хрустят. Алекс прикусывает губу:

— Прости. — Он показывает на тумбочку: — Телефон Алены?

— Да.

— Смотрел?

— Мне и ей звонили с одного номера.

— Ты рассказывал. А другие звонки, сообщения ей, от нее, электронная почта, заметки?

Кирилл опускает голову. Это телефон любимого человека, и тем не менее это чужой

телефон. Если бы Алена без спросу полезла в его аппарат...

Пальцы Алекса ловко летают по кнопкам.

— Ничего, — успокаивает он через минуту. — Чиста твоя Алена. Номер телефона ее родителей подскажешь? И адресок, чтобы снять все вопросы сразу.

У Кирилла взор заслуженно побитой собаки:

— Они даже не переписываются.

— Тоска... Забудь про письма, живем в век электронных коммуникаций. У тебя что же, нет их телефона?

— Первым делом позвонил бы.

— Адрес?

— Только примерный. Город Пинск, многоэтажка напротив гостиницы, что рядом с вокзалом.

Алекс вздыхает.

— Ладно, придумаем, что можно сделать. Теперь скинем твоих собеседников специалистам, проверим номерки.

— Ночь ведь.

— И что?

Для Алекса и его команды это не проблема. Номера ушли в сеть.

Мат за окном становится более изысканным и почти культурным. Наверное, самосвал сменился.

— Есть ли способные на такое враги или завистники? Даже по-другому спрощу: знаешь таких, у кого мог найтись мотив?

До сих пор Кирилл не задумывался столь широко. Завистников всегда хватало. А врагов у него нет. Хотя...

— Конкуренты могли. Последнее время мы очень поднялись. Продажа жилья любым количеством площади, хоть по квадратному сантиметру, оказалась отличной идеей. Люди покупали квартиры маленькими частичками, им не приходилось копить деньги в банке, который мог бы лопнуть, или держать под подушкой, откуда могли украсть, или в валюте, которая могла как вырасти, так и упасть к моменту покупки жилья. Если возникали обстоятельства и человек отказывался от покупки, ему возвращали деньгами новую стоимость этих метров. Периодически стоимость недвижимости колеблется, но в долгосрочном плане стабильно растет, и направление, которого не было у конкурентов, себя полностью оправдало. — Кирилл на миг задумывается. — А еще... Помнишь, еще при тебе мы начали заниматься переселением?

Агентство выявляло пенсионеров и алкоголиков, и после определенной подготовительной работы их выселяли в деревни в обмен на квартиры. Выискивали таких по базам данных полиции и служб социальной помощи, расспрашивали по дворам, уговаривали, расписывали плюсы. Потом помогали с переездом, сами носили и расставляли мебель на новом месте. Доплачивали деньгами и водкой. И все равно оказывались в изрядном плюсе. Ради которого, собственно.

Директор тогда купил свою первую квартиру. Потом вторую, а Кирилл — первую и единственную, которая теперь осталась Кристине. Нынешняя квартира была не его, она досталась Алене от бабушки.

— Помню, — признает Алекс, — недовольных много было. Думаешь, ребенка могли похитить они или с их подачи? Отыграться решили?

— Если бы только ребенка...

Взгляд его тонет в законной мгле, плечи опускаются.

Растаявшее мороженное. Надо же так раскиснуть.

— К черту эмоции! Это война! Мне уйти? — Голос приятеля звенит на пороге грубости.

По-другому никак. — Уже приходили с претензиями?

— Сначала многие. — Кирилл собирается с духом. — Потом перестали. Ездить дорого. — Он горько усмехается: — По-моему, им повезло — у конкурентов из «Провинции» прежние хозяева квартир просто исчезали. Иногда после передаточной подписи у нотариуса, иногда и до. И жаловаться потом некому. Мы же поступали по-человечески. И вот...

— Ясно, — резюмирует Алекс. — Надо поднять документацию, проверить всех.

— Маловероятно. Пенсионеры. Алкоголики. Не тот контингент.

— Ошибки в письме забыл?

Точно! Не дети, а эти! Очень даже.

— У кого-то могли объявиться несостоявшиеся наследники, которые обиделись на вашу деятельность. Сколько было таких сделок?

Кирилл задумывается.

— Порядка двух десятков, не больше. Это — всего. За последний год только три.

— Начнем с них. За адресами нужно в офис?

— Нет, все в компьютере. Здесь.

— Включай. И дай все данные по конкурентам. Особенно интересует их начальство. Насколько я в курсе, директор «Провинции» с вашим часто пересекается и, несмотря на конкуренцию, их связывают дружба или некие пока неизвестные нам интересы.

— Откуда информация? Я работаю в фирме, но такого не слышал.

Алекс отмахивается:

— У нас недавно приглядывали по чьей-то просьбе за этой «Провинцией» — тамошние ребята нехорошо обошлись с человеком, у которого оказались связи. Подключили нас. Все закончилось миром, кто-то кому-то заплатил неустойку, а нам — процент и надбавку за накладные расходы. Лично я в этом деле не участвовал, только помог с обработкой некоторых записей. Машина главного из фирмы-конкурента периодически стояла в районе дома Горского, но не у ворот, а всегда где-то поблизости, словно встречи были тайными. Честно говоря, меня это удивило, потому и запомнилось. Вот и прошу вспомнить каждую мелочь, которая покажется подозрительной. Нам сейчас любая зацепка поможет.

Пока компьютер грузится, Алекс накидывает варианты:

— Как думаешь: не могли ли через тебя искать возможность надавить на директора? Эдакая многоходовка. У того имущества несравнимо с твоим.

— Не знаю. Сейчас Владимир Терентьевич отсутствует по семейным обстоятельствам. Официально — уехал в командировку, но, говорят, с женой нелады. У него такое уже бывало. Оба остынут, и он вернется.

Алекс задумывается.

— Любовница тебе не могла такую свинью подложить?

— Какая?

— Какая-нибудь.

— Никаких любовниц. У меня Алена.

— А у Алены? — Алекс непреклонен.

— Что?

— Любовники.

Кириллу очень хочется заехать приятелю по серьезной физиономии.

— И не думай, — цедит он.

— Ладно, это направление по твоей просьбе списываем, — вычеркивает Алекс строчку у себя в уме, но вопросительный знак рядом явно оставляет. — Насчет Кристины. Она могла?

— Алену? — Череп Кирилла трещит и в нем что-то лязгает. — Теоретически... да. И только теоретически. Но сына...

Это выше разума.

— У тебя два не связанных между собой эпизода. Не старайся найти одного виновного. Значит, могла?

— Говорю же: теоретически.

— Пишем «да». — Алекс делает в голове еще одну пометку.

Компьютер предлагает варианты искомого. Алекс скачивает необходимое на свой планшет.

— Что мне делать завтра? — На Кирилла жалко смотреть.

Он не трус, но. Потому что — не за себя.

— Беречь нервы. Выполнять все требования. Не нарываться. О деньгах не беспокойся, спонсирую из резервного фонда, потом вернешь. Можно не сразу. — Только что убранный планшет призывно завибрировал, Алекс достал его и пересказал пришедшие по почте результаты запроса. — Телефон грамотеев, которые звонили вам обоим, оформлен на фальшивый паспорт, сейчас не действует. Не обнаруживается даже с помощью специальной аппаратуры — да, мы имеем доступ.

— А другие номера?

В ответ — довольная ухмылка:

— С последним та же история. А вот неграмотные воспользовались номером, который зарегистрирован на недавно умершего пенсионера. Его тоже отключили сразу после отправки сообщения и, видимо, думали, что концы в воду. Но только что в него опять вставили аккумулятор, и мы его засекли.

Алекс и Кирилл понимающе смотрят друг на друга.

Война началась.

— Только осторожно. — Боль в глазах Кирилла.

Сын. Алена.

— Конечно. — Алекс бесстрастен, но только внешне. Он сделает как надо. — Позвоню, — говорит он и поднимается.

Кирилл остается один.

Темнота. Пустота. Бездна.

И ма-аленький свет вдали...

Завтра.

- - - - -

Не пришел. Лишних два часа простояли. Гад. Видимо, загулявший потомок за это время нашелся. Ладно, попытка не пытка, рискнуть стоило.

Вернулись они с заветной емкостью. Ночной павильон был по пути, и они решили, что

можно. Даже нужно. Пусть и переплатили за неурочность.

Дэни направился в комнату, Ян — сразу на кухню, готовить теплый праздник на двоих. Возможно, последний праздник, прощальный в этом холодном городе.

Ян с сомнением поглядел на походные алюминиевые кружки. Других нет. Скоро будет все, но уже на новом месте. А сейчас...

Сейчас взгляд остановился на соседских бокалах. Кухня-то общая. А, ладно, помоем, не заметят.

«Бульк-бульк-бульк...» — прозрачная радость. Хе-хе, он слышал, как забугорцы говорят «глоб-глоб». Впрочем...

Новые звуки перекатывались на языке, уже нывшем от обжигавшего предвкушения. Чужие бокалы случайно соприкоснулись... Уши наполнил божественный перезвон. Словно ангелы запели.

Ангельское пение не пропало втуне. Скрипнула кровать (стены едва ли не из обычной фанеры), прошуршали шаги, и дверца соседей ощерилась черным оскалом. Щель заполнила собой сонная Давыдиха, она затягивала пояс застиранного халата и шурилась от слепившей яркости кухни.

— Ребятки, вы чего тут?

«Ребятки». Яну двадцать четыре, Дэни на год моложе. Давыдиха на пару лет старше, вряд ли больше. В самом соку. Некоторая потасканность не счет, голод не тетка — Дэни и Ян второй месяц вдвоем живут. Так и просится на язык колкость про столичных «противных», тьфу-тьфу-тьфу, прости Господи. И второй месяц перед глазами подзуживающая эта — то в халате, то без. Ага. Чего только не увидишь за семь недель, обитая бок о бок — то в незакрытый проем, то в окошко с улицы. Этаж-то один и низкий. Домику сто лет в обед. Шикарная баба. Слюнки текут. И незакрытый проем — всегда ли случайно? Черные, до плеч, кудри Яна и накачанный пресс давно заставляют ее сворачивать голову. Мужик у нее пьющий, жизнь тяжелая, а жить-то хочется каждому.

И как же мало нужно для счастья.

— На днях уезжаем. — Не собираясь извиняться за оприходованное имущество, Ян невозмутимо поставил на стол третий бокал, словно только того и ждал. — На прощание. — С размеренным бульканьем все стаканы наполнились доверху. — Присоединяйтесь. Нам будет приятно. Вы замечательная соседка и чудесная женщина.

Давыдиха раздумывала недолго. Ее взгляд застопорился на несущей акцизный шарфик спутнице бокалов. Расплывшаяся в талии бутылка и звенящие статью бокалы на крепких ножках, полные жидкого огня, — волшебная компания унизить унылые будни. Женщина тщательно прикрыла за собой дверь в комнату, где урчал во сне довольный жизнью поддатый супруг, и заняла один из табуретов. Ребенок спал в третьей комнате. Обычно, после того как он утомится, про него можно забыть до утра. В данном случае можно означает нужно. Иначе — какой праздник? Дети и праздники несовместимы.

В комнате еще не разувшийся Дэни выложил разобранный телефон из промерзшей куртки на тумбочку и вернулся в прихожую. Когда он сменял теплые сапоги на потертые шлепанцы, два бокала уже поднялись.

— За прекрасных дам! — Ян был убедителен как никогда. И, как показало обшарпанное зеркало, чертовски красив — даже на фоне отслаивавшихся обоев. А возможно, именно благодаря им — выгодно выделяя из окружающей мерзости, как алмаз из руды.

В ответ — благодарная и чуточку озорная улыбка пухлых губок.

Ян всегда нравился женщинам.

Дэни подмигнул приятелю. Тот играл в равнодушие. Но глаза смеялись.

Дом сотрясился застенным храпом Давыдова. Отпустившие опустевшую посудину пухлые губки выпятились расстроенной уточкой, лицо с пренебрежением и едва ли не презрением глянуло на закрытую дверь. Виноватое пожатие плеч под халатом обрисовало положение: «А что делать? Жизнь такая». С двери взгляд перетек на мускулистый торс Яна.

Дэни вздохнул — приятель в этих делах всегда впереди.

— Жаль, что больше никогда вот так не увидимся... — Ян пошел на штурм. Рука на коленку. Поглаживание. Глупое хихиканье и бархатный шепоток в ушко. Еще бокал. Проглотив содержимое как воду, Давыдиха вдруг поднялась, оправила полы разворошенного халата и беззастенчиво устала на Яновы вороные кудри до плеч.

Она медленно пошла к санузлу.

Оглянулась на Яна.

Ян тоже встал.

Дэни отвернулся и стал делать себе бутерброд.

Бутерброд съеден. Одиноким Дэни нетактично прислушивается ко всему, что не храп.

«Топ-топ». Дэни вскакивает — из разверзшейся соседской тьмы на него, держась за писюн, глядит мелкий Давыденочек. И прошмыгивает в сторону занятого туалета.

Операция «Перехват» проходит успешно — крепкая рука мягко и уверенно разворачивает постреленка в сторону кухни.

— Я хочу пи-пи! — в соответствии с возрастом тупит несносный мальчишка.

— Там занято. — Дэни приставляет табурет вплотную к раковине, а мальчугана водружает сверху. — Здесь. Не стесняйся, все свои.

Ага. Теперь все свои. Почти.

Журчит ручеек, потом Колька заправляется в пижамку.

— А где мама?

— Скоро придет.

— Я к ней хочу. У меня живот болит.

По глазам видно — выдумал. Надо отвлечь. И увести, чтобы не видел, не слышал.

— Хочешь, настоящий кнут покажу?

Подарок деда. Единственная вещь, что напоминает о прошлом.

— Очень! — прыгает мелкое чудовище от удовольствия.

— Пойдем.

В комнате бардак. Дэни ищет везде, затем лезет под кровать. И что бы не сложить все как надо? Женщины не хватает.

Не хватает. Он скрипит зубами, представляя приятеля. Наконец, ладонь нащупывает то, что нужно — длинную сплетенную из кожи змею.

За дверью слышна возбужденная возня, через миг появляется веселый Ян:

— Надо бы еще за одной сбегать...

— Дядя Денис, дядя Иван, я вам телефон починил! — радостно сообщает оставленный без внимания монстр. — Он был сломан на кусочки, а я взял и собрал!

Колька сияет. Дэни и Ян переглядываются.

Ян реагирует первым. Он открывает окно и забрасывает выхваченную у мальчишки черную коробочку как можно дальше в соседский двор. Ян и Дэни глядят на мерзкого Давыденка — убили бы. Тот с воем выносится вон в объятия покрасневшей Давыдихи.

Ян быстро собирает вещи. Нужно-ненужное, лишнее-полезное. Одно в сумку, остальное в угол.

Отдохнули.

- - — -

Она пристально разглядывает Алену — чересчур покрашенная женщина в густом рыжем парике и очках. Алена начинает приходить в себя, женщина надевает маску.

— Где я? Кто вы? Что вам нужно?

Молчание. Высокомерная ухмылка. Люк захлопывается.

- - - -

Глаза Дэни сосредоточились на проделанной пальцем амбразуре оконного узора. Деревянные окна — наследие предков. Когда он купит себе дом... Да, пластик и только пластик. Экология? Домыслы. Технология.

От красивой растительности инея веет скорыми неприятностями. Почему Ян тогда его не послушал...

Это было два месяца назад:

— Вот. — Палец Яна указал на люксовый кроссовер с хитрыми номерами.

Заказ был именно на такой. Но номера...

— Уверен?

— Другого нет, а нас уже ждут.

Их действительно ждали. Но внутренний голос Дэни молил: не надо трогать машину с такой комбинацией цифр и букв. В этом городе, как и в большинстве других, любая собака знает людей, связываться с которыми себе дороже.

Яну наплевать. Они и так потеряли несусветное количество времени, пока искали вариант лучше. Сейчас все необходимое с собой, а нужная машина — в тени и вне зоны действия камер наблюдения.

— Давай, — сказал тогда Ян, оставаясь на стреме.

Дэни взобрался на капот, с трудом втянул наверх тяжелую железяку, примерился... Схему он помнил и нужное место видел как нарисованным. Только бы хозяин не перестраховался с автономкой...

Сейчас все помешаны на электронике. Но против лома, как известно, нет приема, от грубой силы никакая электроника не спасет. Удар острого лома прошил капот, как бумагу, и обрушился на аккумулятор. Сигнализация лишних примочек не имела и сдохла, едва пискнув. Йес!

— Отлично. — Нарисовавшийся рядом Ян принялся за дверцу.

Дэни притащил оставленный невдалеке небольшой аккумулятор, с которым пришлось переться из временно снятого дома целых четыре квартала. И с ломом. Ничего, зато все получилось с первого раза.

— Прыгай! — Отворилась дверца пассажира. Ян завел двигатель.

Сначала в мастерскую. Сенька их уже ждал. Перебивка одной цифры в номере — дело плевое. Больше не нужно, если есть связи. У клиента есть.

Встретились в обусловленном месте. Осмотр длился недолго. За дыру в капоте немного скинули, высокопоставленный клиент выглядел довольным и спокойно отслонявил сорок три сотенных. Но вмешалась судьба. Интуиция Дэни не подкачала.

Едва передав деньги, клиент поднес к уху заверещающую трубку. Глаза стали тазиками.

— Куски идиотов, вы у кого машину взяли?!

Уходящий в инфразвук вопль и брызги слюны...

Конца случившегося концерта приятели не слышали, они уже работали ногами не за жизнь, а на совесть, в существование которой давно не верили, как в деда Мороза.

За проявленное неуважение местный авторитет Сыч открыл на них охоту. С тех пор они сидели взаперти, откуда выбирались лишь изредка, в надежде на мороз — поди опознай фуфаисто-ушанистый мешок, что пробежал за хлебцем. Иногородние родичи в это время готовили пути отступления — как с возможностью весьма затратного примирения, так и без. Еще бы чуть-чуть...

У соседского дома мелькнули фары.

— Вроде бы все собрал, — сказал сзади Ян. — Уходим.

Дэни подхватил одну из набитых сумок, но дверь уже распахивалась с другой стороны. Грохот, лязг, брань...

- - - -

Алекс работал. Ночь, не ночь — неважно. Он подключился к полицейской базе данных и просматривал записи с камер наблюдения на двух перекрестках, куда можно выехать от дома Кирилла. Влево и вправо. Семнадцать тридцать. Плюс пять минут — если часы Кирилла немного спешат или отстают. Девяностопроцентная уверенность, что в одной из движущихся машин — Алена. В халате и тапочках.

Планшетник заполняется данными. Потом номера обретут фамилии и адреса. Позже это все пригодится — когда обрисуются другие ниточки.

Алекс сидит в офисе. Он только что вернулся. Ян и Дэни теперь в подвале, спеленутые как полагается. Оказывается, их телефон, которым он заинтересовался с подачи Кирилла, давно поставлен на пеленгацию, и оба находились в разработке у Камбалы. Игнат по кличке Камбала — бригадир параллельного направления. Алекс у Сыча занимался борьбой с несправедливостью в пользу обиженных, Камбала — в пользу босса. Каждый прекрасно делал свое дело, контора процветала.

Яна и Дэни, или просто Цыган, как называли эту парочку, парни Камбалы слегка «покоцали» при штурме тайного местопребывания. Алекс прибавил к другим вопросам и свой. Цыганы ни от чего не отпирались и сообщили, что услышали от соседей о пропаже пацаненка и решили подзаработать. Где находится ребенок они не знают, просто хотели дуром срубить денег.

Больше эти персонажи Алексу не интересны. Сами выбрали судьбу. Дальше ими займется Сыч.

Сыч, он же Борис Борисович, он же босс. Однажды Борис Борисович вытащил Алекса из тюрьмы, куда тот попал из-за упорного желания поступать по совести. Тот же Борис Борисович предложил работу, где предоставились невообразимые возможности. Еще бы. Частная фирма, которую в городе по старинке называли не иначе, как конторой, была особенной. Одни ее уважали, другие не любили, третьи всеми путями сторонились. И все боялись.

Контору организовали крутые бизнесмены с бандитским прошлым и не только прошлым. Они стригли купюры на всех фронтах пограничного мира между законным и не очень. Они сумели стать лучшими, потеснив или уничтожив недовольных. В современных реалиях они могли практически все.

Поэтому Алекс сегодня с ними.

Папка по Кириллу полнится адресами его коллег, бывших друзей, соратников и соперников. Уже сам Кирилл знает о себе меньше, чем планшет Алекса. Начинается работа по расстановке приоритетов.

Начинать надо с главного: кому выгодно?

В отношении пропажи невесты Кирилла основной подозреваемый пока — бывшая супруга. Основной, но не единственный. Что ж, у Алекса есть возможности — он их использует. Задействует всех, кого можно и нельзя. Он знает, что значит терять.

После дорожных камер и сбора адресов приходит время пробивки по прочим базам. Проверяя адрес и сводки, Алекс неожиданно улыбается. Надо же, как раз вчера. Случайность? Везение? Везет тому, кто везет.

Был вызов. Старший наряда — старший лейтенант Добрунин.

Добрунин, оказывается, еще на дежурстве. Хорошо. Алекс соединяется с отделением.

— От Бориса Борисовича. Добрунина, пожалуйста.

- - - -

Поговорили. Интересная ситуация. Камера на кровати. Разные версии произошедшего. Видимость примирения сторон.

Алекс сверяется с полученной от дежурного предварительной информацией.

— Александр Петрович, а анкетными данными тех блондина и брюнета не поделитесь? Сугубо приватно. Знаете же, за нами не заржавеет.

Добрунин хмурится, отчего выглядит на экране монитора еще полнее, чем на деле. Обычные полицейские не любят ребят Сычевской конторы, с чьим боссом их прямое начальство в одни бани ходит. Причем, одновременно.

— Пиши, — кривится старший лейтенант, но диктует.

— Напоследок. Что можете сказать о хозяйке? — Вопрос в лоб: — Врала?

Лоб под служебной ушанкой изображает задумчивость:

— Если только чуть-чуть. Эти двое вели себя так грубо...

Не забыв поблагодарить, Алекс отключается.

Внешне похоже на шантаж, но тогда зачем баламутить покровителей и вызывать полицию? Была ли перед этим попытка договориться? Не удалась?

Ключи к пониманию — те два мужчины и что куда зачем транслировала камера.

Алекс выпрыгнул в холод к автомобилю. В голове — версии и планы, в руках — планшет, по электронке обеспечивающий задачами всю сонную рать. Кириллу будет интересно узнать, чем промышляет его бывшая. Впрочем, если к похищениям она не причастна, то не обязательно.

Справедливость.

Часть 2 Суббота, утро. Глава 1

Картинки быстро сменяются. Так и положено, закон жанра.

Голос певца красив и роскошен, он волнует, втекая внутрь глубоким ярким потоком и отдаваясь в животе и груди легкой вибрацией. Слова о великой любви рвут сердце...

«Врац» — это смесь врача (учился на медицинском, когда загремел) и извращенца. По сто тридцать первой, будь неладна. По статье и масть. Руки никто не подаст — запаadlo. Но услугами с удовольствием пользуются. На воле снял трешку, нашел трех потрепанных мочалок и окунулся в новый для себя мир частного предпринимательства.

Алена, блин. Она же Елена. Давно ли была Эсмеральдой? Почти месяц у него жила.

Красавица. Женственная умница. В то время — годков восемнадцати. Шла по улице, не обращала внимания на толчки отпихивавших прохожих. Едва не попала под машину. У Враца тогда была машина. Он сам свернул к торкнутой с виду девице, интуиция подсказала: вон оно. Твое. Бери.

Он взял. Назвал Эсмеральдой. Девушка не возражала. Она вообще была не в себе. Как многие, приехала в столицу учиться, жила в общежитии. Там ее и... Нет, не наркотики. Запугали так, что ни о каких заявлениях не думала. Думала о самоубийстве. Врац подобрал ее, привел «домой», сказал:

— Жить будешь здесь.

— Не хочу жить.

— Нужно, — сказал он, наливая чай.

Она познакомилась с товарками. Лиана, Изольда, Нателла. Толстеющие дурнушки. А Эсмеральда — расцветающий бутон. Удача, которую он ждал столько лет.

— Не вздумай! — говорили ей новые подружки. — Бог не принимает самоубийц.

Девушка смотрела на них грустными и внешне наивными глазами мудрого будды:

— Божий сын сам пошел на крест?

— Сам.

— Мог не идти?

— Мог.

— Ну и?

Если девицы работают телом, а не головой, то с логикой и, тем более, системным мышлением у них однозначно не очень, и никто не возразил. Для них и Гастелло с Матросовым — типичные самоубийцы.

Алену-Эсмеральду оставили в покое. Но работать, когда оклемалась, заставили. Постель и еда не бесплатны.

Врацу повезло, что ей было все равно. Некоторое время. То есть, только первый раз. Она сразу попыталась сбежать. Но — куда? Документы из универа он помог ей забрать и держал у себя — как раз на такой случай.

Потом был «субботник» — бесплатная акция для тех, кто выше. Какая разница, в кожанках ребята или мундирах, крыша любая важна. Эсмеральда была красивейшей, ее и заказали.

А Врац ее не уберег. После субботника, когда от безвольно-бездушного тела никаких

подвигов не ждали, оно — почти не подававшее признаков жизни тело — сумело-таки исчезнуть. Крышевики чуть шкуру с него не спустили. Алмаз. Не каждый день такие. Но — как в воду. Клиенты, наслышанные о новом приобретении Враща, тоже были недовольны. Пока ждал девочек, он по возможности интересовался у администраторов и портье, кто из клиентов кто и откуда. В его деле излишняя информированность излишней не бывает, иногда возникали проблемы, и их требовалось решать. А знания, как известно, — сила. Из этого города, куда занесли судьба и необходимость, помимо непонятных личностей бывали полицейские, причем не последнего пошиба, а также юристы, риэлторы, бизнесмены...

И как сквозь землю провалилась. Никаких следов.

И вот, объявилась. Алена. Агеенко. По мужу. Бывшему, кля. Толян нормальным мужиком оказался, калач тертый, своего не упустит. Кратенько выслушал, быстро объяснил на пальцах, что к чему — и бескровно отправил восвояси. Драть бабки, дескать, теперь с нового муженька надо. Хорошо, что денег не взял за совет и информацию. А мог бы — со стволом-то против ничего.

Кутаясь в куцый воротник, Вращ посмеялся над блином комом. С этим адресочком, подобранным неким доброжелателем, он, конечно, лажанулся. Урок на будущее: проверяй и перепроверяй, слово не воробей, вылетишь и огребешь.

Вчера он вернулся в гостиницу, отдохнул, согрелся. Идти среди ночи не стоило. Взять тепленькими утром — в самый раз.

Вот и утро. Люди торопятся на работу, общественный транспорт забит до отказа, зато внутри автобуса тепло. А снаружи холодно. Но вскоре все изменится. Не для природы, естественно, а конкретно для него.

В данную счастливую минуту он приближался к конечной станции вояжа. Нашел. Вот эта улица, вот этот дом, вон и подъезд, где ему денег дадут. Обязаны дать, или он ничего не понимает в жизни. А главное — это последний шанс снова встать на ноги. Последнее средство. Он будет последним кретином, если не выжмет из ситуации возможное и невозможное.

Терять нечего. Нателла и Изольда живут под кайфом, за полчаса проживают целую жизнь и лежат бездыханными, хоть режь их, хоть ешь. Реал — тоскливый зал ожидания. Ничего им больше не нужно. Превратились в чучела. Зомби человекообразные. Гнусные орки. За таких никто не заплатит. А Лиана обрюзгла, теперь даже пьяные отказываются. В общем, пришлось закрыться, отстегивать крыше стало нечем. Прошлые Елены-Алены-ака-Эсмеральды — единственный оставшийся актив.

Ждать, пока кто-то не открыл изнутри подъездную дверь, пришлось недолго. Вращ вдохнул затхло-теплого, по сравнению с внешним морозным, воздуха. Проверил в кармане наличие фотографий очаровательной беглянки. Повторил про себя не забыть сказать про копии, которые увидят свет, если новый муженек окажется столь же бойким, как прежний.

Вращ нажал кнопку звонка.

Лучше бы она. Эсмеральда. То есть — Алена, которой есть за что платить, чтобы забыть Эсмеральду.

— Кто? — раздалось очень быстро.

Мужской. Что ж.

— Кирилл? — Вращ готов был разговаривать с ним тоже. В принципе, этот даже больше отвалить может, если судить по рассказу Агеенко.

Риэлтор. По слухам, от бывшей супруги откупился как миллионер.

— Кто это? — Дверь не думала отворяться.

Не привыкать.

— Информация про Алену Агеенко. Готов уступить по сходной цене.

Он улыбался. Жизнь налаживалась.

Дверь незамедлительно отворилась.

- - - -

Суббота. Она обожала выходные. И мороз кажется не таким кусачим, и ветер не столь пронизывающим. И ярче, и светлее. И на душе.

Опять все прошло без сучка. Скоро она отомстит и Кириллу. Ох как отомстит. Ох как скоро...

Захотелось поделиться. Кристина набрала новую подругу:

— Лиза?

— Прости, сейчас не могу. Полиция.

— Где?

— У нас. В офисе.

— Сегодня выходной!

— Пришлось. С ними не поспоришь. Перезвони позже.

— Подожди, два слова. Как с Кириллом?

— Никак.

— Но ты...

— Стараюсь.

Кристина недовольно отбросила телефон в ноги и закрылась одеялом по самый подбородок. Малявка. Неумеха. Внешность Бог дал, а пользоваться — нет.

Рука под одеялом наткнулась на что-то. Вскрик перетек в корявую гримасу — палец укололся об острие маникюрных ножничек. Так и лежали в постели всю ночь? Хорошо же спала.

Ножнички отправились вон. Вчера ими упаковку надрезали. Кристину передернуло.

А Кирилл не дается. Ни этой дуре Лизке, ни неотразимой чаровнице Розе, которая тоже подкатывала. «Чай, кофе, потанцуем» — не его вариант. Нужно как-то по-особенному. Алена же смогла.

Кристина начинает жалеть себя. Брошенка. Одинокая с ребенком. Кирилл — урод. Нашел себе смазливую птаху перепончатую. Воспользовался, что жена с сыном на месяц уехали.

Воспоминания о той поездке направляют мысли в приятную сторону. Спортсмен был неплох. Когда надо, с Павликом сидела наемная няня, а ночью...

Сладкая картинка разлетается в клочья от дребезга вибрирующего в ногах почти прыгающего моби́льника. Рука, высунутая сбоку, ловит его, ухоженный пальчик проводит по экрану.

— Привет, — говорит кто-то.

— Аналогично, — настороженно отвечает Кристина.

Голос мужской, вроде бы незнакомый. Номер тоже.

— Это Леонид. Однажды пересекались в фирме, где твой муж работал.

— Муж? Мы развелись.

— Знаю.

Леонид? Вспомнила. Симпатичный ловелас, приятный собутыльник. Как-то раз Кристина была у них на корпоративе. Еще там был такой Алекс — нелюдимый статный красавчик. Кажется, женатый, на нее даже не посмотрел. Еще — Владимир Терентьевич, их босс. Этот поглядывал масляно. Но на нем жена висела и, говорят, дома несколько наструганных спиногрызов. Не ее вариант.

— Прости, что звоню, но, надеюсь, побеспокоил не зря. Ты в курсе, что в наше захолустье лучший голос страны приезжает?

— Ну? — начинает догадываться Кристина.

Этот певец ей нравится, и даже не из-за голоса. Мало ли, что о нем говорят. За него говорят песни. Правда, сейчас в Москве гастролирует ее любимый хрипатый итальянец, за приглашение на которого она душу бы продала...

— Достал два билета на дневной концерт, еще три месяца назад, когда его только что объявили, а с подругой вчера разбежался.

— С которой по счету за эти три месяца? — Кристина смеется. Она помнит непостоянство звонящего.

— Ты права, — унылый смех в ответ. — С очередной. — Настороженная пауза: — Не составишь компанию? Обещаю вести себя прилично.

Лицо Кристины светлеет:

— Не пропадать же билетам.

-- --

Утро вышло кошмарнее, чем он думал. Просто пережить и дождаться не получилось. Уже в шесть Алекс вырвал из пожиравших видений неожиданным звонком.

— Неграмотных скидываем со счетов, — звучит из телефона.

— Взяли?

— Случайные люди. Сейчас меня интересует прошлое твоих жен. Начни с Алены.

Кирилл садится на постели и сосредотачивается.

— Приезжая. Родители остались в Пинске.

Собеседник вставляет:

— Разыскали их. О дочке не слышали с отъезда в Россию. О тебе тем более. Пьют страшно.

Неверие Кирилла, видимо, заметно по тишине или передается напрямую по телефону: «Как узнал?..»

— Пришлось просить смежные структуры. — Алекс правильно истолковал молчание. — Если Алена там появится, мне сообщат. Теперь вопрос: почему она приехала именно сюда?

— Думаю, что в связи с замужеством. Она не любила говорить о прошлом.

Кирилл никогда не расспрашивал ее на эту тему. Приехала и приехала. Для него главное, что они встретились.

Для Алекса главное все. Он идет дальше:

— Как познакомились?

— Первый раз увиделись на дне рождения у генерального директора. Бывший муж Алены — его приятель.

— Как ты увел ее?

В душе Кирилла поднимается возмущение.

— Не вводил. Так получилось. Судьба.

Алекс хмыкает и интересуется дальше:

— Все о ее подругах: имена, адреса, телефоны...

— Собственно... — Кирилл умолкает.

Собеседник настораживается:

— Что?

— У нее нет подруг.

— И на работе?

— Она технолог на химзаводе. В цеху в основном мужики в возрасте и бабульки пенсионных лет.

— «В основном»? — цепляется Алекс.

— Сначала она работала упаковщицей, пока универ заочно ни закончила. Там много студенток подрабатывало. Некоторые потом на заводе остались, в разных отделах. Я никогда не слышал, чтобы Алена поддерживала с ними отношения.

Прикидывающий возможный объем работы Алекс долго о чем-то размышляет.

— Хорошо, — произносит он, наконец. — Теперь про Кристину. Откуда родом?

— Местная.

— Кем и где работает?

— Мужской мастер в «Королеве Роз».

Алекс не в курсе.

— Элитный салон красоты, — поясняет Кирилл.

— Насколько знакома с компьютером?

— Она? — Ехидный хохот сам по себе ответ. — Нисколько. Не знает, где включается и зачем нужен.

— Мне кажется, твои знания устарели или были неверны изначально. Впрочем, даже медведей учат кататься на мотоциклах. Идем дальше. Подруги?

В отношении Кристины Кирилл уверен:

— Только одна, да и то... Не подруга, а так, знакомая. Наташа с моей работы. Еще с Лизой немного общается. Они у нас бухгалтер-кассир и агент.

Наверное, Наташу Алекс должен помнить, она пришла еще в бытность его сотрудником «Риэлтинга».

— После вашего развода чью сторону они приняли?

— Ничью.

— Ее жалели?

— Ну...

— Тебя поздравляли искренне?

— Не знаю. Одновременно поддерживали ее и радовались за меня, никаких других чувств внешне не выказывали.

Если не считать, что потихоньку поглядывали на него с вечным интересом, думает Кирилл. Но вслух не говорит.

— Еще подруги? Школьные, институтские, по работе.

— Кристину меня ревновала ко всем, а к подругам особенно. Прежние связи оборвала. Новых не завела.

— А на работе?

— Там такое осиное гнездо... Все друг друга подсиживают. Дружбой не пахнет.

— Любовники?

Кирилл на время примолкает.

— Скорее всего, были. Сначала я не знал, а потом, когда встретил Алену, меня это уже не интересовало.

Не успевает он отключиться, как телефон вновь незнакомо орет дурным голосом. Номер не определился.

— Матвеев? Из полиции беспокоят, капитан Бражинский.

Всколыхнулось: неужели нашли?! Неважно кого — Алену, Павлика. Обоих. Хотя бы одного. Пусть не заявлял, но вдруг...

— Это по поводу вашей работы. — На миг зависнув в апогее, счастливая волна опадает в бездну протокола. — Можете через час подъехать в офис?

Наворачиваются слезы. Размечтался.

— Понимаем, что суббота, но — дела. — Капитан убедителен.

— Буду. — Кирилл снова вздыхает.

В дверь раздается звонок. Опять новости? Кирилл в два прыжка оказывается рядом и кричит сквозь дверь, стоя в одних трусах и прислушиваясь:

— Кто это?

Ангел небесный:

— Информация про Алену Агеенко. Готов уступить по сходной цене.

Кирилл не раздумывает — незачем. Распахивает:

— Ну?

Хлипкий хлыщ неопределенного возраста. Озирается.

Кирилл отступает вбок, к висящему на вешалке плащу. Рука машинально ныряет вглубь.

— Проходи.

— Как скажешь, хозяин, — опасно скалится незнакомец.

- - - - -

Вот и поговорили.

Дурак он — и сегодня, и всегда был. Считал Елену-Алену своей удачей. Типа, с нее начался его взлет. Хрен. Она — его погибель. Как раньше не догадался. Знаки долларов в глазах мешали, словно картинки в одноруком бандите.

С нее началось его падение. Жил себе спокойно, имел пусть небольшой, но стабильный доход. Клиентура не жаловалась. И вот, блин, — Елена Прекрасная...

Врач морщится и потирает пальцы связанных рук. Не подбери он тогда бедовую девку, не растерял бы клиентов, которые получили возможность выбора и, само собой, захотели большего. И не испортил бы связей. Не отдал бы последние деньги за подкинутый лукавым адрес чертовой Эсмемальды и не поехал бы в этот дрянной городишко. Не попал бы сначала под ствол пистолета, а теперь — под увесистую биту. Едва только заикнулся: «Ну, хозяин, сколько готов выложить за свою ненаглядную?..»

Кто же знал, что тот на пределе и собой не владеет?

Короче, пришлось рассказать просто так. Град ударов заставил визжать и ползать, тщетно уклоняясь от свистевшего ужаса. Бита едва не сломалась, вот как. Затем новый муж роковой Эсмемальды связал ему руки и усадил перед собой в кресло.

— Где она сейчас?

— Откуда я знаю?!

— Ты сказал, что есть информация.

— Это и была информация!

Хозяин не понял.

— Это все, что ты пришел сказать? — сокрушенно выдохнул он и уронил, наконец, опущенную, но остававшуюся в руках биту. — Про ее прошлое? То есть ты не знаешь...

— Ничего не знаю! Я все объяснил, все рассказал! Отпусти меня, ну пожалуйста!.. — Не проста, оказывается, продажа информации. Нет, не для него такая работа. Занимался бы тем, что умеет, никого не трогал — и его бы не тронули. На фига он сюда поперся? Выйти бы теперь живым...

«Тук-тук», — в дверь, осторожно, почти испуганно. Оба, потерянный хозяин и избитый гость, вздрогнули и обернулись.

- - - -

«Тук-тук», — еще раз.

Приложив палец к губам (связанный незнакомец в ответ быстро-быстро закивал), Кирилл открывает.

Мальчик. Школьник, класс примерно пятый. Припоминается: сегодня встречались в одной из квартир, когда опрашивал. Тогда Кирилл был вне себя, помнит плохо. Наверное, с верхнего этажа.

— Дядя Кирилл, вы были у нас вечером, помните?

— Да.

— Папа сказал, что вам надо посмотреть.

Мальчик протягивает бумажку и убегает. Разворачивая и вчитываясь в иностранные буквы, Кирилл чувствует в глубине квартиры движение и оттуда ударяет ледяная волна.

Врац не упустил момента. Хватит с него приключений. Хватит гоняться за злым гением в прелестном обличье, от него одни неприятности. Едва хозяин отвлекся, Врац подскочил к окну, связанными руками рванул ручку вниз и на себя. И — вперед, в жуткий холод.

Второй этаж. Внизу снег, не страшно. Шапка осталась в квартире. Плевать.

Жив. Свободен. Что еще нужно для счастья? Улыбаясь разбитым ртом и истерически хохоча, Врац понесся по улице. Жизнь!

Домой. В столицу. Там он знает, с кем и как. Здесь, в этом проклятом занюханном городишке, пусть сами разбираются со своими заморочками. Он в их игры больше не игрок.

На бумажке — интернет-адрес. Линк на известный портал, всемирный отстойник самопальных видеороликов.

Срочно к компьютеру. Но сначала окно: ага, беглец цел, почти невредим и быстро удаляется. Скатертью дорога. Кирилл закрыл окно.

Теперь главное. Буквы и символы вбиваются в адресную строку. И...

«Похищение?» — называется ролик.

Боже. Она. Любимая. Как он и высчитал, в халате и тапочках. Выскакивает из подъезда на лютый мороз. Вид немного сверху — снимал кто-то с балкона. Соседний подъезд, этаж примерно пятый-шестой.

Алена наклоняется к открывшейся дверце машины и будто бы падает в нее, исчезает внутри. Дверца захлопывается, машина рвет с места. При отъезде видно, что номеров нет. Все.

Комментарии (с исправленной лексикой):

«Не завидую. Моржика что ли? Смотреть холодно!»

«А вдруг реально похитили?»

«Сбежала от мужа!»

«От любовника! Муж вернулся, пришлось драпать в чем мать родила — в такси...»

«Жаль не я тот таксист».

«Ко мне тоже однажды такая краля ввалилась...»

«А ко мне пока нет. Не отказался бы».

«Приспичило-то — на первого встречного мужика кинулась».

«Наверное, кавалер сказал, что без бутылки не будет, вот и ломанулась в киоск».

«Что вы, она просто время спросить вышла. А у того часов с собой не оказалось. Сказал, что знает, где есть. Она и поехала».

Бред. Невидимый кинжал под ложечку. Виски в тисках — кто-то усиленно заверчивает ручку. Боль.

Кирилл пересматривает снова и снова. Алена, дверца, машина. Выскочила, склонилась, исчезла. Раз за разом.

Ничего нового. Кто за рулем — скрыто. Единственное, что дает запись — вид машины без номеров. И ее марку.

Машина, проглотившая Алену — Бумер-пятерка. Цвет не разберешь, просто темный. Таких полгорода, весь бизнес и администрация. Да и кто в здравом уме на дело свою погонит?

Кирилл не верит, что Алена села туда сама. Совсем не верит. Не хочет и не может верить. Видно же. Мышь опять давит по запуску ролика: ведь не сама? Точно не сама?

Опомнившись, Кирилл набирает Алекса:

— У меня новости. Сейчас сброшу ссылку.

-- --

Непомерно большой апельсин балансирует на кронах деревьев, взбираясь на небо осторожно и муторно-медленно. В морозном тумане на него можно смотреть не щурясь.

Красота пейзажа Алекса не впечатляет, не до того. За истекшее время он успел многое. Начать с того, что отчитался перед Кириллом о проделанной работе (человек на грани, нужно понимать), затем сумел разыскать оказавшихся уже не дома бесславно, зато бесплатно отпущенных блондина с брюнетом. Алекс представился частным детективом. Дескать, исполняет заказ от похоже пострадавшего мужчины.

Узнать удалось немало. Кино оказалось двухсерийным, о чем полиция пока не в курсе. И вряд ли ее известят. Денег Кристина действительно не взяла, но показала запись вчерашнего «срочного совещания» благоверным обоим жизнелюбов. Скандал, ругань, угроза развода. Ничего хорошего.

— Сама показала?! Среди ночи, сразу обеим, в разных частях города? — уточнял Алекс.

— Не интересовались. И какая разница?

Разница имелаась. Насторожила еще одна подробность.

— Вы же сказали, что в компьютере следов записи или трансляции не обнаружили?

Блондин:

— Их там не было. Точно. Я разбираюсь.

— Как же?

Пожатие плеч:

— Успела стереть.

Алекс кивает. В планшете появляется заметка: «Кристина действовала не одна». Сразу — звонок своему основному напарнику Леониду. Быстро несколько слов.

Не успел отключиться — Кирилл на проводе.

— У меня новости, — говорит приятель. — Сейчас сброшу ссылку.

-- --

— Принес мальчик из квартиры, которую я вчера опрашивал, — объясняет Кирилл. — Сказал мне, что папа случайно нашел.

— Случайно ли?

— Думаю, да.

— Снимали они?

— Нет, из другого подъезда.

— Автора записи сможешь найти?

— Займусь сейчас же.

Нажав «отбой», Кирилл вспоминает, что забыл рассказать про визит столичного горешантажиста. И черт с ним. Неприятно узнавать такое. Лучше бы и не знать. Боль в сердце усиливается.

Ох, Алenuшка...

-- --

У Алекса не умолкает телефон. Отчеты и распоряжения следуют одно за другим. Выкроив паузу, Алекс открывает спутниковую карту и укрупняет местность. Нашел. Если от Кирилла свернуть в гаражи, там можно остановиться и прикрутить номера на место, дело двух минут.

Итак, БМВ пятой серии. Запись с правого перекрестка в пять тридцать пять показывает знакомую машину. С номерами. Значит, теперь есть фамилия и адрес владельца.

Алекс приблизил изображение. За рулем мужчина, рядом женщина, которая вполне может оказаться Аленой — разглядеть лучше не позволяет качество записи.

Первая ниточка. Главное — дернуть правильно, чтобы не порвалась.

На всякий случай Алекс поглядел и левый перекресток.

Черт. Еще одна. На передних сиденьях — две женщины. И каждая похожа на пропавшую.

Набрав номера обоих автомобилей в базе данных, Алекс получил ответ. Удивленный взлет бровей сменился довольной улыбкой.

- - - - -

Тусклая лампочка без абажура. Масляный обогреватель с коротким шнуром, который уходит в стену безо всяких вилок-розеток. Прибитый к полу деревянный стол с куском клеенки. Деревянный же сундук с матрасом и подушкой поверху. Два ведра: одно с водой, другое пустое. Все.

Ни окна, ни двери. Только голые стены из бетона и сверху наглухо задраенный люк, до которого не допрыгнуть. Под самым потолком виднеется закрытое решеткой отверстие вентиляции, но в нем мало смысла: одна только вытяжка без притока воздуха — почти фикция.

Наверное, утро. Кто знает. Как и вчера, когда Алена очнулась, женщина в маске принесла ей еды — спустила на веревке. Миска с кашей, пластиковая ложка, кусок хлеба, теплый чай. Чай, а не вода. Боятся, что заболит? Значит, она — товар.

В заторможенном мозгу вспыхивает недавняя картинка, последняя цветная:

— Сюда! — Голос натужно надтреснут, словно его изменили нарочно. Теперь понятно — чтобы не опознала. Если подумать, то это хороший признак. Добившись своего — отпустят.

Только... добившись чего?

Дверца автомобиля распаивается. Разгоряченная после пробежки, зябко дергаясь от ужалившей воздушно-ледяной ванны, Алена нагибается спросить...

Крепкая рука втягивает ее внутрь, вторая угощает чем-то предельно едким, вроде хлороформа. Отключка. Потом, кажется, еще вкололи что-то. Очнулась она здесь, в глухой узкой камере.

Ночью не замерзла. Клетушка настолько мала, что мощность электрообогревателя можно бы даже убавить. Но регулировки отсутствуют. Отключить тоже нельзя. Ну, если только с силой выдернуть шнур из стены. Но лучше жара, чем холод.

Из вещей у нее только халат. Когда спала, он служил одеялом. Под халатом, как назло, совсем ничего — не об одежде она думала, когда бежала на улицу.

В отношении удобств здесь туговато. Делать нечего. Пришлось. Зато полегчало. Теперь одно ведро прикрыто клеенкой. Стол остался без скатерти.

Жара нарастает. Халат сброшен. Накинет, когда сверху послышатся звуки.

Клеенка с ролью крышки не справляется, запах из ведра мешает думать. Неужели придется есть во всем этом?

Лучше думать о другом.

Женщина. Интересно, это она была за рулем? Маска и парик другие. Похитивший ее водитель был плотнее, и голос был грубым, сильным, низким. Впрочем, если надеть пуховую куртку поверх нескольких свитеров...

Наверху шаги. Халат мгновенно облек плечи и стянулся на обхваченном руками поясе.

Ожидание ничего не дало. Показалось.

Или не показалось?

- - - -

Скользкий по экрану палец находит среди новой информации нужный номер и набирает бывшего супруга Алены.

— Господин Агеенко? Детектив Алекс Акимов, охранное агентство «Страж». Извините за беспокойство, я занимаюсь разработкой Кирилла Матвеева, о котором вы должны быть наслышаны.

Собеседник сопит. Наслышан. Наконец, с неудовольствием прилетает:

— Что еще натворил этот подонок?

Вот как. Любопытно.

— А что он натворил до того? — мгновенно интересуется Алекс.

— Мало ли.

Не очень разговорчивый субъект. Или тема неприятна. Лучше говорить, глядя в глаза.

— Мы можем встретиться? — просит Алекс.

— Давайте. Как у всех нормальных людей у меня сегодня выходной.

- - - -

Потрескивают на морозе бенгальские огни утренних троллейбусов. Отфыркиваясь снежными брызгами, любимое полноприводное чудо Алекса причаливает к нужному адресу. И как он раньше жил без машины?

Подъезд, домофон, лифт. Агеенко встретил в дверях.

— Анатолий?

— Алекс?

Краткое рукопожатие до легкого хруста, словно выяснение, кто главнее. Убедившись, что противник сдаваться не собирается, они улыбаются друг другу. Дверь перед гостем распаивается сильнее.

У Анатолия неуютно. Чувствуется, что в доме нет женщины. Постоянной. Или желающей чувствовать себя хозяйкой.

Агеенко откидывает с кресла спортивные штаны, предлагает сесть, а сам, сложив руки на груди, располагается напротив:

— Интересуетесь Кириллом?

— Очень. — Искренность в глазах. — И его будущей женой. Извините, если напоминаю о неприятном.

— Да ладно, какое там. — Агеенко устало машет рукой. — Хотя... не без этого.

— Почему вы с Аленой разошлись? Из-за него?

— Как посмотреть. Честно говоря, все было predetermined задолго до Кирилла.

Взглядом Алекс просит расшифровать.

Анатолий опускает кисти на подлокотники. Вылитый царь на троне. Только без царства.

— Я по жизни человек не семейный. Не потому, что не могу, а не хочу. Не требую от других большего, чем могут дать, и не выношу, когда этого требуют от меня. Нет ничего лучше свободных отношений. Сейчас мне хорошо, у меня все так, как нужно. — Агеенко вспоминает, что спрашивали не о нем. — С Аленой в этом плане тоже все было в порядке.

Алекс внимательно слушает.

— Мы с Аленой не мешали друг другу жить, — продолжается исповедь. — Судьба свела нас, когда мне нужна была нежность, ей — сила, помощь и защита. Это именно то основание, те три кита, на которых строились наши отношения. Не больше. Плюс разница в возрасте — мне глубоко за сорок. Почти в два раза. Я понимал, что это не могло длиться долго. Каждый дал другому что мог.

— И тут появляется Кирилл... — подгоняет Алекс, — молодой, интересный...

Пыл рассказчика, только что пошедший на убыль, снова взлетает:

— Нет.

— Что — нет?

Недоумение гостя льстит рассказчику как оратору.

— Кирилл потом. — Ухмылка против поднятых бровей. — Сначала Аленка связалась с Вовкой, а он мой ровесник.

- - - -

Суббота утро, глава 3

Любовь — культурная надстройка на половом инстинкте, направленном на существование и размножение вида. Да, именно так — если ты ученый сухарь. Потому что любовь — это нечто, что чувствуешь, но объяснить не можешь.

Ох, как чувствуешь...

Чертовы домофоны. Чтоб их, в бога душу мать в пекло через задницу, и много других случайно вырвавшихся нехороших слов. Кирилл гордится великим и могучим, но сейчас хочет орать обыденным обидным.

Открывать подъездную дверь никто не желает.

— Пожалуйста! — умоляет он. — Это срочно!

Смилостивилась одна старушка с самого верхнего, долгие ей лета. Щелчок запора слышен и снаружи. Зуммер. Кирилл ныряет внутрь.

Пусть сначала пятый. На нужную сторону выходят две квартиры. Кирилл начинает с ближней.

Сердце выпрыгивает. Дзинь-дзинь! Тишина. Еще раз: дзинь-дзинь! То же самое. Вот тебе и суббота.

Он перелетает к другой двери. Здесь ждет удача.

— Простите... — он склоняется к образовавшейся щели. — Вчера кто-то снял на телефон машину у соседнего подъезда. Не подскажите...

— Нет. — С резким стуком щель схлопывается.

Нервы. Кулаки побелели. Костяшки пальцев хотят наружу.

Ноги несут вверх.

Шестой, справа. Кнопка, пиликанье, шаги.

— Скажите...

— Вы кто?

— Сосед из другого подъезда. Можно один вопрос?

— Если быстро.

— Вчера...

— Вчера нас не было дома. Извините.

Слева. «Дрррр», — словно не звонок, а магазинная сигнализация. Зато хорошо слышно. Затемнение в глазке — кто-то смотрит и не спешит отворять.

«Дррр», — еще раз.

— Откройте, пожалуйста. — Кирилл дрожит от нетерпения. — Я не уйду, пока не поговорю. Всего один вопрос...

То ли похожая на угрозу просьба почему-то срабатывает, то ли там просто долго раскочегариваются. Скрип отворяемой двери ласкает уши.

— Скажите...

Бум!

На Кирилла наваливается темнота.

- - - -

— Вовка — это кто? — Рука Алекса потянулась к планшету.

— Горский, Владимир Терентьевич, — охотно разъясняет Агеенко. — Друг детства.

Потом судьба развела, а недавно встретились опять. Я их и познакомил на Вовкином дне рождения. Все как обычно: «Алена, это Вова, Вова, это Алена». Активно лысеющий Вовка галантно шаркает ножкой. «Вы танцуете?» Медленное кружение... сокращение дистанции до нуля... бархатный шепот... Валерия, его жена, с тех пор меня ненавидит.

Алексу требуется конкретика:

— Их не могло связывать что-то... серьезное?

Агеенко грубовато хмыкает:

— Не могло, а связывало. Ради нее Вовка собирался уйти из семьи, готов был супругу с детьми бросить. И если бы Аленка не увлеклась потом более молодым и перспективным сотрудником Вовкиной фирмы...

— Уверены? — настаивает Алекс на предыдущем тезисе.

— Более чем, — смеется Анатолий. — Я уже говорил, что мы разрешали друг другу больше, чем принято в обычных семьях. Однажды моя очередная пассия не пришла, и я, вернувшись без предупреждения, застал обоих интересующих вас голубков в интересной позиции. Пошутил еще, нельзя ли присоединиться. Вовку как ветром сдуло. Большой наивный мальчишка. Верил в любовь.

— Что потом?

— Они встречались какое-то время, пока ваш молодчик старого коня из борозды не выпихнул.

— А вы?

На губах Агеенко появляется печальная улыбка:

— Давно понимал, что Алена уйдет, не знал лишь, когда именно. Пока оставалась — не гнал, когда пришел срок — отпустил. Я не люблю проблем.

Алекс задумывается на секунду.

— Как вы познакомились с Аленой?

Вопрос Анатолию неприятен:

— Это обязательно?

— Желательно. Не имею права объяснять всего, но ваш ответ, возможно, спасет чью-то жизнь.

— Ну что ж, — Агеенко кивает. — Если все так серьезно...

Он встает, делает несколько шагов к окну, оборачивается:

— Об этом никто не знает, кроме меня и нее.

— Вопрос жизни и смерти, — напоминает Алекс.

— Хорошо. Но это должно остаться между нами.

— Само собой.

Алекс откровенен. Хозяин видит это.

— Дело в том, что я выкрал Алену.

— Откуда?!

— Как ни неприятно говорить... Из борделя.

-- --

Слышно приглушенно, как через вату; разговаривают, видимо, за стеной:

— Как он нас выследил?

— Узнал, как же еще. Нечего было свою рожу высовывать. Знал же, что я сзади.

— Ну, мало ли.

— Теперь кончать его, что ли?

Тишина из опасливо-задумчивой превращается в зловещую.

До Кирилла доходит, где он видел физиономию паренька, который открыл дверь и обрушил на бедную голову трехкилограммовую гантелю. В прошлый раз это был уют.

— Пацаны, — зовет Кирилл подростков, накачивающих себя для принятия судьбоносного решения. — Мне ничего не нужно. Даже не заявлял. Расписку дам, если хотите, что все вам сам подарил.

Рядом появляются две мосластых фигуры:

— Серьезно?

— У меня жена пропала.

Попытка понимания. Страх.

— И что? Типа, простишь нас и все оставишь?

Они неплохо набрали по мелочи. Деньжат вот только маловато.

— Прощу и оставлю. Если поможете отыскать автора ролика.

— Чего?

— Того, кто примерно отсюда, — Кирилл подбородком указал на окно, — вчера снимал на телефон.

- - - -

Морщины на лбу Алекса выстроились по ранжиру:

— Как-как? Хотите сказать...

Он думал, что неспособен удивляться. Как же многого мы о себе не знаем.

— Из него самого, — повторил Агеенко для непонятливых. — Она там работала. В Москве. Я в этом заведении оказался случайно, увидел Алену и не смог устоять. Терять было нечего — одинок, неустроен. Ей было еще хуже. Я предложил увезти с собой и увез. Вот так и познакомились.

У Алекса не нашлось слов.

— Кстати, сейчас прошлое словно прорвало, — добавил Агеенко, — прет одно за другим. Вчера одно, сегодня другое.

— Вчера? — напрягся Алекс.

— Приходил один хлыщ... как раз откуда. Искал.

— Зачем?

— С тех пор, как она сбежала, и ищут. Наверное, неустойку требовать. Я дал ее новый адрес.

У Алекса руки едва не выжали воду из сдавленных подлокотников:

— Зачем?!

— Маленькая месть Кириллу. — На лице Анатолия — кривой оскал. — Если смотреть на дело юридически, то он увел у меня жену, и неважно, какие у нас были отношения. Какая бы ни была и откуда ни взялась (а, кстати, как забыть, откуда я ее вытащил?) она была моей, и мне с ней было неплохо. Молодая, битая жизнью, без запросов. Другие о таких мечтают. Главное, повторяю, что она была моей, а когда у меня берут пусть даже что-то ненужное, я обижаюсь. Но теперь мы в расчете.

Н-да...

— Что за человек приходил?

— Сутенер, владелец салона.

— Так и представился?

— Пришлось пугнуть маленько... — Агеенко извлек из стола и показал угрожающего вида пневматик.

— Поверил? — Алекса внешним видом не проведешь. От огнестрела отличает мгновенно.

— Еще как.

Придется запрашивать Москву, просить помощи у тамошних. А это значит становиться обязанным. Ответные просьбы, как правило, подванивали.

— Можно поинтересоваться, чем на жизнь зарабатываете? — Алекс обвел взглядом квартиру.

Обстановка не кричала о больших доходах. Все как у всех, что-то в большую сторону, что-то в меньшую: мебель, обои, техника. Так живут миллионы.

— Владею маленьким бизнесом, — прозвучало в ответ. — Если понадобится — обращайтесь. Может, починить чего...

Анатолий протянул визитку.

После сообщения о мелочной мести к Кириллу уважение к нему упало. Бегло глянув, Алекс сунул визитку в карман.

— Непременно.

Взгляд при этом сказал другое: вряд ли.

Алекс прощается. На этот раз тиски рук холодят сталью.

— Последний вопрос. Где вы были и что делали вчера вечером? И кто может это подтвердить?

- - - - -

Неточность — вежливость снайперов? Не тот случай. И все же какая-то пара сантиметров в сторону — и Кириллу каюк. А так только шишка. Но он уже не в обиде.

— Это же Генка с пятого, — радостно восклицает старший несостоявшийся убивец. — Его ник.

Они только что посмотрели ролик.

— Хочешь с ним поговорить? — лебезит второй, младший.

Они с Кириллом уже друзья. Ну, почти. Кирилл написал им расписку.

— Конечно.

Он собирается встать, его останавливают.

— Не, не надо. Ван момент. Вот. Генка. В сети — СуперГендальф-33.

«Привет, — пишет Кирилл. — Ты дома?»

«А чо?» — Генка.

«Открой, разговор есть».

«Спускайся через минуту». — СуперГендальф-33 думает, что переписывается с соседом сверху.

Кирилл отодвигает клавиатуру.

— Пока, пацаны. Совет на будущее — прекращайте опасные игры. Доиграетесь.

— Само собой, начальник! — хищно щерится старший, пряча расписку поглубже.

Младший с облегчением и улыбкой глядит на старшего.

Кирилл уже мчится на пятый.

— Ты Генка? — вопрошает он вихрастое привидение, способное спрятаться за шваброй.

Это та дверь, где раньше не открыли.

— И?

— Ты снимал вчера похищение?

— И?

Словарный запас парнишка бережет.

— Почему стал снимать?

— А чо?

Кирилл начинает злиться. Но боль в груди напоминает о главном.

— Это была моя жена.

«Была» режет ухо не только собеседнику.

— В натуре? Чо, правда, похитили?

— Что ты видел? Почему стал снимать?

СуперГендальф-33 пожимает хлипкими плечами:

— Мужик за рулем позвонил куда-то и маску надел. Показалось прикольно.

— Мужик? Точно? — Грудная клетка не вмещает беснующийся орган.

— Вроде.

— Как выглядел?

— Просто мужик. Сверху плохо видно.

— Цвет волос? Стрижка? Толстый или худой?

— Средний. В чем-то теплом. Вязанная шапка. Может, и женщина. Но мне показалось что мужик.

— Какую маску?

— Детскую, новогоднюю. Смешную такую. Хрюша или Степаша.

— Почему же на ролике только крыша машины?

— Он сначала на обочине стоял. Там все было видно. Он позвонил по телефону, надел маску и подъехал к подъезду. Я и снял, как выскочила баба в одном халате, — Генка осекся, глядя на побелевшего Кирилла, но продолжил, — и прыгнула внутрь. Машина укатила. Все.

Пауза. Наконец, Кирилл очнулся:

— Если вспомнишь что-то еще — позвони. Хорошо?

- - - -

В офисе «Риэлтинга» необычное для субботы столпотворение. Погононосцы обращают на него внимание:

— Здравствуйте. Коммерческий директор Матвеев?

— Что случилось? — Кирилл еще только сбивал снег с ботинок на входе. Он только что подошел.

На кражу не похоже. Налоговая уже была, пожарники тоже. Зачем же полиция?

— Пройдемте внутрь.

Испуганная Наташа, бухгалтер-кассир фирмы, работающая с самого основания — уже там, у закрытых дверей.

— Кирилл! — причитает она, похожая на старую бабку, хотя едва за тридцать. — Ничего не понимаю. С отчетностью у нас все в порядке. Зачем нас всех сюда? Зачем они?..

Появилась Лиза — удачливый агент по недвижимости, после открытия нового направления переменявшая работу в полях с должностью офис-менеджера. Молодая, улыбчивая, симпатичная. Она пытается строить глазки офицеру:

— Молодой человек...

Поправив шапку с кокардой, тот обращается к Кириллу:

— Ключи с собой?

— Да.

— Откройте и снимите с сигнализации.

— Может, подождем генерального?

— Нет.

Пожав плечами, Кирилл выполняет просьбу-приказ. Полицейские осматриваются, начинаются понятные только им передвижения.

В помещение входит еще один, в костюме. Удостоверение в нос:

— Следователь Караулин.

Обменявшись рубленными фразами с остальными, Караулин выцепил взглядом Кирилла:

— Откройте сейф.

— Ключ у Владимира Терентьевича.

— У вас должны быть дубликаты.

— Должны быть. Но нет. И прошу, в конце концов, объяснить, что происходит.

Следователь достает свернутую пополам бумагу.

— Увы, — он предъявляет постановление, — вынуждены изъять всю документацию, а фирму закрыть. Незаконная предпринимательская деятельность. Статьи сто семьдесят первая и сто семьдесят вторая УК Российской Федерации.

Лиза бледнеет. Лицо Наташи вытягивается:

— Как же незаконная? Есть все документы. Уставные... из администрации... из налоговой... Ни одной претензии! Прощи все проверки...

Следователь улыбается:

— Не имеете права заниматься данным видом деятельности. Заведено уголовное дело.

— В таком случае, нужно дождаться генерального. — Скрестив руки, Кирилл расправляет плечи. Готов ждать до скончания века.

— С Горским мы уже беседовали. Точнее, с его адвокатом.

— С адвокатом?

Хм. Владимир Терентьевич привык решать проблемы сам, без юристов. Юрист появляется, когда ситуация безвыходная. И это настораживает.

Лиза и Наташа тоже переглядываются.

— Теперь за главного вы, Матвеев, — сообщает следователь. — У нас есть несколько вопросов. Вы принимали вклады от населения?

— Нет. — Кирилл категоричен.

— Клиенты говорят, что да.

— Не вклады. Деньги за метраж. Продавали недвижимость по частям. И не я лично, а фирма.

— Это так, — активно кивают обе сотрудницы.

— То есть, в рассрочку? В договорах нет такого определения.

— Не в рассрочку, — объясняет Кирилл. — Клиенты могли купить хоть квадратный сантиметр по сегодняшней стоимости, а завтра докупали по завтрашней. Пока не набиралось на планируемую квартиру. Фирма на эти средства приобретала на вторичном рынке недвижимость. Эти квартиры постоянно числились на балансе, чем гарантировалась реальность вложений. Часть денег вкладывалась в более доходные проекты, но этим занимался лично генеральный.

— Ага, все-таки, говорите, вложений. А только что говорили — не было вкладов.

Кирилл морщится. На защиту кидается Лиза:

— Вложения в недвижимость и вложения в банк — разные вещи!

— Девочка, не надо мне объяснять про вложения, — грубо отмахивается следователь. — Не учи отца. Ваши действия подпадают под статью о незаконной предпринимательской деятельности. Принимать взносы имеют право только банки. Отсутствие у акционерного общества «Риэлтинг» банковской лицензии говорит само за себя.

— Но мы не принимаем взносы! — рвется Лиза отстаивать честь фирмы. — Мы продаем и покупаем недвижимость! И мы работаем официально, все виды деятельности прописаны в Уставе и утверждены во всех инстанциях!

Следователь жмет плечами. Чужое мнение ему неинтересно. Лиза злится. Следователь усмехается:

— Если вы такие честные и все деньги вкладывали, то на что жили?

Лиза, красная, как собственная кофточка, готова сдерзить. Кирилл вмешивается:

— Недвижимость находилась в обороте, то есть постоянно продавалась, вновь покупалась, а также сдавалась в аренду. Отсюда прибыль.

— Если клиент хотел расторгнуть договор и забрать свои деньги, он мог это сделать? — Хитрый взгляд следователя похож на капкан, что готов защелкнуться.

Кирилл не видит подвоха. Он честен:

— Естественно.

— На каких условиях?

— Выкупленные метры жилплощади в рублях по стоимости на день обращения.

— Как бы с процентом, да?

— Если цены выросли, то конечно.

Руки следователя радостно вскинулись.

— А вы говорили... — упивается он счастьем, потирая ладони. — Вам

инкриминируются вышеуказанные статьи Уголовного кодекса РФ, части вторые, пункты «а» и «б»: деяния, совершенные организованной группой и сопряженные с извлечением дохода в особо крупных размерах.

Ужас Наташи и Лизы. Победный взор следователя:

— От трех до семи лет.

- - - -

Полиция готовится к опечатыванию офиса. Сейф решают пока не трогать (тяжелый, дураков нет). Для начала — изъять незапертые документы и отвезти подозреваемых на допрос. Их на данный момент трое. Как выясняется из бросаемых реплик, девицы, скорее всего, отделаются легким испугом, если не станут мешать следствию, а Кирилла, как основного подозреваемого, могут задержать надолго.

— Почему, — недоумевает он, — и нельзя ли отложить допрос на более удобное время?

Часы тикают. Скоро полдень. Ему еще деньги у Алекса получать.

Следователь Караулин щурится:

— Торопитесь? Не надо. С этой минуты можете никуда не торопиться.

— Но... — Реальность теряет материальную составляющую. Кирилл едва удерживается на ногах.

Алена... Павлик...

— Я не могу. У меня обстоятельства.

— Никаких обстоятельств. Забудьте. Сначала нужно ответить перед законом.

— Сколько времени это займет?

Мерзкая физиономия расплывается в упоении властью:

— Ответить не только в плане ответов на вопросы. Ответить — значит, отсидеть, сколько положено. А потом, когда выйдете, вам предстоит судиться с обманутыми вкладчиками и десятилетиями выплачивать из собственного кармана по их гражданским искам.

— Обманутыми? — режет неправильное слово. — Почему обманутыми?

Следователь в ухмылке кривит губы.

Капитан, присутствующий здесь же, недовольно оборачивается (надо же, целого капитана отрядили. Для изъятия могли ограничиться сержантом. Почему же капитан?):

— Матвеев, вы проедете с нами. Необходимо допросить по всей форме, составить протокол, это может занять несколько часов.

— А если выяснится что-то интересное, то придется закрыть в КПЗ или сразу в изолятор, — добавляет следователь. — Тогда ваша отлучка займет несколько больше времени, чем думает господин капитан. Все зависит от степени сотрудничества со следствием.

Напрашивается. Или провоцирует. Кирилл готов выплеснуться проросшим хамством, едва держится. Нельзя. Никак нельзя.

— Капитан, — обращается он к офицеру, игнорируя неприятного Караулина. — Обещаю быть у вас через три часа. Даю слово.

— Слово... — хмыкает следователь.

— Могу оставить залог. Документы. Все, что хотите.

— Не положено. — Капитан отворачивается.

Кирилл смотрит в сторону окна. За ним — задний дворик и несколько выходов в разные

стороны. Сознание пульсирует на уровне помещательства.

Вспоминается утренний посетитель — тот, что принес дурные вести. Может — так же?..

Страдание. Тоска. Боль. Решимость.

Лиза перехватывает его уходящий в свободу нечеловеческий взгляд. В ее глазах проявляется понимание. Губы трогает слабая улыбка, и — словно поправляя выбившийся локон — ладошка поднимается к уху: позвони! И...

— Господин полицейский, а что же всем нам теперь делать — тем, кто здесь работал? — Она встает на пути между Кириллом и полицией.

У него появляется шанс. Шанс используется.

Бросок к окну. Рывок ручки вниз и на себя. Себя — в морозную свежесть. Свист воздуха в ушах. Шум позади.

Он бежит. Лиза. Замечательная девушка. Спасибо. Она дала ему фору в игре на жизнь.

Не свою. За свою он никогда не пошел бы на такое.

Теперь — вне закона. Пусть.

- - - -

— Найдите мне эту сволочь! — брызжет слюной разъяренный босс, и сидящие за столом опасливо опускают лица. — Из-под земли достаньте!

Алекс кивает:

— Сделаем.

Никогда еще не видел Сыча таким.

— Всех касается! — Гневный взгляд словно гиперболоид выжигает на поникших лбах собравшихся витиеватые кренделя.

Совещание вышло нервным. Алекс пришел в офис конторы привычно отчитаться о проделанном. Ему не было разницы, кому помогать, это являлось его профессиональным долгом, а зарплату по условиям договора он получал в любом случае. Теперь выяснилось, что дело его бесплатного клиента нужно отодвинуть в сторону из-за того, что кто-то нагрел босса на огромную сумму.

— Забудьте обо всем, что я поручал ранее, — со всего маху врзает по столу кулак материально наказанного Бориса Борисовича, впервые попавшего в подобную ситуацию. Обычно наказывал он. — Не может быть ничего важнее. Забудьте о личном. Выкиньте из головы нытье жен и сиськи подружек. Найдите эту мразь и вытрясите душу!

Бригадиры достают кто блокнот, кто смартфон, кто планшет. Бывшие бандиты, ставшие начальниками отделов и кураторами особых направлений, умеют искать людей. Они знают, как возвращать долги и компенсировать потери.

— Десять миллионов долларов! — воздеваются к светодиодному потолку ладони Сыча.

Солидно. Кто-то удивленно качает головой, кто-то хмыкает в подбородок.

— Акционерное общество «Риэлтинг», — диктует Сыч.

По листкам скрипят ручки, пальцы елозят по экранам.

Алекса берет оторопь. Замерев в нехорошем предчувствии, он слушает продолжение.

— Генеральный директор — Горский Владимир Терентьевич. Цель номер один. Исчез, когда узнал, что полиция собирается прикрыть лавочку. Сегодня счета и имущество фирмы арестованы.

Алекс хочет что-то спросить, но вовремя останавливается. Позже. Босс приказал забыть

о других делах.

— Цель номер два, — Сыч внимательно следит, чтобы все прониклись важностью стоящей задачи, — заместитель Горского. Коммерческий директор Матвеев Кирилл.

Палец Алекса прилипает к планшету.

- - - - -

Если сформулировать его профессию одной фразой, то Алекс — решатель проблем. Любых. От незначительных, вроде возвращения плачущей девчужке укатившегося мячика (просьба ребенка для него не менее важна, чем просьба губернатора) до глобально-мировых. Вроде устройства мира так, чтобы все были счастливы. Для чего он и работает.

А по убеждениям... Нет, не экстремист и не революционер. Он считает всех людей равными, независимо от цвета кожи, национальности и вероисповедания. Равными перед законом.

Если в мире существуют законы — они должны исполняться. А кто трактует их исключительно в свою пользу, тому не место среди законопослушных граждан. Вывод прост — этих выбравших быть вне закона нужно оправить в жизнь вне закона. Вне нормальных людей. В ад.

Сейчас у Алекса имелись возможности, о которых раньше не мечтал. Он всегда поступал по совести, даже в ущерб себе. Единственное, с чем приходилось мириться — с репутацией нынешнего работодателя и его крутых парней. Временный компромисс. Единственный на совести Алекса. Потому что только здесь он мог помогать другим с наибольшим результатом и идти к своей главной цели. Это искупало все.

— Алекс, ты вроде бы работал на Горского?

Все повернулись к нему.

— Да. Агентом по недвижимости. Недолго. Я и Леонид.

— Что можешь сообщить?

— Владимир Терентьевич всегда поступал честно. Ни клиентов, ни сотрудников при мне не кидал. Как бизнесмен — успешный, не мелочный...

— Не мелочный — это точно, — давится кто-то смешком, вспомнив о десяти миллионах.

Часы показывают одиннадцать. Через час Кирилл должен передать выкуп похитителям. А туго стянутая резинкой пачка сотенных, выписанных для спецоперации, все еще жжет карман. Десять тысяч долларов, как нужно. Нарушенное счастье простого человека важнее боссовых миллионов. Главное — не ляпнуть подобной крамолы вслух.

Сыч хороший физиономист. Он улавливает то, чего не заметили остальные:

— Ты упомянул — «при мне». Что-то подсказывает, что не зря.

— Не зря. Сейчас занимаюсь поисками пропавшей женщины и ребенка. Похититель женщины уехал на темной БМВ пятой серии без номеров. Через несколько минут камеры наблюдения отследили в том районе два пятых бумера, один из них принадлежит Горскому. Это его вторая машина. Обычно он ездит на «Дискавери».

— «Успешный, не мелочный...» — с хихиканьем цитируют его за столом.

— Что предпринял? — падает вопрос босса. Смех умолкает.

— Послал Дыма поставить наружку у дома и слушать телефоны. Результат нулевой. Горского дома нет. Телефон заглушен.

— Забудь про женщину с ребенком, сосредоточься на главном, — командует Сыч. —

Найди и вытащи подлюгу из норы, где тот затаился. Доставь мне в меру живым, но дееспособным. Работай. Все работайте. Свободны.

И, когда все уже встали, информационная бомба вдогонку:

— Для общего сведения. — Голос босса понизился. — Дом сторожить бесполезно: на днях Горский развелся с супругой, выписался из коттеджа, снял все средства со счетов и кредиток и еще занял у всех, у кого мог.

Долгая пауза. Обреченная констатация:

— У меня тоже занял. Еще двести тысяч, плюсом к тому, что ранее вложено в его фирму.

- - - -

Ушел.

Ощущение, что в легкие впились когти монстра и рвут изнутри. Чтобы отдышаться, Кирилл забивается в подъезд деревянной восьмиквартирной двухэтажки. Дом — древний, еще сталинской постройки, жильцы — с тех же времен, пенсионеры и алкоголики. Потому домофон и стальная дверь отсутствуют, у людей на это не нашлось денег. И это спасение.

Когда горло оказывается способно на подвиг, он набирает Алекса:

— Это я. Меня ищет полиция.

— Не только.

Не до подробностей.

— Жду где обедали, когда вместе работали. Где Наташа курила, когда для всех делала вид, что не курит. Не забудь про деньги.

— Ты там поосторожнее.

Отключившись, Кирилл разбирает телефон. Как действует полиция в случае объявления человека в розыск, он не знает, но лучше перестраховаться.

Алекс — метеор. Метеорит. На заднем дворе кафешки темно и мусорно. Кирилл только что пробрался туда. Снаружи у сугроба останавливается автомобиль, пассажирская дверца распахивается.

— Кирилл!

Лицо Алекса серьезно. Кирилл влезает и хочет поделиться новостями.

— Оденься, — останавливает его Алекс и указывает назад.

На сиденье лежит что-то большое в темном полиэтиленовом пакете. Внутри оказываются длинный серый пуховик и шапка. Прекрасно. В них Кирилл становится непохож на себя.

— Вот. — Алекс протягивает завернутую в газету и перетянутую резинкой пачку банкнот. — Десятка.

— Спасибо... Ты же понимаешь, отдам нескоро...

— Понимаю.

Впереди светится рекламная вывеска «Атриума». Они останавливаются и выходят недалеко от автобусной остановки, в другом месте здесь машину поставить негде. Мгновенно пробирает мороз. Мимо бредут похожие на роботов люди, они ничего не видят, они знают цель и движутся к ней вопреки обстоятельствам. Злой ветер ошпаривает колючим искристым снегом.

— Почему полиция? — интересуется Алекса.

— Не понимаю. Все абсолютно легально. Обвинения глупы и притянуты за уши.

Алекс выслушивает подробности, его губы кривятся:

— Притянуты, но основательно. Сидеть твоему генеральному, это точно. Если раньше его на куски не порвут.

Кирилл не понимает.

— Вкладчики волнуются. — Улыбка Алекса недобра. — В том числе Сыч с ребятами. Ищут Горского и тебя.

— Меня?! Почему?

— Горский исчез. Развелся, занял денег и исчез.

«Обманутые вкладчики» — говорил следователь.

— Где твой телефон? — спрашивает Алекс.

— Разобрал. По нему меня могут...

— По нему могут связаться и изменить инструкции похитители.

— Я собирался включить позже.

— Отдай мне. — Корпус телефона исчезает в одном кармане Алекса, аккумулятор в другом. — ПИН-код есть?

— Восемьдесят шесть тринадцать.

Они медленно продвигаются к «Атриуму». Час Икс приближается.

— Время. Прости, прикрывать буду один, своих подключить не смогу. Ты теперь — дичь. Твой телефон буду держать включенным, если позвонят, отслежу. Объявятся вторые — представлюсь тобой и приму меры.

Кирилл кивает. Голова не вмещает всего, что надо. Она вообще пуста. Сейчас там живет только надежда.

Из параллельного мира доносится:

— Я буду поблизости, вмешуюсь только при угрозе жизни. В остальном — что бы ни случилось, меня не должны увидеть с тобой. Когда обмен состоится, домой не ходи. В любом случае не ходи, пока Горского не найдем. Мне теперь звони на другой номер. — Пальцы Кирилла автоматически принимают что-то протянутое. — Это тебе аппарат для экстренной связи, потом вернешь. Но лучше пользоваться электронкой с чужих компьютеров.

Кирилл снова кивает. Ему вручают листок с номером, на который звонить, и и-мейлом.

Без двух двенадцать. До входной арки сто метров.

У Алекса звонит телефон.

— Слушаю, — говорит он в трубку. — В центре. А без меня никак? Сейчас буду.

Он поворачивается к Кириллу:

— Прости, вызывают. Отказаться нельзя. Не забудь, что мне тоже поручено тебя искать, постарайся не делать глупостей.

— Постараюсь.

— Удачи, — говорит Алекс.

Пожатие рук.

- - - -

Ругается последними словами умирающий под ногами раздавленный снег. Не глядя по сторонам, Лиза спешит домой. Допрос затянулся. Караулин очень старался, но притянуть и ее не получилось.

А она теперь безработная.

Вот и подъезд. Тепло. Голос из темноты:

— Лиза!

Она не пугается. Ждала. Надеялась — и не ошиблась.

— Пойдем, — просто кивает она и направляется к лифту.

Сумбур в сердце. Смесь радости и страха на прятующемся за отстраненностью лице, красном не только от мороза.

— Нет, — останавливает ее Кирилл, берет за руку и разворачивает к себе.

Глаза в глаза. И что же, что темно? Неважно.

— Не зайдешь? — огорченно выдыхает Лиза.

— Не сейчас, — бросает гость. Кашляет.

— Простыл?

Кирилл морщится:

— Пробежка аукнулась. Отвык. По морозцу-то.

— Чаю?

— Нет, кх-кх, спасибо. Что интересовало следователя?

Лиза косится по сторонам. Почтовые ящики скалятся грязными ухмылками, боковые квартиры затаились во мраке, от входной двери сквозит. Войти могут в любой момент.

— Может... все же поднимемся? — настаивает она.

Новый приступ кашля сгибает Кирилла пополам.

— Хорошо, — наконец, соглашается он.

Лиза идет вперед. Ему не видно, что она улыбается.

- - - -

Он простоял более трех часов. Стоял бы и дальше. До вечера. До утра. Неделю. Жизнь.

Звонок в кармане вернул из небытия.

— Как дела? — спрашивает Алекс. Он говорит едва слышно. Видимо, рядом находятся те, кому не следует знать о разговоре.

— Никого.

— Ты еще там?!

— А что делать?

— Они не пришли и не позвонили. — Голос Алекса тих. — Три часа — слишком большой срок. Уже не придут.

— Что теперь?

Кирилл говорит устало и почти равнодушно. Единственное чувство — дикая опустошенность. Он не знает, что делать и зачем жить. Алекс сообщает:

— Тебе — ждать. Мне — искать.

Итак, жить ради будущего. Все еще наладится. Обязательно.

В голове гуляет ветер, а надо строить планы. Куда податься? Правила просты: если тебя ищут — будь на шаг впереди. Иначе...

Он понимает. Все обычные связи отпадают. Вот только...

Кирилл смотрит по сторонам. Неужели в век сотовых этот аппарат не снят и не сломан? Удачно, не нужно искать кого-то или что-то, не нужно просить.

Кутаясь в шапку и воротник, он покидает арку «Атриума», на которой как честный человек уже обязан был жениться, если бы овестивилось все, что о ней за эти часы передумал. Из кармана брюк появляется заваливающаяся потрепанная карточка-жетон. Хранил,

будто знал. Жетон входит в отверстие таксофона.

Давно остывший труп уличного телефона мертво глядит на Кирилла дырами с цифрами.

Не получилось. Звонить с Алексовой трубки не стоит, номер могут отследить. Ладно адрес он помнит — однажды в день рождения Лизы помогал ей нести из дома в офис огромный торт, Владимир Терентьевич отрядил. Еще глазами некрасивые намеки делал. Старый развратник.

Вообще-то, к ней тоже опасно. Но нужно все знать.

Вот и встретились.

Он идет за ней следом. Кирилл знает, что Лизе он нравится. Хорошая девушка, только себе на уме. Не будь у него Алены...

Боль. Не пришли, не позвонили. Нахлынуло.

Сквозь безобразные круги и нелепые пятна — бледное лицо:

— Кирилл, что с тобой?

Кружится голова. Куда-то пропадает тело. Почти насильно девушка вталкивает его в лифт. Поддерживает, сопя где-то в районе груди под склоненной шапочкой. Когда ворота уединенности раздвигаются, она бережно подхватывает его за талию и ведет к квартире.

— Ты!

Удар в грудь.

Рука в перчатке, а грудь у Кирилла в пуховике, и эффект получается больше моральный. Ошеломить, а не угробить.

— Оставь Лизавету в покое! Еще раз увижу...

Боже, как мелко... Сердце вновь начинает биться.

Это не Сычевы бугаи. Жить и радоваться.

— Успокойся, я вообще...

Его оправдания никому не нужны. Поджидавший на площадке парень пьян и невменяем.

— Саня! Это не то, что ты подумал! Собственно, что ты, вообще, себе вообразил! Не имеешь права, это моя жизнь, ты ушел — вот и уходи! Ой, мамочки!!

Кинувшаяся между ними Лиза кричит от страха — в руке напавшего блестит нож. Длинный, узкий, холодный. Противный и непредсказуемо опасный, как хозяин.

Кирилл собирается с силами, перехватывает качающуюся руку с ножом и заламывает ее назад. Хорошо, что противник пьян.

— Убива-а-ю-ут!!! — оглушает вопль любопытной соседки из квартиры напротив.

Почему полиция оказывается рядом когда уже поздно или совершенно не нужно?

--- --

— Он его, а этот того, а тот чуть этого не совсем того, вот и... — возбужденно объясняет свидетельница с удовольствием вдыхающему тепло полицейскому.

Подмерзший наряд как раз находился рядом. Сейчас один страж порядка держал скрученного в три погибели Кирилла, другой возвышался над поверженным Саней. Третий, сержант, проводил дознание.

— Простите, — Лиза пытается защитить обоих, — это я виновата.

— Документы? — говорит сержант, вкусно рассматривая девушку.

Ох, как же она хочет выгородить и вызволить своих красавчиков. Прыгает зайчиком и чуть не стелется. Ну-ну.

— Вот, — Лиза достает из сумочки паспорт и протягивает.

Сержант открывает документ на первой странице.

— Елизавета Андреевна? Проживаете здесь?

— Вот, — следует кивок назад.

— А эти?

— Не здешние они! — доносится от пожилой соседки. — Оба! И пьяные!

— Разберемся, — говорит сержант и оборачивается к Кириллу. — Ваши документы.

— С собой нет, — кряхтит Кирилл под нажимом.

— Вот как? — радуется сержант и еще раз оценивающе смотрит на покрасневшую девушку с невероятными глазами. — Придется доставить в отделение. Всех. До выяснения.

Лиза в трансе. Кирилл пришел... А этот Санька... всю жизнь испоганил...

Саню грубо приводят в чувство и поднимают.

— Сержант, не надо! — умоляюще кричит Лиза. — Не надо в отделение...

Тот разводит руками:

— Ничем не могу помочь.

Часть 3 Суббота, день

— *Запись сделали?*

— *Сделали запись. Лучше сказать так.*

— *Почему?*

— *Гм.*

— *А насчет записи?*

— *Все как надо. По-моему, немного затянуто. Теряем темп. Зритель устанет.*

— *Правильно, клип снимаем, а не сериал. Сценарист!*

— *Понял. Уже поправляю.*

— *Давай, родимый. Время не просто деньги, а такие, что тебе и не снились.*

— *Лишь бы вы не приснились. Кстати, следующая часть нормальная, драйв зашкаливает.*

— *Прекрасно. Работаем. Фонограмму с того же места. Все на местах? Музыкачку, и — поехали!*

«Тыц-тыц-боммм, тыц-тыц бо-бомм», — ударные.

«Дррррвжззз...» — трио медиатора, фузза и фленжера.

Голос солиста:

— *Любовь...*

— ...А ревности хватило бы

На батальон Отелл.

Мне наплевать на перст судьбы —

Убить тебя хотел.

Да, не себя (я не дурак)

И даже не его.

Причина кто? Да, ты. Вот так.

За что же...

Пронесшаяся на желтый свет машина едва не сносит обоих с дороги. Кристина испуганно хватается расплавленного Леонида под руку. Тот мечтательно затихает.

— *Серьезно? Это — ты сам?.. — не верит она.*

— *А то.*

— *Не думала. — Кристина понимает, что после совместного выхода в люди и чтения собственных стихов провожалки стопроцентно обещают закончиться напрашиванием на рюмочку чая.*

Не то, чтобы ей этого не хотелось, но если бы только в определенных рамках. Идти до конца — не приведи Господи. После вчерашнего все мужики вызывают омерзение. Даже вещавший об истинной любви певец на эстраде, которому еще вчера отдалась бы прямо перед зрителями лишь за один такой взгляд.

Взгляд. А потом? Волосы на груди. Бесцеремонные руки. Мохнатые ноги.

Много мохнатых ног.

Бррр...

— *Что с тобой?*

Кавалер услужливо заботлив.

— Холодно, — не врет Кристина.

Еще как холодно. Леонид естественным движением обнимает ее. Вроде бы как спасает от мороза.

Они идут. Скоро придут. В партнере растет нетерпение.

— Слышала, ваш босс в политику собирается? — сводит она разговор на постороннее.

— Не сам.

Она хихикает. Леонид удивляется:

— Что?

— По Гарольду Ласвеллу в политику подаются мужчины, у которых есть проблемы в постели. Крах на личном фронте пытаются возместить успехами на общественном.

Леонид не знает Гарольда Ласвелла, он знает логику:

— Значит, будущих политиков можно выявлять на ранней стадии — по нарушениям в интимной сфере.

Оба смеются.

— А великих политиков — по наибольшим нарушениям?

Смех сближает.

Кристина почему-то вспоминает Кирилла. В свете изложенной теории он никогда не стал бы хорошим политиком.

Она мрачнеет. Ни один человек не может стать более чужим, чем тот, кого ты недавно любил. Она вздыхает. Пар окутывает лицо. Чужие руки укутывают тело.

Проклятый Кирилл.

Всемуко. Всемуко Путенабо.

Она отомстит. И ему, и не только. Теперь она живет этим.

- - - -

Три человека — Алекс, Колумб и Горбатый. Алекс руководит, Колумб потому и Колумб, что может открыть все, вплоть до Америки, а Горбатый на самом деле сутулый, как большинство из положивших жизнь на алтарь харда и софта.

Все трое — лучшие в своем деле из работающих на Сыча.

Не более минуты понадобилось Колумбу на дверь. Рассредоточились. Из рассказа блондина следовало, что ноутбук находится в детской. Теперь он в спальне, у постели. Настает очередь Горбатого.

Алекс осматривается. Видеокамера, из-за которой разгорелся сыр-бор, находится быстро. Соединение проводное, картинка шла именно в компьютер.

Взломщики железа стального и электронного молчаливы. Пальцы Горбатого напоминают пойманного за одно крыло мотылька — мельтешат в глазах так, что рябит. Колумб заскучал. Ничего, ему еще закрывать.

— Посмотри еще, может, какой сейф найдешь, — иронизирует Алекс, продолжая осмотр. — Попрактикуйся.

Колумб остается на месте и листает женский журнал, состоящий, как видно, из одной рекламы. Кроме картинок и цен — ничего стоящего. Одно слово — женский.

Сейфов в квартире не найдено. И никаких компрометирующих вещей или бумаг. Кристину можно поздравить — подпольщик из нее получился бы знатный. Значит, вся надежда на Горбатого.

Тот подзывает Алекса.

— Смотри.

Заставка рабочего стола — почти откровенная фотография самой Кристины. Судя по фону за выпяченными прелестями, снимок сделан где-то на югах. Прикрытая газовым парео она — в центре, сзади — Павлик и некий молодой человек, поигрывающий кубиками пресса. Судя по возрасту Павлика, это было давно. Поверх фотографии встроена надпись: «Всемуко Путенабо».

— Что это?

— Думал, ты скажешь. — Горбатый продолжает священнодействовать.

Пароль почты оказывается до ужаса простым, всего семь букв и две цифры, Горбатый щелкает то, что хозяйке казалось секретом, как уже надкусанный орех.

— Ага...

На планшет Алекса скачиваются контакты. Вся переписка — отправленные, принятые, неоправленные, черновики. Горбатый продолжает искать дальше.

Фото. Странно мало. Никакого криминала.

Видео. Практически отсутствует. Только новогодний утренник Павлика.

Документы. Отсутствуют.

Всё?

Все трое удивленно переглядываются. Они надеялись, что Кристина не столь щепетильно относится к информации.

— В конце концов, она же не хакер?! — Горбатый скачивает всю историю. Потом посмотрит, вдруг что-то выскочит.

Он просматривает списки в обоих браузерах — в предустановленном, которым тоже пользовалась хозяйка, и в основном.

— А это уже любопытно...

Снова пароль, вскрытый столь же быстро. Нет, она явно не хакер.

— Прошу полюбоваться.

Сайт, который хозяйка чаще всего посещала, именуется Ложись-точка-ру. Вход только для своих, то есть знающих немудреный пароль (детские игры в шпионов какие-то).

Первое, что высвечивается, когда сайт открывается, опять знакомое:

«Всемуко Путенабо».

- - - -

Полиция только что ушла.

— Спасибо, — говорит ей Кирилл.

Они опускаются на диван — он слева, она справа. Лиза кивает, мыслями находясь еще там, на площадке. Уже почти на колени встала, деньги хотела предложить. На все была готова пойти.

Наверно, по ней было видно. Какой стыд...

— Саня — твой парень? — Кирилл снова заходится в кашле.

Кашель и спас. «Не видите, он болен! — закричала тогда Лиза. — Очень болен! Это мой жених, у нас скоро свадьба».

«Свадьба? — с нескромной жадностью поднялся по ней взор сержанта до самой груди. — Свадьба это хорошо. А второй?»

«Мой бывший. Никак не смирится».

«Бывший, точно. Глаза б его не видали!» — вставила соседка, не в восторге от прежнего выбора девушки и с интересом разглядывая новый.

«И что же с ним делать, с вашим бывшим?» — Сержант вертел в руках отобранный нож. Нож хорош. Не столько красив, сколько ценен — у сержанта взгляд знатока.

«Он-то не болен, — цинично заявила Лиза. — Заберите, пусть в себя придет, подумает». Наряд оказался другого мнения.

«Раз уж вы тут все свои, сами разберетесь. А ножичек, от греха подальше, изыщем».

На том и разошлись, Саня под ручки с полицией — подышать свежим воздухом на морозец, «жених и невеста» — в квартиру.

С новыми сухими содроганиями гостя Лиза бросается на кухню. Вода, кнопка электрочайника, заварочный «тампакс» в чашку. Ложечка. Мед. Что еще?

- - - -

Кирилл разглядывает комнату. Ничего особенного. Похоже, что съемная, свои обычно выглядят по-другому. Или Лиза живет не в квартире, а в выдуманном мире.

— Я застала его с другой, — доносится с кухни насчет злосчастного Сани. — Выгнала. Видно, теперь его и оттуда поперли.

Это любопытно, но интересно другое.

— О чем спрашивали в полиции?

На журнальный столик перед ним опускается чашка со свисающей ниточкой и банка меда.

— Можно, сначала я? — перебивает девушка. И с улыбкой: — Почему ты сбежал?

Рассказать? Зачем? Лишние уши — лишний рот.

— Личные проблемы, — напускает он тумана. — Нельзя мне сейчас в полицию.

— Из-за побега — не только сейчас.

Глазки ее затянуты чувственной поволокой. Кажется, телом она здесь, а мыслями...

Он снова вмешивается в ее то ли планы, то ли мечты:

— Так что же?

— Оказывается, на Владимира Терентьевича нельзя завести уголовное дело. Поэтому завели на тебя.

— Почему нельзя?!

В ответ — пожатие хрупких плеч, колыхнувших то, что так вдохновляло сержанта:

— Не знаю. Ты пей, пока не остыло. Посидишь минутку один? Я переоденусь.

Кирилл не дал ей упорхнуть:

— Подожди. — Ее игривость раздражала. Он пришел именно за ответами. — Что спрашивали? Дословно.

— Все. О директоре, о тебе, о фирме.

Она все-таки унеслась за перегородку.

— Лиза! — позвал Кирилл, подавившись очередным «кха-гррха-а». — Поможешь еще в одном деле?

Он поднялся, диван скрипнул. Красивое личико мгновенно вынырнуло над ширмой, продемонстрировав точеную шейку над обнаженным плечиком:

— Чего надумал? — прозвучало возмущенно и обидчиво. — Отлежись, приди в себя. Сейчас принесу градусник, померим температуру...

Он не слушал:

— Мне нужно к адвокату Горского.

— Но ты болен.

Отхлебнув чаю, Кирилл поставил чашку на место и направился в прихожую.

— Постой! — наспех вползая в натягиваемое на бедра домашнее платье, Лиза выскочила из-за ширмы. — Что нужно сделать?

Он улыбнулся:

— Вот это разговор. Одевайся. Я побуду еще немного твоим женихом?

Она замирает недоверчиво.

— Что?

— Доведи меня до места без приключений.

— Без приключений? — машинально повторяет она.

Интонация странная. Но ему некогда думать о постороннем.

Куртки, шапки, сапоги-ботинки. Готовы. Из соседней двери за их выходом следит соседка. Кирилл приветливо кивает.

— Если тебе негде остановиться... — Лиза догадывается, что жизнь за чертой закона не проста. Она хочет помочь.

Но его ищут и за этой чертой. Полиция — меньшее из зол.

— Спасибо, — говорит он. — Пока не знаю.

Кирилл широко шагает с висящей на локте девушкой, которая так усердно пытается взять его под опеку. Кажется, у девушек это в крови.

Мысли улетают в сторону. Алена, Павлик, теперь еще Горский.

Хорошо, что мороз. Легко прятаться. Особенно с такой помощницей.

Взяли такси. Ехали молча. Кирилл знал, где живет юрист генерального директора, это ни для кого не составляло секрета.

Такси сворачивает в квартал красивых уютных коттеджей — небольших, но солидных, сделанных со вкусом. Около нужного дома Кирилл просит Лизу вызвать юриста, сам остается в стороне. На всякий случай.

Ждать приходится минут пять.

— Кирилл?

— Здравствуйте, Ефим Натанович. — Он выходит из тени навстречу появившемуся из дома юристу. — Простите за беспокойство.

— Молодой человек, после визита плясавшей под чью-то дудку полиции видеть вас на свободе — счастье. — Радужие пожилого адвоката неподдельно. — Чувствую, у вас имеются вопросы?

— Вы сказали — под чью-то дудку? Это точно?

— Конечно. Заказ виден сразу. Кому-то помешала ваша фирма.

— Кому?!

— Вопрос не ко мне.

— Ладно, другой вопрос. Почему на Владимира Терентьевича нельзя завести уголовное дело?

— Согласно объявленной недавно амнистии.

— Что за черт? Какой амнистии? Каким боком здесь Горский?

Пожилой адвокат качает головой: ох, горячая молодость...

— Амнистия распространяется на подозреваемых по экономическим статьям, которые имеют на иждивении малолетних детей, — поясняет он.

Мгла прорезается озарением:

— Скажите, Ефим Натанович... Разводом Владимира Терентьевича занимались вы?

— Бумаги готовил я.

— Из-за спешки?

— Именно, — хитрый мудрый взгляд поверх очков благодарит за понимание. — И как вы уже догадались, детей Горский оставил себе.

- - — -

Они ушли от Кристины благополучно, никто не видел. Квартиру оставили — комар носа не подточит. Спецы. Именно за таких людей и возможности Алекс ценит Сычевскую контору.

Колумб сразу распрощался. Горбатый, едва вернувшись в офис, унесся к подвывавшему дополнительным вентилятором любимому гробу с монитором. Будет до упора копать в добытом. Проктолог. Разве нет? Найденное что у того, что у другого, как правило, равнозначно.

Алекс расположился в своем кабинете. Секретарша Жанна предложила принести ему кофе. Секретарша одна на всех, старается. Тоже невзирая на выходные. Ее стол располагается прямо в холле. Не столько даже секретарша, сколько хозяйка офиса. Распорядительница.

Принесла, призывно повиляла бедрами. Прикоснулась плотным растекшимся жаром к напряженной спине. Сильные пальчики без просьбы стали разминать ему затекшую шею.

Хорошо...

После ухода жены, которая бросила в тяжелый момент, он сторонился женщин. Жанна являлась приятным исключением.

— Работаете? — Наклон. Кошачья грация. Игривый тон.

— Думаю.

— Помочь?

— Всеуко Путенабо — ничего не говорит?

— Это по-грузински или по-японски?

— Спасибо за кофе. — Он склоняется над планшетом.

— Шеф интересовался ходом работ.

— Передай: будут результаты — зайду.

Алекс не в настроении. Он не мальчик на побегушках. От него ждут дел, он и занят делами.

В глазах — сайт. Что бы это значило? А ведь что-то значит.

Умная подружка бесшумно исчезает.

Чертово «Всеуко Путенабо». Под непонятным заглавием — таблица. Около двадцати имен по горизонтали, в названиях столбцов. Все — женские. У кого-то вписано не имя, а прозвище. «Артистка», например, или «Скромница». Четыре последних, начиная с «Марго» выделены, они белые на черном фоне.

По вертикали таблица состоит из трех позиций: «Главные», «Поддерживающие», «Особые».

Внутри — цифры. Разные. От нуля до трех десятков. Самые большие в «Главных», в двух других — нули-единички-двочки.

Ниже таблицы только сообщение: «До события осталось дней». И цифра в окошке под сообщением — единица. Все.

Взрывается трелью выпавший телефон. Это объявились с отчетом ребята, проверявшие алиби Агеенко, Горского и жены Горского. Работы продолжаются, поскольку запрет Сыча на постороннее обойти легко — дело Алекса напрямую связано с поисками самого Горского. По просьбе Алекса ребята задают и другие вопросы.

Отчитывается Дым. Так прозвали за то, что в свои недотридцать — белый, как снег. Причем, это не естественный цвет волос, который дан от рождения. И не краска. О том, что стало причиной, Дым не распространяется, зато каждое слово седого парня всегда выверено и весомо:

— У жены крепкого алиби нет. Вроде бы сидела дома с детьми. Горский вчера уже отсутствовал.

— Агеенко?

— Соседи говорят, что женщины к нему периодически ходят, мужчина же видный, неженатый. Про пятницу не помнят. Не видели.

— Плохо. Ищите еще.

Главный подозреваемый, у кого есть мотив — Кристина — к самим фактам похищений Алены и Павлика не причастна. Алиби железное — два любовника и последующий наряд полиции.

Агеенко при личной встрече не ответил на последний вопрос Алекса. Он не удивился, не стал спрашивать, зачем это нужно «детективу, занимающемуся разработкой Кирилла Матвеева».

— Где вы были и что делали вчера вечером? — спросил Алекс перед прощанием. — И кто может подтвердить?

— Не ваше дело, — грубо ответил Агеенко и захлопнул дверь.

Ничего, если понадобится, его снова спросят. Но уже другим тоном.

Опять звонок, теперь на проводе Леонид. Напарник интересуется с ленивой ехидцей:

— Успешно?

— А у тебя?

Смешок. Умиротворенно:

— Давно мечтал.

— Что выяснил?

— У нее вся попа в родинках.

Алекс злится.

— Теперь по делу, — мгновенно перестраивается Леонид. — На полную откровенность не вывел, но кое-что узнал. И от нее, и от соседей. — Пауза, набор воздуха. — Бывшего мужа Кристина бесконечно ненавидит, что значит — еще любит. Живет с сыном, при первой возможности спихивает нянькам или Кириллу. Она уже подставляла Кирилла, бесследно исчезая с Павликом на время, чтобы бывший муж понервничал и помучился. Несколько раз срочно занимала у него значительные суммы на лечение сына, на отдых с сыном... В общем, на многое. Деньги потрачены на другое. На себя. Потом, что естественно, не отданы. Кстати, одно время даже за возможность видеться и общаться с сыном Кристина требовала платы. Сейчас вроде бы утихомирилась.

— Думаешь, могла забрать сына и спрятать?

— Вариант. Могла придумать так вымогать очередные деньги, зная, что в полицию при угрозе ребенку Кирилл не пойдет. А вообще — знойная женщина... Завтра чем-то занята, а послезавтра снова пойду трудом и потом добывать новую информацию.

Голос Леонида мечтательно подтаивает и к концу рассыпается по нежному бархату восторженными колокольчиками.

— О новых родинках?

— Фу, поручик!

— Как погляжу, тебе все женщины Матвеева нравятся, — замечает Алекс. — То за Аленькой втихую ухлестывал, когда она только появилась...

— Не сравнивай, — обижается соратник. — То было платоническое удовольствие лицезреть, а здесь — ничейный цветок, который никто не нюхает.

— Не надо насчет лицезреть. Ты если берешься...

— А ваша группа что-нибудь нашла? — перебивает Леонид, вспоминая об истинной цели выгула знойной женщины в свет.

— Всемуку путенабу.

— Что? Не понимаю.

— Никто не понимает.

- - - -

Бабушка говорила: «Бог поможет». Не помогал. «Потому что не веришь». А как поверить? Бог бы не допустил.

Вдруг Алена в Москве? Тот утекший сутенер мог приехать за ней и вернуть неправедным путем. Не потому ли она села в машину, что знала того, кто там сидел? А напоследок гаденыш решил еще денег сшибить?

Один бы он не справился. Выходит, действовал не один. А Кирилл даже Алексу о визите не сообщил.

— Ефим Натанович, от вас можно позвонить?

— Пожалуйста.

Внутри юрист не приглашает, вместо этого достает из внутреннего кармана и протягивает сотовый.

Глядя на вынутую бумажку, Кирилл давит цифры, отворачивается и тихо разговаривает. Лиза с адвокатом ждут.

- - - -

Самое большое разочарование в жизни было родом из детства — что Штирлиц, оказывается, персонаж выдуманый. Сейчас его настигло второе.

Выказав неконтролируемую ярость подчиненным, заставив их летать электробобиками, Сыч запирается в кабинете. Неожиданно-спокойно разваливается в кресле. Концерт окончен. Глаза перестают брызгать расплавленным металлом, дыхание выравнивается. Он поправляет галстук и набирает известный только ему номер.

— Полковник, когда же генералом станешь? — говорит радушно, как старому другу.

— Спасибо, Борисыч, дай Бог.

— По моей просьбе ничего?

— Все в курсе. Как только, так сразу. Доложат — не забуду, отзвонюсь.

— Жду, Петрович.

Палец тычет в клавишу быстрого набора номер два:

— Выяснили?

— Да. Сам начальник отдела. Фамилия — Бражинский.

— Звание?

— Капитан.

— Номер?

Он сразу набирает диктуемое на другом телефоне и звонит:

— Капитан Бражинский? Борис Борисович беспокоит. Знаешь такого?

— Здравствуйте, Борис Борисович.

— Горским занимаешься ты?

— Так точно. — Капитану тыканье явно неприятно, но возразить не смеет. — Сейчас все зависло, оба фигуранта в бегах. Сегодня объявлены в федеральный розыск.

— Начистоту. Почему именно ты?

Пауза.

— Борис Борисович... У меня свое начальство...

— Знаю. А ты знаешь меня. Итак: кто был заинтересован в разгроме фирмы?

— Простите, вопрос не в моей компетенции.

— Выше?

— Я только исполнитель.

— Не юли. Не знаешь?

— Вопрос не ко мне.

— Выше — знают? — Вопрос провокационен. Там только что признались в неосведомленности. Но капитан упорно намекает, что инициатива не его, он, дескать, только исполнял приказ.

— Не знаю.

— Ладно. Если что узнаешь...

Отбой.

Наняли. На высоком уровне. С просьбой не афишировать.

Не на того напали. Отъехав в кресле на полметра назад, Сыч откидывается на спинку и закидывает ноги на стол. Колесики истошно стонут в напряжении, когда кресло слегка наклоняется. Взгляд в потолок.

Кому-то потребовалось разобраться с «Риэлтингом». Судя по результату, требовалось именно закрыть. То есть — подставить. Если активы (счета и имущество) ввиду уголовного дела замораживаются, руководство не может вернуть деньги. Вложившиеся — в том числе Сыч — ищут виновных среди руководства фирмы и мстят. Кто придумал такой сценарий?

Формулируем вопрос номер два: кому выгодно перессорить бизнесменов с вкладчиками и довести ситуацию до опасного края? Иными словами — кто заказчик?

Вопрос номер три: куда делись руководители фирмы?

Вопрос номер четыре: кто предупредил Горского?

Наконец, вопрос номер один, главный:

Как вернуть деньги?!

--- --

В офисе тихо. Босс заперся у себя, остальные корпят над планами либо вызванивают своих людей, загулявших по причине выходных. Общий сбор. Свистать всех наверх. Полундра. Деньги босса — дело святое.

Алекс занят тем же, но наполовину. Найдется Горский — найдутся деньги. От Горского зависит и дело Кирилла, который потерял близких. В поисках генерального директора Алекс на стороне Сыча и всячески помогает. В остальном...

Он всеми силами прикрывал обложенного, как волк, Кирилла. Еще когда тот отправился на несостоявшуюся встречу с похитителями, Алекс позвонил в технический отдел:

— Сотовый Матвеева найден. У меня. Снимайте с поиска.

Там только рады. Заботой меньше. Алекс получил возможность беспрепятственно держать аппарат включенным.

А вот и сам добровольно-принудительный скиталец объявился. Звонит с неизвестного номера:

— Разговаривал с адвокатом генерального. Владимир Терентьевич знал о скорых проблемах, принял меры. — Затяжной кашель, похожий на лай осипшей псины, мешает Кириллу говорить. — Хочу выяснить все о последних шагах Горского, собираюсь к его жене. Ты с ней разговаривал?

— Лично нет. Ребята проверяли алиби. Кажется, она ни при чем. Ее саму кинули.

Надо бы остановить...

Алекс удерживается от первого позыва. Пусть лучше попробует разговаривать Кирилл, которого Горская хорошо знает. От постороннего она многое утаит. И чужой может пропустить важную мелочь.

Главное, чтобы Кирилл все сделал быстро. Машина поиска потихоньку разворачивается, большинство известных адресов уже взято под наблюдение или будет взято в ближайшие часы. Жены, подруги, юристы, родственники-друзья-коллеги — в первую очередь. Хорошо, что жилью Горского пасет человек Алекса, поставленный на конкретную задачу «найти хозяина» и еще не осведомленный о «цели номер два». Доклад о неизвестном госте придет именно Алексу. Но торопиться нужно, как-никак живем в век коммуникаций.

— У тебя есть, где остановиться?

Вина в интонации. И Кирилл понимает. В другое время Алекс пригласил бы к себе. Но сеть уже закинута.

— Найду.

Алекс морщится: значит, нет.

— Постараюсь что-нибудь придумать, — говорит он, — сразу сообщу. Постарайся затаиться. К юристу как добирался?

— На такси.

— Бери частников. И если соберешься к врачу...

— Понял. Начну с самолечения.

— Только не переборщи.

Кирилл вспомнил еще кое-что:

— Я хотел бы вернуть деньги, при себе держать опасно.

— Ты еще у юриста? Через полчаса подъеду. Наружу не показывайся.

— Тогда оставлю знакомой, дождется тебя у дома адвоката. Зовут Лиза.

— Доверяешь?

— Приходится. О содержимом ей не скажу.

— Как выглядит?

— Сказочно. С Ефимом Натановичем не перепутаешь.

— Назовусь Женей.

Затем Кирилл рассказывает про Враща. Алекс знает об этом больше:

— Не бери в голову. Он сам ее искал.

— Вдруг нашел?

— Искал после.

Слышны скрип, легкие шаги. Без стука появляется секретарша. Сияет.

«Подожди, не до тебя», — машет Алекс. Собеседнику:

— Ты знал про московское прошлое Алены?

Молчание.

— Ясно. Прости. Еще вопрос, я вынужден его задать: про Горского ты в курсе?

— Есть новости?

— Я про Алену.

На том конце — смерч, молнии, гром и, наконец, опустошение:

— Что?

Жанна что-то показывает пальцами, улыбается. Алекс опять отмахивается.

— Перезвоню. — Морально сломленный Кирилл отключается.

Телефон снова трезвонит.

— Прости, — говорит Алекс всплескивающей руками Жанне и отвечает на вызов. —

Да?

Отчитываются засланные в поля ребята:

— Информация по второму «БМВ» с записи. В котором две женщины сидели. Нашли обеих. Проверили. Ни каким боком.

Ниточка отпала. Остался автомобиль Владимира Терентьевича. Кстати, он у Горского не единственный.

Алекс набирает других:

— Машины Горского? — интересуется он.

— Обе со вчерашнего дня пропали. Гараж пуст, в розыск не объявлялись, с учета не снимались, в городе не показывались.

Жанна хмурит бровки, показывает кулак и агрессивно смотрит на аппарат. Алекс убирает предмет раздора в стол:

— Все, солнышко, теперь я в твоём полном распоряжении.

— В полном-полном? — хитрый блеск в глазах.

— Относительно. — Алекс улыбается. — Чем обрадуешь?

— Нашла твое Всемуко. Пока без Путенабы.

Алекс с трудом перенастраивается. Вникает в сказанное. В руках переламывается карандаш.

— Нашла в интернете, — сообщает Жанна.

— Я пробовал!

— А по слогам?

Алекс, поперхнувшись, давится уязвленным самолюбием:

— Получилось?

Смесь ехидства и величия взирает на него снисходительно. Молча упивается победой.

— Жанна, ты гений.

— Знаю. Прошу эту фразу написать, подписаться и перечитывать ежедневно.

— Опять?! Обещаю. Так что же там?

Жанна ведет его к своему столу, где открыта нужная страница.

— Пост некой Бетти. Погляди, какая смазливая мордашка. Не узнаешь?

Алекс хмурит лоб.

— Где-то видел...

Жанна усмехается:

— И я видела. Лежит в распечатке. У тебя такая же в деле Горского и Матвеева.

Сотрудница «Риэлтинга» Елизавета Андреевна Крамер. Двадцать три года, не замужем, детей нет. Агент по недвижимости.

Девушка появилась в «Риэлтинге» уже после ухода Алекса, они не знакомы. Но в Сычевой разрядке, кого прорабатывать, именно это лицо.

— Рассказывает, как ее парень бросил, — продолжает Жанна. — Жалуется, что все мужики — сортиры, полны дерьма, либо заняты.

— Когда говорят «все», в уме имеют кого-то конкретного.

— Именно. Елизавета-Бетти имеет некоего Саню, о котором самыми нелестными словами сообщает много нехорошего. А потом твое сакраментальное: Все! Му! Ко! — Жанна давится смехом: — Сокращение по началам слов. Согласись, что все му... в самом деле такие ко...!

— Ешкин кот, как просто. Спасибо!

— За козла?

— За все!

— А поцеловать?

- - - -

Суббота, день, 3

Бабушка говорила: «Прочитай Евангелие так, будто его для тебя писали. Получишь ответы на все вопросы». Увы, увы.

Похитители не объявились. Чего тянут? Цену набивают? Условия менять будут, сумму повысят? Алекс, которого он набрал, отверг все домыслы, новостей не сообщил, желание говорить с Горской поддержал, напомнив об осторожности. За деньгами приедет. А потом...

— Про Горского ты в курсе?

— Есть новости? — Кирилл надеялся, что генеральный директор нашелся. Или почти нашелся. Тогда все беды — под нож. Все замыкается на генерального.

— Я про Алену.

Стоп. Не понял. Горский и... Алена?! Кирилл обратился в лед.

Мрак. Зима в сердце.

— Что? — переспросил он машинально. И сразу: — Перезвоню.

Туу... туу... туу... туу...

Нажать отбой сил хватило. Опустить трубку — нет.

Не верит. Вспоминает. Неужели?!

И все равно сомневается, невзирая на упрямую видимость правды. Как тот на нее смотрел... А когда танцевали на офисном празднике... Обнимающие руки... Большой и маленькая...

Забыть. Выкинуть. Растоптать.

Еще эти кошмарные снимки, которые показывал Вращ...

Плевать.

Кто любит, тот прощает.

Алена...

Кашель не прекращается. Низенькая, по сравнению с Кириллом, Лиза заботливо берет его голову хрупкими ладошками и наклоняет к вздернутому носику. Взгляд напряжен. Холодные губы касаются набитого чугуном лба.

— Кирилл, у тебя температура!

Температура. Слабость. Озноб.

Пусть. Какая разница?

— Поедем, Кирилл!.. — Она отбирает у него телефон, отдает адвокату и прощается за обоих. Пытается подтолкнуть Кирилла к выходу.

— Нет. — Он встает столбом. — Сейчас приедет человек. Женя. — Кирилл достает из кармана сверток. — Здесь документы. Очень важные. Отдашь. Не уходи, пока не отдашь, ни в коем случае. Дай слово.

— Но ты...

— Не беспокойся. Дай слово.

— Хорошо. — Девушка сдается.

У нее нет выбора.

— Я должен узнать последние шаги Владимира. В них ответы на все.

— А потом?

Кирилл отводит взор:

— К тебе нельзя. Будут искать.

Думал — гол. Нет, в шангу. Глаза предусмотрительной девушки лучатся загадкой:

— Есть решение. У меня дальние родственники уехали, оставили ключ от квартиры, чтобы цветы поливала. Тебе подойдет.

Кирилл в нерешительности. Она так прилипчива... Но где другие варианты?

Лиза протягивает быстро накарябанный на листочке адрес.

— Через час или два приеду, — тихо сообщает Кирилл. — Или через три. Не больше. Если не приеду...

Он вздыхает.

— Обещаешь?

Два взгляда — обреченно пустой и пронзительно жадный — входят друг в друга, пытаясь найти что-то важное.

Ничего общего. Каждый находит свое.

«Она была необыкновенно привлекательной. Но казалось, что она создана только для любви и ни для чего больше», вспоминает Кирилл прочитанное у Зощенко. Это про Лизу. Алена другая. Алена создана для большего.

Если хочешь большего, меньшее не существует.

- - - - -

Он бьет себя по лбу: Лиза с деньгами ждет у адвоката.

Главное в этом — не деньги и не адвокат. Лиза!

— Черт. Лиза!

Расхожая фраза гласит: «Мужики умнее, но дуры их постоянно обманывают». Эх, Кирилл, Кирилл...

— Вообще-то я — Жанна, — сообщает секретарша с вызовом.

— Прости, не до тебя. — Алекс вылетает за дверь.

Жанна поймет. Он не сволочь, он хороший. Просто работа такая.

— А поцеловать? — повторно несется вслед сразу удрученно и насмешливо.

Алекс уже далеко. Пролетев мимо охранника, он выскакивает на мороз, плюхается в не успевший промерзнуть салон, включает зажигание. Автомобиль приходит в движение. Одной рукой выкручивая с закрытой офисной стоянки на проезжую часть, другой Алекс вытягивает ремень безопасности...

Сбоку — свист тормозов. Узкие фасеточные глаза, хищные ноздри. Неуправляемый танк марки БМВ вминается в скорлупку Алекса точно в районе водительской двери.

Словно ребенок скомкал бумажку. Одновременный оглушающий хруст и лязг смешиваются в ощущение, что тебя взорвали.

Из немецкой торпеды, чей нос превратил в кашу половину подставленной боком недавней красавицы-яхты, с трудом выбирается женщина. Вопль ужаса. Непомерные блюдца глаз. Дрожь в коленях.

Подушка безопасности и ремень сделали свое дело. Она хромает, но бросается вперед и заглядывает в протараненный автомобиль. Ее трясет.

Блюдца превращаются в тарелки: место водителя, где только что сидел человек, пусто. Тарелки катятся дальше и обнаруживают искомое:

— Вы живы?! Слава Богу! Старалась повернуть, но скорость... Тормоза... Лед...

Не справилась с управлением?

Алекс сидит ни жив ни мертв. Сидит на месте переднего пассажира. Скорчившись в

невообразимой позе. Сознание пытается восстановить картинку.

Тело двигалось само. Краем глаза угроза — невероятный прыжок вправо из позиции сидя. И уже там Алекса настиг удар, сокрушивший левую дверцу.

А если бы успел пристегнуться?

Что-то везет ему сегодня на баварские машины.

Сбоку шаги.

— Уже вызвал. Будут в течении двух минут, — сообщает охранник.

Женщина куда-то звонит. Алекс с трудом выбирается из покореженного металла, отряхивается от битого стекла. К нему, шатающемуся и местами побитому, но удивительно целому, бросается выскочившая без верхней одежды Жанна:

— Жив?

— Не дождетесь. — Он улыбается.

Из-за поворота приближается сине-красная иллюминация — сюда мчится машина ДПС с включенной мигалкой.

— Жанна, — просит Алекс, — необходимо сгонять в одно место. Срочно. Положитесь мне больше не на кого, а здесь я, видимо, надолго. Тебе есть, кого за себя оставить?

— Попрошу Полину из отдела информации, она сегодня дежурит. Все равно сидит, пусть посидит за моим столом.

— Борисыч не возмутится?

— Утрясем.

Вот за это она ему и нравится. Хотя, если посмотреть шире... и ниже... и глубже...

Н-да, не только за это.

- - - -

На ноги подняты все. Братва, власть, полиция. Приказ прост:

— Достать из-под земли!

Горского и Матвеева. Если точнее — не столько найти их, сколько вернуть деньги. Информация доводится до врачей скорой помощи, водителей общественного транспорта, дворников, охранников, продавцов многих магазинов. Задействуются летучие команды. Осматриваются гостиницы, нелегальные ночлежки и притоны, квартиры, сдающиеся посуточно или на час. Прорабатывается частный сектор. Информировуются диаспоры. Камеры на ведущих из города трассах берутся под контроль, на вокзалах проводится визуальный досмотр.

Наиболее умелые люди Сыча занимаются сбором данных по ближнему и дальнему окружению обоих директоров «Риэлтинга». Через пару часов под каждым нужным окном будет дежурить свой человек. Пока же на глаза боссу никто старался не попадаться — не с чем.

У Сыча брынькает странным звуком личный телефон. Редко он слышит этот позывной. Звонит человек нужный и высокопоставленный.

— Привет, Борис, — говорит солидный голос без привычной уху Сыча подленькой заискивающей угодливости. — Я попросил и, невзирая на выходные, мои ребята разобрались с документами интересующей тебя фирмы. Есть кое-что любопытное.

Долгая театральная пауза нервирует. Собеседник наслаждается томлением своего визави.

— На счету «Риэлтинга» — абсолютный ноль. А учитывая начисленные и не

проплаченные налоги — огромный минус. Больше чем в Антарктиде.

Сыч чувствует, как внутри что-то трескается. Словно с гранаты сердца сорвали чеку. Считаем до четырех, и...

Голос из телефона продолжает:

— Перед исчезновением Горский лично, за своей подписью, снял с расчетного счета фирмы все деньги. И это еще не все. — По интонации понятно, что телефонный собеседник усмехается, понимая пороговое состояние криминально-делового «партнера». — Перед этим он продал несколько принадлежащих фирме квартир — все генеральные доверенности были выписаны на руководителя. Деньги от сделок, как догадываешься, в кассу тоже не поступили.

«И ведь ничего не боялся... — всплывает у Сыча. — Почему?..»

Вслух:

— Еще не выяснилось, кто навел следствие на «Риэлтинг»?

Голос издевательски серьезен:

— Здесь все в порядке. Дело заведено в результате плановой проверки.

«Ах, двурушник!..» — бурлит все у Сыча.

Вслух:

— Спасибо.

— Не за что. Всегда готов помочь старому другу.

Отбой.

Стучится секретарша Жанна.

— Борис Борисович, срочная информация по Горскому.

— Переключай.

Стационарный аппарат оживает.

— «Дискавери» Горского час назад засветился на выезде из города в сторону столицы.

Нашли в записи с дорожных камер.

— Перехватить! Предупредить гайцов. Узнать, кто из наших и не наших на трассе, чтобы забыли все и искали! И чтоб нашли!

Последнее можно было не добавлять. Старееет, однако.

— Уже. — Голос сотрудника приободрился. — Секундочку... Нашли вторую! «БМВ» с номерами генерального директора «Риэлтинга». Укатила в ту же сторону вчера поздно вечером.

— Работайте. — Сыч отключается.

Дважды из города и ни разу обратно? Или на второй убыл коммерческий директор? Какого черта Матвеев сбежал, если все денежки прикарманил Горский?

Матвеев, согласно примете, будет жить долго, поскольку сразу следует новое сообщение:

— Про Матвеева. Таксист опознал. Отвозил час назад. Судя по адресу, номер второй отправился к адвокату номера первого. Матвеев был с девушкой. Занимаемся.

— С Богом.

Сыч не верит в Бога. Он сам бог.

Был. Горский и Матвеев поколебали веру в него. Придется восстанавливать со всей строгостью. Во избежание появления будущих Люциферов. Сыч всемогущ, но, в отличие от Всевышнего, не вечен, а потому не всепрощающ.

Трудно быть богом. Слишком нервно.

Госпожа-Удача, курирующая дело о похищении, проснулась и повернулась к Алексу тем местом, которым надо. Наконец-то. Никто не любит тайн.

Горбатый делился изысканиями:

— Сайт «Ложись» у них вроде места встреч. «Ложись» — вульгаризированное сокращение аббревиатуры ЛОЖИС, потому что истинное название сайта и его посетителей — «Лига обиженных женщин, ищущих справедливости».

Брови Алекса произвольно скакнули, хотя «всемука» уже объяснила многое. Стали понятны странные движения Кристины на момент приезда полиции.

Связано ли это с похищениями?

Вряд ли. Игры взрослых детей.

— Почему уровень безопасности сайта столь низок? — смущает Алекса.

Горбатый скребет затылок и ищет нужные слова.

— Понимаешь... Есть люди айфона и люди шансона. Защиту сайта доверили вторым.

— Непрофессионалам?

— Для их уровня — достаточным специалистам. Для моего — любителям.

— Не смогли найти настоящего профи?

— А оно им надо? Кому очень нужно, любую хитрость обойдет. Зачем переплачивать или тратить лишнее время, если главное — защита от случайных вторжений?

Они сидят в заваленном аппаратурой закутке компьютеропоклонника, глушат кофе и пытаются во всем разобраться. Информации сутулуй Горбатый накопил выше крыши.

— Сайт висит где-то за океаном, но вести его, как понимаешь, можно из любой точки мира. Здесь следы запугали основательно, любо-дорого посмотреть. Про хакерскую группу «Анонимы» и им подобных слышал? Так же не узнать, откуда сигнал идет.

— А ты говоришь — любители.

— Это ты говоришь. Я говорю — проблемы они решают в соответствии с уровнем необходимости. Смотрим далее. Почти все Ай-Пи-адреса пользователей за парой исключений принадлежат местным провайдерам. — Сосредоточенно щурясь, компьютерный гений глядит на календарь. — Суббота? Черт. Сегодня не получится, нужные каналы отрезаны. Гарантирую, что в понедельник адреса обретут материальность.

Это, конечно, незаконно. Много всего происходит не так, как положено. Но если на кону жизни...

Поэтому Алекс здесь.

Ухватившись за данные Кристининого ноутбука, Горбатый потихоньку вытягивает и распутывает всю цепочку.

— Вот переписка респондентов между собой. Вскрыть удалось пока трех, у остальных соединение отсутствует. Как только появится... — Не договорив, он грузит следующую страницу. — А это видео с их машин. Я хорошо поработал?

— Стоп! — вскидывается рука Алекса.

На скачанном ролике — Горский.

Вопреки всемирному женскому девизу, не все мужики — козлы. Мужчин Лиза делит на козлов и ослов. Ослы не разбираются в женских капризах и комплексах. Козлы разбираются в них больше, чем нужно. Но те, кто не козлы — с теми скучно.

Лиза мерзнет.

Ждала возможного козлоосла Евгения — прибыла расчудесная девица-раскрасавица Евгения на шикарной карете, иными словами на роскошном личном автомобиле. Кажется, шансы Лизы тают, как сахар. Сладость сладостью...

То, чем собиралась брать она, у соперницы не меньше, а шарма и денег больше. Полный провал.

Понятно, почему Кирилл не сладкоежка. Обожрался. Алена, Женя...

— Женя?

Взгляд у Жени странный. Словно та давно ее знает. Лиза молча ждет ответа. Возгорается надежда: может быть, просто проходящая? А через минуту придет настоящий Евгений, очередной козел или осел, и тогда...

— Лиза?

Снова облом. Все бабы — стервы. А эта... Эта — просто сучка.

- - - -

Чего хочет настоящий мужчина? — спросил однажды Ницше. И сам же ответил: опасности и игры.

Почему кто-то думает, что настоящим женщинам не хочется того же? Наблюдаемое на экране компьютера свидетельствовало о жуткой односторонности Ницшевского размышления. То, что некая чудесница вытворяла с Горским, не лезло ни в какие ворота. Если бы Валерия Даниловна, его супруга, увидела — не жить ему больше на свете. А если жить, то, как минимум, хорошим танцором. Или калекой с обширной черепно-мозговой травмой и переломами обеих ног — чтобы больше не бегал и даже не думал...

Нет, не видела. Ролик не новый, судя по дате размещения, но почему-то висит в неиспользованном. Почему? Не успели?

Думать трудно, у Алекса не умолкает телефон. Отправленные «в поля» сотрудники отчитываются по сделкам с переселением, о которых рассказывал Кирилл:

— Номер первый — одинокая старушка в деревне в двадцати километрах от города. Никаких родственников, проживает по указанному адресу, с соседями ладит. Обиженной себя не считает. Номер два — алкаш, разведен, наследников нет. Бывшая жена тоже пьет. О переезде бывшего мужа слышана, ругается, но полную юридическую несостоятельность претензий понимает. Номер три — одинокий дед, сменявший с доплатой квартиру в центре на дом в деревне, помер в том доме три месяца назад. Родственники не объявлялись, дело о наследовании дома и денег зависло у нотариуса. Прошлый год проверять?

— Проверять, но приоритет снизить.

— Ясно.

По этой линии пока все чисто. Вроде бы, не они.

Вновь заговаривает Горбатый:

— Оставляю, читай, смотри. Тут много всего.

Так бывает, когда отрываешься от реальности. Просто Алена забылась. Вообразила, что прошлого нет, и наступило настоящее. Размечталась о будущем.

Жарко. Боже, как жарко. Влажность. Капли на стене. Пот ручьем. Смрад. Ведро с чистой водой уже пусто. Ни помыться, ни глаза протереть. Еще немного, и кожа начнет зудеть от постоянной влажности, покроется красными пятнами, а затем язвочками. Халат давно промок — пыталась вытереться им, как полотенцем. Теперь напоминает использованную половую тряпку.

Наряд, как известно, предисловие к женщине, но иногда и вся книга. Алена кривит губы в горькой усмешке: в ее случае предисловие оказалось никуда не годным, а то, ради чего книгу приобретали, брошено в пекло геенны огненной и, кажется, забыто здесь навсегда. Седьмой круг ада — для сладострастников. Жизнь — синусоида. Было слишком хорошо — должно стать настолько же плохо.

Вот и стало.

Она находится под землей. Это для полноты сравнения с адом. Освещение — тусклая лампочка. Кормили пока два раза. Первый раз еда уже была на столе, когда Алена очнулась. Второй, после долгих часов мысленного самоубийства и нервного сна, опустили вниз на веревке. Оба раза это сделала женщина в маске.

Иногда сверху слышалась шумная возня. Стук молотка, грохот передвигаемой мебели, даже визжание дрели, которое раньше Алена не переносила. Ее криков никто не слышал. Или не обращал внимания.

И вот снова шаги. К люку. Алена хватается халат, быстро влезает в неприятную сырую тряпку, та сразу прилипает к коже. Сквозь влажную ткань все бесстыдно проступает. Завернувшись в эрзац-одежду, потерявшую свою главную функцию, но дающую хотя бы видимость защищенности, Алена забивается в угол и прикрывается руками.

Скрип. Люк поднимается. Яркий электрический свет. Глазам больно.

— Что вам от меня надо?!

Нет ответа. Женщина. Маска. Прямое разглядывание в упор.

— Чего вы хотите?!

Вниз движется корзинка на веревке. Алена приподнимается и, продолжая прикрываться одной рукой, второй вытаскивает содержимое.

Записка сверху огромными печатными буквами: «Подарок. Чтобы не скучала».

Спустили книги. Все — про любовь.

Сволочи.

Алекс отхлебывает остывший кофе. Итого. Что выяснили?

Кристина является активным участником созданного с подругами клуба ЛОЖИСЬ.

Они провоцируют несвободных мужчин на измены, потом сообщают женам.

Не брезгают шантажом для получения средств на существование клуба. Поэтому соблюдают тайну.

Все происходящее в обязательном порядке записывается для последующего разоблачения или шантажа и отправляется руководителям данного «клуба по интересам», которые именуют себя Чрезвычайной Комиссией.

В переписке часто упоминается завтрашнее ежегодное Событие, второе от основания. То самое, с главной страницы сайта, до которого один день. Ждут чего-то грандиозного. Готовятся, как школьницы к выпускному.

Как это связано с похищениями?

Кофе закончился. Алекс с нетерпением покосился на стол Жанны, сейчас его занимала другая девушка. Новенькая в качестве секретаря тоже хороша. Заполненная белым жемчугом улыбка нежных губок наивна, сосредоточенна и чуточку испуганна. Гонять такую прелесть по мелочам видится преступлением.

Жанну можно было погонять. Но Жанна сама кого хочешь погоняет. Это взаимно и ненапряжно.

Алекс возвращается к размышлениям на нужные темы.

Кристине мог отомстить кто-то из облапошенных клиентов. Надо составлять список. Если не сработают другие ниточки, придется проверять всех.

В отношении Павлика все логично. Но каким боком Алена?

Странно все это.

Алекс встал, размял мышцы. Что за Событие, где, почему вокруг столько шума? И как бы туда попасть? Спросим по-иному: кого послать? Мужчин, как он догадывается, там не жалуют.

Перед глазами вновь возникает образ Жанны.

Образ в тот же миг обретает плоть и кровь:

— Заждался?

— Плохо без кофе.

— Я тебе тоже рада. — Грязные каблучки сапожек смачно прочавкали в направлении вешалки для верхней одежды

Жанна непредсказуема. Весела, умна, озорна. С ней можно быть собой.

Ее заместительница облегченно вскакивает и исчезает.

— Держи. — На стол Алекса полетела тугая бумажная пачка. — Спасибо, что Женей назвался. Я бы выглядела нелепо, представляясь Дмитрием или Илларионом.

— Это она? — вставляет Алекс.

Скинувшая пальто собеседница понимает, кивает и начинает причесываться.

— Ты с ней говорила?

Мерзопакостная улыбочка в ответ:

— Мало того. Теперь мы лучшие подруги.

— В смысле?

— Забирая пакет, я идентифицировала нашу Елизавету и сразу же стала плакаться о пропащей жизни. Что усаые-пенисатые до ручки довели. Особенно я крыла на чем свет некоего Алекса, козла безбородого. Что просто убила бы. Проникшаяся моими проблемами Лизавета предложила помочь.

— Убить?!

— Прочитать. Она сказала, что система отработана. Я пригласила погреться в кафе. Через десять минут и два коньяка я узнала о Лиге обиженных женщин и была приглашена кандидатом. Удачно сходила?

— Дай расцелую! Что про Лигу конкретного?

— Раз в год на балу выбирают комиссию. Лиза в списке претендентов.

У Алекса открылось второе дыхание.

— Про бал подробнее.

«Событие?!»

— Бал как бал. В нужный час за каждой участницей приезжает автомобиль. Пока та садится, шофер сидит с закрытыми глазами. Открывает по команде, когда на женщине уже надета маска. Никаких лиц. Полная тайна вкладов. В смысле — участниц.

— Что за маска? Новогодняя?

— Карнавальная, вроде венецианских, но в полное лицо.

— Потом?

— Бал. Награждения лучших. БП.

— БэПэ?

Прикрытые ажурной блузкой плечики вспархивают:

— Так Лиза сказала. И не расшифровала.

— За что награждают?

— За труды на общее благо, естественно. В нескольких номинациях.

У Алекса перед глазами — таблица с сайта.

— «Главные, поддерживающие, особые»?

Жанна оборачивается на него, в глазах — веселое изумление:

— Откуда?

Алекс доволен — хоть в чем-то утер хитрый носик умелой ловкачке. Но — хороша... Кто мог подумать, что так здорово ориентируется на местности, да еще с таким результатом?

— Может, дальше не отчитывается? — играет в обиду ехидная стервочка.

— Я даже не знаю, что означают эти термины, которые назвал, — сознается Алекс.

В направленных на него красивых глазах — триумф:

— А я знаю.

— Скажешь?

— А поцелуешь?

— Потом. Если захочешь.

— Грубиян. — Ровные бровки насупливаются. — «Главные» — это идейные акции. Как предложенная мне Лизой. С примерным наказанием подлого изменщика. «Поддерживающие» материально обеспечивают существование и деятельность Лиги. «Особые» — это поручения комиссии, истинного смысла которых сами исполнительницы не ведают. Но все — на благо Лиги и во имя торжества справедливости.

— Само собой, — фыркает Алекс.

— Всеуко! — мстительно бросает Жанна. — Самый умный, да? А я поинтересовалась на эту тему. Не думай, что там кто-то бабки стрижет. Количество главных, то есть основных, во имя идеи, и материально поддерживающих Лигу акций должно быть минимум один к пяти — чтобы не привить вкус к шантажу.

— Спасибо и на этом, — цедит Алекс. — А попасть в тюрьму за такие «поддерживающие» мероприятия наши дамочки не боятся?

Надменно ухмыльнувшаяся Жанна подкована и в этом вопросе:

— Объединенные возможности позволяют правильно исполненным поддерживающим операциям Лиги оставаться безнаказанными. А также каждый исполнитель извещен: те же действия при попытке совершить самостоятельно расцениваются как предательство истинных интересов. Со всеми вытекающими. Вся мощь организации, как меня не

замедлили предупредить, обратиться в обратную сторону — на отступницу.

— Логично. Главное — целесообразно.

- - - - -

Там мужчины обязаны ходить в туфлях. Все. Если, конечно, себя уважают. Удобно или неудобно — неважно, дело не в этом. Кроссовки — обувь индейцев. Правильный аргентинец никогда не позволит себе выглядеть как индеец.

Говорят, что у нас бюрократия. Блажь. Взять работу медучреждения там. Необходимо получить номерок и отстоять очередь в первый кабинет, где выпишут бумажку для следующего кабинета, где заберут первую бумажку и отправят в третий, и только оттуда пошлют в нужный, где снова нужно взять номерок-талончик и отстоять новую очередь. Понятно, что человек с генной памятью бывшего Союза просто идет в тот кабинет, куда ему надо. Сразу.

Если есть голова и желание, выжить там можно. Жить, если не заладилось с работой — нет. Пришлось вернуться. После Аргентины родные реалии навевали тоску.

Закрутилось. Белая полоса. Внезапная любовь. Возвращенная вера в людей. Роспись в ЗАГСе. Друзья, поднимающие тосты за вечное счастье молодых. Доверие. Крылья за спиной...

Черная полоса. Предательство. Отомстить помог друг. Нет вот так: «Друг». Так он назвал себя в сети.

Чарли и Друг познакомились в интернете. Там много живущих мстью, чересчур много. Но если мужики не плачут, а действуют, то женщины плачут, ищут сочувствия и просят помощи. Почему не помочь? При правильном подходе дело оказывается выгодным во всех смыслах. Обиженная женщина, которая жаждет возмездия — страшное оружие, надо только уметь направить.

Оставалось продумать детали. Через пару месяцев в руках Чарли оказалась виртуальная, но реально боеспособная организация. В ней каждый делает свою часть работы и при этом знает лично только одного из членов Комиссии, которую поставили во главе новообразованной Лиги. Бабское царство. Злое и беспощадное. Наблюдая со стороны, Чарли посмеивается — не дай Бог попасть под зуб этого ядовитого террариума единомышленниц.

Почему «Чарли»? Все думают, что это псевдоним из кино. Пусть думают, так даже забавнее. На самом деле имя привычно с детства. Кличку во дворе прилепили по фамилии, потом за границей оно же приклеилось намертво. Так и осталось.

Сейчас Чарли наблюдает за выбранной жертвой. Веб-камера не умеет стесняться, она показывает все. Девушка не знает, что ее снимают.

Красива. Но оттого виновна еще больше. Красота — оружие. Против безоружных запрещено. Это геноцид безоружных, преступление против человечности.

Чарли понимает, что чувства у женщин часто руководят разумом. И что же? Отвечать приходится за поступки, а не за мотивы. Ожидающая своей участи в подzemелье виновата, оттого должна быть наказана. Вообще и в частности.

Главным принципом Лиги поставлено: «Зло должно быть наказано». В Лигу идут, чтобы с помощью других отомстить предавшему человеку и вывести на чистую воду других. Ради этой цели задвигаются подальше совесть и мораль.

Чудовищное получилось оружие. Но донельзя эффективное.

- - - - -

— В общем, Жануля, ты прелесть.

Жеманно склонив головку и носочком сапожка выписывая забавную дугу, героиня дня с кокетством вздыхает. Словно ждет, чтобы ее приласкали, погладили и вообще.

Алексу не до вообще.

— Черт. Чуть не забыл. — Он хватает телефон, тычет в клавиши, долго слушает. Нужно срочно сообщить Кириллу про Лизу. Лиза и Кристина в одной команде. В команде противника.

Он ждет. Напрасно. Кирилл не отвечает.

Острый штык колет под сердце. Он зовется интуицией. Алекс запрашивает отслеживание номера.

— Одну секунду, — говорят из технического отдела. — Сейчас... Нет такого номера.

— Есть!

— Среди действующих нет. Появится — сообщить?

— Обязательно. Сразу.

Теперь и Кирилл пропал. Пропаций, воистину. Все вокруг него пропадают. Дети, женщины, начальники. Кто следующий? Он, Алекс?

Всплыла картинка врезающегося неуправляемого тарана, сминающего его автомобиль. А если...

— Прости, Жануленька, дела. — Пригибаясь от укоризненного взора, словно от пулеметной очереди, он сбегает с поля боя, где у противника все козыри.

Ушел почти без потерь. Так, совесть чуть-чуть поныла, и все. Ничего, Жанна поймет. За то и ценят.

Он сверил номера. Пронесло. Эта не та «БМВ», что после похищения проезжала мимо дома Матвеева с женщиной за рулем. И хорошо, случайные совпадения надоели. Но на всякий случай...

Он набирает адрес сайта и подобранный Горбатым пароль. На планшете грузится знакомая таблица. Затем Алекс открывает ее же, как сохранил на момент открытия дома у Кристины. Черт подери.

Изменение в таблице всего одно: в графе «Особые» у некой «Артистки» ноль сменился на единичку.

Ноги сами выносят его из кабинета.

— Горбатый, ты еще здесь?

Алекс врывается в каморку дальше по коридору. В темноте из-за спящего монитора всплывает утренним солнышком сонная недовольная голова.

— Заснул?

— Думаю.

— Можешь подумать еще на одну тему? — Алекс показывает визитку врезавшейся в него женщины, оставленную для связи после составления протокола дорожного происшествия. Внизу прописан и-мейл. — Есть сайт. Есть электронный адрес, с которого пользователь мог заходить на этот сайт. Посмотришь насчет связи между ними?

Внутренний мотор поддал газу. Что-то подсказывает...

— Сайт «Ложись»? Раз плюнуть, — бурчит Горбатый. Он потягивается, любовно

поглаживает процессор, напоминающий останки летающей тарелки, побывавшей в руках ребенка, и полностью тонет в нем.

Через минуту:

— Не заходил.

Алекс облегченно выдыхает. Лучше так, чем наоборот.

Горбатый чешет патлы:

— Учти, компьютер выдает не то, что ты от него хочешь, а то, что спросил.

Сформулируй задачу правильнее. Кто именно тебя интересует?

Теребя визитку с надписью «Театр-студия "Зеркало"», Алекс сообщает:

— Та, что заходит под ником «Артистка».

Горбатый вновь начинает понятные лишь ему шаманские ритуалы.

— Ага, — говорит он, — только что заходила, отписалась о неудачном завершении какого-то поручения. Адрес другой. — Косится на визитку. — То, что ты дал — почта студии. Личная у твоей «Артистки» иная.

Логично.

Алекс молчит. Интуиция, которая редко врет, подсказывает: Лига открыла на него охоту.

- - - - -

— Жанна, я уехал. Будет что-то аховое — звони, остальное на твое усмотрение.

Не первый раз. Понятливый кивок. Умная мордашка. Вообще — умница. Побольше бы таких, да откуда взять. Многие пробовались, но испытания сторонними деньгами не выдержали, сломались, когда предлагаемые за предательство суммы зашкаливали и упирались в непредставимый сектор. Сломанное выбрасывают. Крепкое возвращают.

— Подождите, Борис Борисович, — Жанна, сладкий сон всей мужской части фирмы, бросается наперерез, коленки сверкают, глазки горят, грудки прыгают.

Сыч притормаживает на ходу и глядит с удовольствием.

Секретарша не только фантастически обаятельна, но и не по возрасту мудра, отличая правильное от формального, пусть второе по закону, а первое не совсем. А также она естественна и соблазнительна настолько, что забываешь о возрасте. В словах и отношениях честна, дика, как кошка, а жизнь воспринимает как вызов. Шикарная смесь. И взрывоопасная.

— Только что сообщили. — Подбежала, запыхалась. Белья, чертовка, не носит — острые выкрутившиеся тубики в окружении темных корон испаривают ткань на сдобе выпуклостей. Видит, что видят, но лишь посмеивается лукаво. — Выяснили: наш Матвеев — многоженец.

— О как. — Теряя мысль, Сыч с трудом отводит взор, хмурится. Рассказать бы о нескромном поведении ее отцу...

Альфред, большой человек, с которым не один куль соли сперли (или как там говорится), когда доверял дочку другу и компаньону, считал, что под крылом верного человека на его родную кровиночку ни одна ворона не нагадит, ни одно перышко не упадет. Знал бы, что представляет из себя дочурка на самом деле...

Альфред долгое время был партнером Сыча. Потом женился. И все, нет человека Книги, театры, званые вечера в компании светских особ... Одно слово — женатик. Пришлось Сычу продолжать общее дело в одиночку.

Впрочем... не совсем. Теперь у него есть Жанна Альфредовна. Девочка унаследовала лучшие папочкины гены — те самые, тех незабываемых лихих времен.

«За сумму, которую я плачу, мне нужна не просто работа», — в свое время сказал ей Сыч, когда огласил уровень будущей зарплаты.

«Я понимаю», — кивнула пришедшая устраиваться девушка.

«Что понимаешь?» — въедливо упало вслед.

«Что с меня спросится за сделанное и за несделанное, что потребуется возможное и невозможное, праведное и не очень, — расшифровала Жанна свое понимание. — Правильно? Со всей ответственностью заявляю: согласна. Я сделаю все».

«Все?» — на всякий случай заострил внимание Сыч

Он замер, представляя, как молоденькая козочка встряхнет сейчас очаровательными локонами и вскинется: «За кого меня здесь принимают?!..»

Чистый прямой взгляд встретился с его потрошащими выскиваниями, намекающими на нескромную многозначность упомянутого «всего».

«Все», — твердо объявила тогда Жанна.

Прошедшее время доказало — он сделал идеальный выбор. Довольными от трудового союза оказались все. Жанну соблазн предательства ради денег или положения не коснется. Такая предаст только если предать ее, а этого Сыч никогда не сделает. В общем, идеальная ситуация. Идеальная работница.

Да, побольше бы таких.

— Игнат в этом направлении работает, — продолжает идеальная работница, искря плутовством и провокационно маня открывшимся вырезом. — Сейчас с кем-то разговаривает. Сбросил сообщение, что Матвеев обещал жениться одновременно двум.

Сыч начал пристраивать новый факт к уже известным, а известно, что Матвеев с невестой и сыном от первого брака (о котором бывшая жена думает, что он с отцом) поочередно исчезли на следующий день после Горского. Потом Матвеев объявился в городе — его видели с девушкой, ищут.

— Только двум?

Сыч прокручивает в голове изменившуюся ситуацию. Банальный поступок ловеласа — или здесь присутствует умысел, как у Горского? Кирилл собирался уйти к другой? А если так: уйти с другой. И с деньгами.

Ход мыслей взламывает ледокол по имени Жанна. Не принимая цинизма начальства, она продолжает серьезно:

— С Аленой, которую пока не нашли, у него через неделю намечена роспись в ЗАГСе. Странно, что при этом Матвеев встречается и со второй, причем тоже не скрывает серьезных намерений.

Черт возьми, какая у нее грудь. Сыч переминается с ноги на ногу. Надо сходить в сауну, отвлечься. Полковник давно приглашал. У него такие телочки — душу высосут. А как умолял хоть разок привезти с собой Жанночку... Губа не дура у старого хрыча. Молчун поганый. Ведь знает что-то, наверняка знает. Капитан никогда бы не решился сам.

Взор вновь произвольно упирается в вызывающе торчащие бусинки на мячиках, зовущие хватать и грубо мять все ожерелье.

Он никогда ничего не позволял себе с Жанной. И не из-за дружбы с родителями, а просто работа есть работа. Смазливых баб миллионы, а незаменимая Жанна одна.

Стоп. Полковник — молчун... Жанна...

Отвернувшись, Сыч вытаскивает личный телефон.

— Петрович, — произносит он, как только абонент отвечает, — как настроение насчет шары покатать? Предмет твоей зависти против предмета моего интереса. Устраивает? Жди.

- - - -

Хочешь что-то сделать — сделай сам. Аксиома.

Руки крутят баранку, взор настороженно прыгает из стороны в сторону. От машины нужно избавляться как можно быстрее, как и от той, первой. Во-первых, когда выезд из города отследят, это сработает на нужную версию. «Объект» сбежал. Ищите ветра в поле. Страна у нас — огромная, а вместе с заграницей — непосильная даже для организаций с неограниченным ресурсом. Во-вторых, как говорится, концы в воду — теперь не только в переносном, но и в прямом смысле.

Снежные просторы искрят ненужной красотой, а запланированный поворот никак не появляется. Но уже скоро.

Он все делал сам. С самого детства. Поздний ребенок, родители стары, брат и сестры уже своих нячат, не до причуд малолетки. Постигал жизнь самостоятельно. Любил книги о приключениях. Но Майн Рид и Джек Лондон отдыхали, это было далеко и неправда. Он зачитывался Ильфом и Петровым. Его героем был Корейко с шармом Бендера. Точнее, Бендер с масштабом и предусмотрительностью Корейко. Два в одном. Идеальное сочетание. Золотой теленок в преломлении подростковых амбиций вырос в золотого быка с повадками льва и хитростью гиены. Апис и прочие священные коровы отдыхают. Бык-бог должен был стать золотым, чтобы быть счастливым, а не наоборот.

Воспитание принесло плоды. Дворовое детство научило не бояться и надеяться только на себя. Все это пригодилось, когда он стал зарабатывать.

Первые деньги были опасными — процент от фиктивных сделок с госбумагами. Затем — обналичка через фирмы-однодневки. Один раз — фальшивые авизо. Впрочем, его оправдали, ниточки уходили на Кавказ, дальше никто не разбирался. С этих денег через юридическую контору он зарегистрировал фирму за рубежом и качал миллионы на зачетах НДС. Проще некуда: его юридическое лицо в России заключало договор поставки выдуманной продукции с иностранным предприятием (в его случае — с принадлежащим ему же и существующим лишь на бумаге), он подписывал за обе стороны накладные, а российский бюджет по предъявлении этих бумаг возмещал ему налог на добавленную стоимость с суммы фиктивной сделки.

Миллионы. Как просто. Но не один он такой умный, кто-то же писал этот закон под себя. Этот кто-то не любил конкурентов. Мелкий одиночка едва успел соскочить с пути несущегося автопробега гигантов, как жулики-антилоповцы в Ильфо-Петровском романе: «Настоящая жизнь пролетела мимо, радостно трубя и сверкая лаковыми крыльями. Искателям приключений остался только бензиновый хвост. И долго еще сидели они в траве, чихая и отряхиваясь.

— Вам не завидно, Балаганов? — сказал Остап. — Мне завидно».

Зависть неконструктивна. Дают — бери, бьют — беги. Всеу свое время, как сказал старик Экклезиаст, пускаясь в словоблудие о камнях. Лавочку прикрыли, усложнив до невозможности, и оставили кормушку лишь для своих. Но он уже обладал достаточными средствами.

Потом было еще много всего и везде. Далек и близко, высоко и низко. Иногда очень

далеко. Иногда очень низко.

Понимание пришло со временем. Деньги правят мир, но не лечат душу. Они — средство. Счастье не купишь. Его нужно растить. Как дерево. Воспитывать. Как сына. Строить. Как дом.

Фундамент заложен давно. Стены упираются в небо. Осталось последнее.

Вот и нужный поворот. Руль резко вправо, небольшой занос. Режим офф-роуд — на максимум. Машина приподнялась на пневмоподвеске и полезла сквозь целину, вгрызалась в намерзшие торосы. В пути он дважды помогал лопатой и один раз лебедкой, чуть не переломив оказавшуюся хлипкой березу. Полынью у давно присмотренного съезда к реке пришлось прогрызать по периметру прогретой в салоне бензопилой, которая на морозе все время глохла, а кое-где долбить ломом.

Уф, готово. Огромный угловатый кит со вздохом пустил последний фонтан.

Следы? Обещали снегопад, но немного покидать лопатой, припорошить и пройти ветками не мешает. Обрато — на лыжах, которые он бросит у придорожного кафе в семи километрах отсюда. Дальше на автобусе. Все распланировано. Как и с первой машиной, только та утопла гораздо ближе к городу — темнота позволяла.

Отойдя достаточно далеко, он не выдерживает, вынимает телефон и входит в сеть. Пальцы мгновенно замерзают, оставшись без перчатки. Аппарат тоже не любит холода, но пока держится. Оживает изображением.

Она.

Ради этого все.

- - — -

— Да, Аглая Лукинична. Конечно, Аглая Лукинична. — Камбала изо всех сил старался не сорваться. — Понимаю, Аглая Лукинична. Еще бы, Аглая Лукинична. Само собой, Аглая Лукинична. Вот как? А вы, Аглая Лукинична? Да что вы говорите!

Он закатил глаза и мысленно отхлестал себя по щекам. Себя, а не эту говорливую старушеницу. Шапокляк, кляк ее шляп. Впрочем, не будь она столь несносно любопытна и говорлива...

— Он самый. — Соседка Лизы, сотрудницы «Риэлтинга», тыкала желтым пальцем в фотографию Кирилла Матвеева, цели номер два. — Что я видела, спрашиваешь? Все видела! Милок, у Аглаи Лукиничны глаз алмаз. Что там алмаз, бриллиант! Мышь не проскочит. Раньше — некий Александр захаживал, Санька-алкаш. Отшила его Лизка, когда с какой-то козой на стороне связался. Потом были еще несколько, некоторые возвращались скандалить, что эта мерзавка, дескать, — старушка кивнула в сторону Лизиной двери, — их подставила. Грозилась поймать, нехорошими словами обзывали.

— По делу-то обзывали?

Весь на нервах, Камбала поддерживал разговор из последних сил. Ему бы рыло кому начистить... Нет, послали сюда, разговоры разговаривать. Типа, он на все руки мастер. Не мастер, а только КМС по нескольким дисциплинам, но оральное искусство в этом ряду рядом не лежало.

Аглая Лукинична не видела страданий собеседника. Она рада поговорить. Вновь обнажился неровный частоккол золотых и стальных коронок:

— Не гуляет, но... погуливает. Молодая, глупая. Кровь играет. Лизка у нас девка аппетитная, мужикам дюже нравится. Но разборчивая. Хотя... всяко бывало. Которые

хамили и руки распускали — приезжала мили... свят-свят, тьфу ее, полиция, всех забирала. Лизу ни разу. Скажу по секрету: полиция ее опекает.

Игнат Камбала стал похож на рыбу камбалу. Или на лягушку, которой не по размеру клизму поставили или насосом слегка надули.

— Что?

Бабулька довольна:

— Я потом спросила офицера, тот сказал, что СВЕРХУ, — изогнутый палец пронзил притолоку, — просили обезопасить девочку от случайностей. Теперь патруль всегда под боком, и чуть что...

Слушая, как в отношении дебоширов сразу принимаются крутые меры и вешаются статьи — минимум за хулиганство, минимум с условными сроками (чтобы прочувствовали высоту покровителей, забыли сюда дорогу и больше не рыпались), Камбала снова поднял фото Матвеева:

— А этот? Тоже дебошир?

Аглая Лукинична расцвела:

— Что ты! Это ее жених.

— Жених?!

Руки сами начали набирать срочное сообщение в офис. Камбала нервничал. Вводную дали, что у «цели номер два» другая на примете, все ноги сбили, разыскивая. Ух, мерзавец.

— И что же? — Камбала настолько искренен в своем внимании, что старушка сияет.

— Ушли не так давно, — говорит она. — Скоро вернутся.

— Уверены? — удивляется Камбала.

— Так ить мороз на улице, — разводит руками бабка. — Но не из-за этого. Ты Лизку-то видал? Думаешь, долго утерпят?

Игнат понимающе скалится. Всезнающая соседка, щурясь довольно, общинчески посмеивается вместе с ним.

Ушли — это, значит, к адвокату. По описанию таксиста, Матвеев был именно с Лизой.

Но — скоро вернутся... Игнат расплывается в своей самой добродушной из улыбок, от которой посторонние почему-то мочатся в штаны. Будет настоящая работа. Глаза высматривают, как лучше организовать засаду. А брать будет сам...

— Если, конечно, на другую квартиру не уйдут, — продолжает вещать говорливая соседка.

— Что? — стоп-кран в мозгах и свист тормозов.

— На другую квартиру. Какая-то тетка Лизе оставляет, не знаю зачем. Тайны у них какие-то. Но от меня ничего не укроется...

- - - -

Сыч поворачивается к Жанне:

— Предыдущее распоряжение отменяется. Собирайся.

— Как?

— Как на праздник. За себя оставь эту, сегодняшнюю, с красивым задом и глазами, которые не знают, как этим задом распорядиться.

— Полину из информационного?

— Да. Для тебя будет особое поручение. Другие не потянут.

Жанна искренне рада и, кажется, почти готова расцеловать. Засиделась в офисе, запылилась.

— Вот адрес, — Сыч пишет вынутым из кармана «Паркером», — будь через час и жди меня.

С глаз долой, из сердца вон. Дверь хлопает, секретарша мгновенно забыта. Сыч выходит. Трое ребят, не так давно сменивших кожанки на костюмы, поглядывают по сторонам и, прикрывая телами, усаживают в машину. Бронированный мастодонт бесшумно прыгает вперед.

Горский, сволочь... Знал все заранее. Про наезд полиции, про амнистию. Продумал. Снял деньги. Продал недвижимость. Занял у доверчивых приятелей. Выходит, готовился давно. Обманывал, глядя в глаза?

Ну что же. Милостивый и милосердный — не про Сыча.

— К дому Горского, — командует он шоферу.

Надо лично встретиться и поговорить по душам с женой бывшего партнера. Гм, бывшей женой. Будущей вдовой.

- - - -

Девушка глядит на Марго с немым обожанием, которое граничит с благоговением. Хоть сейчас на костер. Только прикажи.

Лицезреть лично — что ангела увидеть. Чудо. Как если бы Президент случайно на огонек заглянул. Марго невесело усмехается.

Пришлось. Не было выбора. А все Чарли.

— Когда? — Она сводит брови.

— Я стараюсь... — лепечет девушка.

— Когда? — грозно грохочет Марго, и огонь в глазах.

Лиза бледнеет.

— Постараюсь сегодня... С ним очень трудно. Почти не пьет, намеки не понимает, к близости не стремится. Даже задумывалась: может быть, импотент?

— Ты провалила задание, — констатирует Марго и величественно усаживается. Кресло услужливо растекается и замирает в приниженном реверансе. — А ведь я рекомендовала тебя в Комиссию.

На Лизу страшно смотреть. Ужас, страдание, желание исправить...

— Сегодня! — восклицает она громко. — Обязательно! Даю слово!

Марго снисходительно взирает. Молчит. Раздумывает.

Бедная девочка. Мечтает о вершине. Идиотка.

Тихий вздох вырывается сам собой. Марго глядит в сторону. Как все посвященные нижнего круга, эта девочка думает, что Чрезвычайная Комиссия, она же Комиссия Четырех или просто Комиссия, — основатели. Лишь сами комиссионерки знали, что это не так. Не основатели, а зицпредседатели. Без Чарли не было бы Лиги. Первоначальный выбор и создание Комиссии — тоже заслуга Чарли. Как и идея, формат, методы и структура Лиги в целом.

— Помощь потребуется?

Лиза вскидывается:

— Что вы! Я сама...

— Подумай. Это последний шанс. Речь не о тебе, а о задании. Завтра может быть поздно. Проиграешь ты — проиграем все мы.

— Сделаю любой ценой.

Удовольствие в усталых глазах Марго:

— Вот это ответ.

- - - -

— Входите, Борис Борисович.

— Здравствуй. Как жизнь?

Горская разводит руками: сам, мол, знаешь, потому и явился.

Сыч вешает пальто в прихожей и проходит в холл. Дом Горских небольшой, но расположен среди дорогих особняков и обставлен внушительно. Чувствуется, что доход у семьи достаточный.

Хозяйка забывает о горестях и вспоминает о гостеприимстве:

— Кофе?

— Не откажусь. — Он опускается в антикварное кресло, удобно тонет, откидывается. Из окна открывается чудесный вид на проходящую неподалеку улицу. — Лера... Мы с тобой давно знаем друг друга. Скажи честно, что произошло?

— Володька взбрыкнул.

— Переведи.

Валерия Даниловна, серьезная солидная женщина в расцвете лет, вдруг эмоционально всплескивает руками:

— Не знаю, какая вожжа ему попала... пусть и знаю куда. Жили нормально, мелкие его грешки старалась не замечать, думала — перебесится, остепенится. Годы-то. Мы же всё всегда вместе, никто нам ничего просто так не давал. Сами у жизни брали. И всегда вместе.

Сыч смеется:

— Никто не давал, сами брали — в зависимости от контекста это разбой либо групповое изнасилование. Карается законом.

— Перестань, — Горской не до шуток. — Представь, теперь эта мразь меня кинула.

— Меня тоже.

— Тебя? — Валерия Даниловна удивлена, если не сказать больше.

Таких, как Сыч, обманывать — что вверх какать.

— Да, старого приятеля, защитника, спонсора и клиента.

— Поэтому ты... — догадывается хозяйка о причине визита.

— Как это было? — требует Сыч. — Подробно. Спасибо. — Он принимает из ее рук чашку кофе.

Валерия Даниловна садится напротив.

— На днях он вернулся взбудораженный, сказал, что предстоят большие перемены.

— С кем встречался?

— Не сказал. Я не спрашивала. Он был где-то в верхах. Он много где бывает.

— Дальше.

Сычу не до разглагольствований, каждое лишнее слово — как ножом в печень. Чашка в руках подрагивает. Охотничий азарт накрыл с головой. Ружье заряжено, собаки спущены. Осталось найти хитрую лисицу и нажать на спусковой крючок. Содрать шкуру и сделать чучело. И выставить на видное место. Чтоб.

— Володя объяснил мне, что нужен срочный фиктивный развод и за день оформил все бумаги.

— Сбережения?

— Мои остались при мне. Не отдала. Все записанное на него он снял, строившийся для детей коттедж продал. Сказал, нужно много денег, которые затем вернутся в большем размере. Сказочник.

— Может быть, сказочник не он? — подбросил Сыч.

— Тогда Буратино на поле чуде... хм, дураков.

— Думаешь, кто-то мог его обмануть? — Сыч неплохо знал Горского. Потому и доверил собственные средства. На скользкие предложения тот не поведется.

— Легко. Очередная шалава.

Через окно видно, как вдали из такси выходит Алекс и быстрым шагом направляется в сторону дома Горских.

Нет, не Алекс, но человек одет в длинный серый пуховик и шапку, как у Алекса прошлой зимой.

Любопытно, кто это и зачем идет к Валерии Даниловне. А если это...

Охотничий азарт чуть не выплескивается. Горский?! Думает прощмыгнуть незаметно? Оставил дома что-то важное и вернулся? Или Сыча водят за нос, и Лера с муженьком заодно?

Сейчас голубчика повяжут, и все выяснится. Губы уже растягиваются в улыбке...

Даже сюда доносятся скрежет и визг тормозов — сзади на человека несется старенькая «Лада». Дорога скользкая, ее мотает. Человек в сером пуховике оборачивается, старается уклониться, но «Лада» буквально принимает его на себя, а потом и в себя. Лязгнувшая болезненным стуком задняя дверца вновь захлопывается. Поглотив прохожего внутрь, машина исчезает вдали.

— Что это было? — Сыч указывает за окно.

Хозяйка, поздно поднявшая глаза, ничего не заметила. А пальцы Сыча уже выудили телефон.

— Ребята, светлая «Лада» на улице, поехала вправо. Перехватите, — следует распоряжение охране.

Собеседница ничего не понимает. Тревоги в глазах не заметно. Либо это был не Горский, либо она ни в чем не замешана, и его сейчас доставят тепленьким.

Или не его. Тогда выяснится, кто сюда шел и зачем. Пока же нужно исходить из того, что новой информации нет, и следовать прежнему плану.

Сыч возвращается к прерванной теме и участливо кивает убитой предательством еще довольно привлекательной женщине:

— Володя так падок на сладенькое?

— Не то слово, — вздыхает она обреченно. — Анфиски, Олеськи, Аришки, Аленки..

Не успевала запоминать.

— Аленка? Это которая? — Невесту цели номер два, которая исчезла в один день с обозначенной целью, зовут именно так. — Неужели с бабой подчиненного закрутил?

Валерия Даниловна гневно машет руками:

— Не говорите мне о ней! Столько нервов...

— Настолько серьезно? — вздрагивают брови Сыча.

— Прямо у меня на глазах такое вытворяли!

— В смысле? — Воображение у Сыча богатое.

— Едва познакомились. На вечеринке. Я в углу скучаю, а он хватя эту козу за ляжки — и обжиматься!

До Сыча доходит.

— Танцевали, что ли? — Он едва сдерживает смех. — А потом?

— Я за ним не следила. Знаю, что он снял квартиру. Мне этого достаточно.

— Матвеев не появлялся? — Долой неприятную тему, сейчас она вызывает у собеседницы раздражение.

— Никто не появлялся. Никому я теперь не нужна. Только полиции. Пропавшие деньги ищут.

— Я тоже ищу, — напоминает Сыч. — А на Матвеева не злишься?

— За что? Он тоже жертва.

— Не думала «отомстить» с ним Володьке с Аленкой? — скалится Сыч.

Горская укоризненное качает головой:

— Мстить нужно причине, а не следствию. Впрочем... — она улыбается лучисто и задорно, мгновенно меняется и из хорошо упакованной домашней клуши вдруг превращается в знойную оболъстительницу, — это мысль. Если Кирилл появится...

— Если появится — позвони мне, хорошо?

--- --

Ее ответ понравился. Настроение у Марго пошло вверх, и Лиза рискует продолжить:

— Сегодня я нашла еще кандидатку в Лигу. Боевая девушка. Ситуация обычная, я рассказала о нас, она готова приступить хоть сейчас. Можно пригласить?

Она имеет в виду Бал. Марго понимает.

— Нет. Ты знаешь о правилах.

Лиза кивает.

— Надеюсь на тебя, — говорит Марго, прощаясь.

Лиза взвинчена. Она боится предстоящего, того, что наобещала. Но еще больше боится не исполнить.

Лиза глядит назад, на красиво убранную постель. На часы. Сбрызгивается дорогушими чудодейственными духами, купленными за посулы стать желанной чуть не на генном уровне. Потом раздевается, долго смотрит на себя в зеркало, принимая самые сказочные позы. То морщится, то одобрительно хмыкает. Где-то придиричиво мнет, где-то приподнимает ладонями, где-то приглаживает. Не хуже Жени и уж тем более Алены. И куда только смотрит, удад глюкнутый?

Она перетаскивает в ванную пушистый ковер из комнаты, стелит как надо и в

очередной раз репетирует падение. Нормально. Эффектно и не больно. Если Кирилл не полный кретин, это сработает.

А если кретин?

Волноваться поздно, слово дано. Накинув на голое тело прозрачный пеньюар, Лиза садится ждать.

- - — -

Как говорится, назвался клизмой, полезай... Или как там, в оригинале?

Санька был зол. Лизка, стерва. Нашла себе очередного. Жених? Как начался, так и кончится. Всех отвадил, и этого отвадит.

Женишок, выходя под ручку с чертовой безмозглой лахудрой, даже не оглянулся. Зря. Санька был уже не один.

— По рогам? — предложил Тоха — по первому зову прикативший на своей колыхаге друган.

— Позже. — Саньке хочется узнать, куда голубки намылились. И вернувший его в адекватное состояние наряд полиции, шныряющий где-то рядом, не дает решить вопрос здесь и сейчас.

— За ними, — командует он, когда парочка ловит такси.

Проследили. Недолго пробыв у кого-то в элитном районе, парочка разбивается.

— Куда теперь?

— За ним, — принимает решение Санька, глядя на вышедшую к дороге фигуру.

Поймать попутку женишку оказалось непросто. Шашечки и специальную расцветку он почему-то игнорировал, обычные бомбилы оказывались сплошь занятыми или слишком спешащими. Очень долго никто не останавливался. Заранее проехав вперед, в зеркале Санька и Тоха наблюдали за чужими тщетными попытками сзади. Много времени прошло, пока какой-то мужик не смилостивился.

Ехать пришлось далеко. Опять элитный район, на этот раз — коттеджный поселок. На светофоре чуть не потеряли «клиента». Когда нагнали, он уже расплатился и вышел.

— Берем! — Санька полез с пассажирского сидения назад.

На полном ходу «Лада» подлетела к остолбеневшему женишку, и Санька втянул его внутрь.

— Ходу!

Машину едва не выбросило с дороги. Лед. Скорость. Адреналин.

— Думал — все, отвязался? — Сашка принялся месить не успевавшее прикрываться тело. — Я тебя в покое не оставлю. Отстань от Лизки! Моя она! Моя!

- - - -

«Ар-ар!» — оглушительный крик разогнал с дороги шуганувшуюся мелюзгу. Сытая стальная морда свернула к небольшому ресторанчику. Позади головной пришвартовалась машина сопровождения.

Заведение «красное», с Сычом и ему подобными дела не имеет, но владелец Сычу многим обязан. Расплачивается услугами. Например, предоставлением закрытой зоны в единоличное пользование, куда прочим клиентам доступ закрыт.

Судя по редкой в этих местах «Акуре» у входа, полковник ждет.

— Ваш гость уже прибыл, — подтверждает расторопный владелец и лично провожает в верхние апартаменты.

— А гостя? — бросает Сыч.

Взгляд не сразу находит среди других нужную машину, но все же находит — Жанна встала так, чтобы не бросаться в глаза и, когда понадобится, уехать без проблем. Ей даже

выезд одним автомобилем не перекроешь. Молодец, обо всем думает, дажекогда этого не требуется.

— Обворожительная такая девушка? Я не думал... — судя по дрогнувшему голосу, ресторатор мысленно пишет завещание. — Она про вас не сказала и прошла в общий зал.

— Позови. — Сыч вместе со свитой движется к лестнице.

Верха он достигает в одиночестве — свита рассосалась, заняв привычные места. Мышь не проскользнет.

— Еще раз здравствуй. — Рукопожатие. Похлопывание по плечу.

Полковник не стар, но потрепан. Полноват, низковат, плешеват. Успех у женщин имеет благодаря доходу, чей уровень не афишируется в декларации. Собственно, и не успех это, а рыночные отношения. Понимает. Семейей дорожит, но до нежностей охоч. О красоте Жанночке мечтает со дня ее появления у Сыча.

Полковник хочет что-то сказать и не может — появляется объект его восхищения.

Чаровница. Развевающеся платьице — в стиле Мерилин Монро (намекнул — переделась. Умница. Даже зимние сапожки сменила на лаковые туфельки с невероятным каблуком — видимо, внизу в гардеробе все лишнее оставила). Цок-цок — ножки от бедра. Прыг-прыг — грезы холостяка. Умопомрачительной кинодивой Жанна подплыла к умолкшим мужчинам. Набравший воздуха полковник застыл, словно собирался дунуть снизу и превратить Жанну в истинную Мерилин над воздуховодом, да забыл, как это делается. И хорошо, что забыл. Такой старпер если и дунет снизу...

— Жанна, это мой хороший друг, как-то раз ты его уже видела, — представил Сыч загипнотизированного красотой мужчину.

Ой, красотой ли?

— Очень приятно.

Видно, как звенящая нежность отдается в животе онемевшего оппонента сладким спазмом.

За его спиной Сыч поднимает большой палец. Улыбка Жанны открыта и бесподобна. Склоненная головка и заинтересованный взмах ресниц окончательно добивают вероятного противника.

В помещении играет музыка. Стрельнув в сторону Сыча вопрошающим взглядом, полковник вытягивается в рост и галантно кланяется своему давнему наваждению:

— Позвольте... на танец?

— С удовольствием.

Они выходят на свободный пятачок между столом с яствами (ресторатор постарался) и бильярдным. Юная вертихвостка чудесно играет роль.

Чувственная томящая мелодия. Маленькие ручки на огромных плечах, большие — на волшебной талии. Не зря он ее взял на работу, совсем не зря. Все, негодница, понимает. Главное — понимает не сказанное вслух и сама догадывается, что делать. И ее не коробит. Это бесценно.

- - - -

Всего несколько километров от объездной. В лесу. Алекс примчался, едва позвонили. Пока мастера чешут репы над восстановлением его красавицы, приходится ездить на служебной. Неплоха, конечно, как и все в их солидной фирме, но не своя.

— Кран застрял, — кричат парни с обочины, увидев его машину. — По снегу не

проходит. Здесь военный кран нужен, многоосный, на полном приводе.

— Вы уверены, что это машина Горского?

Основательно подмерзшие на продуваемом месте парни смеются, притоптывая:

— Камбала — герой. Оно и понятно: камбала! — Разносится задорный безобидный гогот. — Никто не хотел лезть. Следующая камера машину уже не зафиксировала. Ищем на этом участке. Обнаружили этот поворот, пошли по следу. Полынья. Совсем недавняя. Камбала только приехал с расстановки постов, поглядел, всех обматерил, разделся и нырнул. Номера именно те. А вызванный кран увяз на подходе.

— Игнат-то жив? — впервые тепло вспоминает Алекс Камбалу, которого обычно не жаловал.

— Беленькой согревается. В кране, с крановщиком. Тот спешил куда-то, а мы перехватили. Ругался страшно.

— Военный уже вызвали?

Разводят руками — не их уровень.

— Хорошо, займусь.

Дзинькнул телефон. В его кармане, но... телефон не его.

Кирилла!

Текстовое сообщение. Руки спешно выводят текст на экран.

«Зря ты связался с братвой. Теперь у всех будут неприятности. У кого-то большие, у кого-то маленькие. Не у нас, как понимаешь. До связи. Не хочешь окончательно навредить близким — больше не балуй».

Номер, с которого отправили, опять новый. Видимо, избавляются сразу после использования. Алекс быстро нажал вызов абонента. Пусто. Ребята умелые.

Он попробовал сообщить о послании Кириллу. Тот по-прежнему не отвечал.

Слово «близкие» употреблено во множественном числе. Отсюда вывод: похитители Алены и Павлика — одни и те же. Другие версии сбрасывать со счетов тоже не стоит, но этот вариант теперь будет основным.

Мысли о противнике бродили самые нелестные, в том числе и его будущем. На зоне за похищение ребенка урки любого в женский род переведут и под шконку спустят. За похищение женщины тоже могут. У всех на воле остались жены, сестры, матери. И дети. Опустят — это минимум. Бывают исключения, но только для своих, блатных, тем все дороги открыты.

Стоп. Они сказали — неприятности?

Перед глазами картинка: летящий в него неуправляемый снаряд баварского производства.

Что будет дальше?

- - - -

Волнующие колебания несут пузатый спиртоналивной танкер и стремительную лодочку по морю паркета. С каждым движением привыкшая к мундиру массивная стена все ближе придвигается к партнерше. Стена скрипит, стонет, но движется — непреодолимо, сминая сопротивление и не оставляя пути для бегства. Полковник привык побеждать. Вот тугая мякоть вминается в него, опалая предвкушением...

Сыч произвольно сглатывает, наблюдая, как прижатая Жанна растекается по чужому костюму.

Паршивка. Никто ведь не знает ее истинной сущности. С каждым она разная. Если бы и нужное он время не понял, что важны ей не столько деньги, сколько небывалые разнообразные приключения...

Сыч ловит взгляд Жанны. Косясь на обнимающую тушку, девушка многозначительно кривится, во взгляде — презрение и едва ли не брезгливость. Ясно, эта затея обойдется Сычу чуть дороже, чем предполагал.

Денег не жалко. Это жалкие гроши по сравнению с теми, что на кону.

С последними тактами умершей мелодии девушка отлипает от раскрасневшегося партнера и быстрым движением оправляет платье.

— Простите, покину ненадолго ваше приятное общество.

Стрельнув глазками, она подхватывает сумочку и направляется в туалет.

Полковник взвинчен.

— Я правильно понял? — Он не отводит взгляда от переката удаляющихся полушарий.

Ухмылка Сыча полна снисходительного сарказма.

— Ставку подтверждаю. Насчет твоей — согласен?

Отвернутая в сторону туалета полковничья голова ожесточенно кивает.

— Начнем? — Сыч подходит к стоящему посередине суконному столу и берет кий.

Полковник довольно урчит что-то невразумительное, несущее не столько смысл, сколько эмоции. Исключительно положительные.

Игра началась.

Тишина. Нервы. Периодический стук. Радостный вскрик или стон, перерастающий в ожесточенный мат.

Когда к ним вновь присоединяется чувственная красавица, результат партии уже очевиден. Но не для посторонних.

— Кто ведет? — произносит соблазнительный ротик почти беспечно. Очаровательные глазки одинаково любезно глядят на обоих игроков.

Они переглядываются. Оба молчат.

Жанна словно бы не подозревает о подоплеке.

Вот это выдержка. Сыч горд. Наклонившись, он производит завершающий удар.

— Налей там себе чего-нибудь, — кидает девушке в сторону накрытого стола. — Нам поговорить нужно.

Полковник жалок, но не сломлен. Проиграл. И что? Не в первый раз, не в последний. Еще отыграется.

— Слушаю. — Отведя его к окну, Сыч ждет.

Слышится виноватое признание:

— «Риэлтинг» действительно заказали. Кому-то эта фирма потребовалась на блюдечке. Целиком, с потрохами. Руководство, материальные ресурсы, клиентура, бухгалтерская документация... Нужно было все отобрать, но законно.

— Почему же...

— У Горского тоже есть связи, поэтому задачу переформулировали. Постановили придаться и закрыть. Что и было сделано.

У Сыча из кармана доносится звонок. Он смотрит на экран и прерывает собеседника:

— Прости, это тоже важно. — В телефон: — Что?

Один из сотрудников докладывает:

— Нашли машины Горского. Обе. В реке, в разных местах. От последней след лыж ведет

к остановке. Совсем свежий.

— Остановка с какой стороны?

— Если смотреть от нас — с левой. — До собеседника доходит смысл вопроса. Человек, которого ищут, вернулся назад. Звонящий сотрудник мгновенно ориентируется в ситуации: — Опросить водителей междугородних автобусов и маршруток, которые следовали в город? Кого успеем — остановить, проверить?

— Как минимум, — холодно советует Сыч и отключается. Внимание возвращается к полковнику: — Ну?

— Собственно, все.

— Но кто сделал заказ?

— Неизвестно.

Сыч взбешен:

— Какого же черта вы, как зайчики, сложили лапки и попрыгали по неизвестно чьей указке?!

— Постой, не кипишуй. — Следует успокаивающий жест, похожий на жест отчаяния. — У него деньги...

— У многих деньги, — перебивает Сыч. — У меня тоже.

— ...и компромат.

Вот оно что.

— Ладно, — говорит Сыч, — понял. Спасибо. — Глядя на испуганно бегающие глазки собеседника, добавляет: — Будем считать, что этого разговора не было.

Он задумывается. У неизвестного компромат на известных в городе людей. Но вместо того, чтобы искать и башку на кол насадить, эти господа втихую исполняют его требования. Чего боятся? Кого?

— Еще вопрос.

— Я сказал все, что знал. Сегодняшняя сделка закрыта.

— Не все, и не закрыта. — Сыч непреклонен. — Скажи еще кое-что, оно касается нас обоих, и я сделаю тебе маленький сюрприз.

Не ради сюрприза, а потому что Сыч с живого не слезет, полковник обреченно кивает. Впрочем, нельзя сказать, что сюрприз тоже не сыграл роль. Полковник любит сюрпризы, если они приятны.

— Почему не попросил меня разобраться с этой сволочью? — жестко осведомляется Сыч.

Полковник тяжело вздыхает:

— Жена. Не хочу, чтобы узнала.

Сыч неожиданно понимает:

— Гулянки твои всплыли?

— Мелочь, а неприятно, — морщится тот. — Рита и так зудит по поводу и без повода. И оттуда, — полковник закатывает глаза вверх, — давят, просят того же. Проще было согласиться. А про твои вложения никто не знал.

Теперь Сычу понятно все. Поймали карасей на удочку.

— Жанна, возвращаемся в офис, — бросает он в сторону стола.

Ритуально пожав вялую рыбу полковничьей ладони, Сыч направляется к выходу. Через несколько шагов он вдруг останавливается и оборачивается к послушно цокающей вслед за ним обаяшке:

— Жанночка, как считаешь, со скрипом, но честно исполнивший обязательства проигравший заслуживает утешительного приза?

— Ваш друг был так мил, Борис Борисович, — без раздумий и тени смущения сообщает девушка. Она разворачивается к покинутому всеми страдальцу. Продолжая очаровательно и бесконечно наивно улыбаться, она берет пальчиками за нижние кончики платья, и оно на краткий миг резко взмывает вверх.

Начальник находится позади, поэтому одного только полковника ослепляет вид выпуклого холмика, в ухоженность и красоту которого хозяйка должна была вложить немало времени и средств. Не видя, но помня о ее нелюбви к белью, Сыч усмехается.

Проказница. Впрочем, пусть старый хрыч порадуется. Человек нужный, не сегодня-завтра опять пригодится.

- - — -

Противник не отвечает. Стоны перемежаются затяжным кашлем.

— Санек, он больной, — первым понимает происходящее водитель.

— Точняк.

Больной и не думает сопротивляться, он лежит, скрючившись, его бьет озноб. Санька вытряхивает его из пуховика, сдирает шапку и выпихивает из машины на полном ходу:

— Будешь знать. Моя она!

Часть 4 Суббота, вечер

— Выжигалова нашли?

— Где-то здесь. Говорят, покурить вышел.

— Кто ему разрешил? Почему выпустили? Он знает, сколько времени прошло? Кто за него играть будет?!

— Ищем.

— Плохо ищите. Процесс стоит. Гад! Сценарист!

— Здесь.

— Не могу больше. Убирай роль Выжигалова.

— Как же?! Нельзя, столько отснято с учетом его персонажа... Может, найти кого-то другого?

— Где?! Не можешь убрать — своди к минимуму. Сделай так, что он вроде бы есть, но его как бы нет. Понял?

Сценарист жмет плечами.

— Постараюсь.

— Мотор!

Снежная масса, перемешанная с песком и солью, брызжет в стороны. Навевающий похоронные мысли необъятный черный «Тахо» на дороге смотрится как гроб среди овощных ящиков, он летит вперед подобно носорогу в саванне. Одним своим видом он заставляет посторониться всех, кто хочет жить долго и счастливо.

Внутри двое. Тот, что за рулем, указывает вперед:

— Смотри.

— Не слепой.

Сосед справа тоже видит, как из преследуемой «Лады» выкидывают человека. Видеорегистратор высокого разрешения фиксирует происходящее.

— За кем?

— Сказано — перехватить «Ладу».

Они проскакивают вслед за ней на красный сигнал светофора. Выехав левыми колесами далеко за утонувшую под снежным крошевом двойную сплошную линию, отчего встречный поток едва не уходит на тротуар, прижимают преследуемых к обочине и профессионально проводят захват.

Внутри двое парней. Один нетрезв и взвинчен, второй, хозяин «Лады», истерически хохочет, лежа разбитой мордой на капоте:

— Тоха против Тахо. Ноль один не в нашу пользу.

— Не в вашу, мать вашу, — любезно подтверждает мужчина в черном костюме, прикладывая его по затылку рукоятью пистолета.

Осмотрев и заперев «Ладу», преследователи грузят парней в свой огромный джип. На прохожих они не обращают внимания. Впрочем, глянув на мрачного стального мамонта и его номера, прохожие сами не стремятся проявлять излишнее любопытство.

— Сделано, — рапортует «костюм» в рацию. — Двое.

Через минуту, дав отбой, он кидает водителю:

— В офис и ждать.

- - - -

Говорят, что женщина, когда говорит «нет», просто хочет поговорить. Что тогда сказать об ответившей «да», но не дождавшейся результата?

На душе шторм. Рвет в клочья. Топит, затем выбрасывает на берег сломленной и бездыханной и снова смывает в ледяное безвременье. Поговорить хочется со страшной силой. Хоть с кем-нибудь. Выговориться, выплеснуться, успокоиться.

Кирилл не пришел. Что делать? Участия в Комиссии не видать, как ушей. Проехали. Хотя бы сохранить лицо.

Наплевать и уйти? Не просто. Отпустят, конечно, но сколько у них веселых записей с ее участием... Зачем только старалась и брала на себя больше, чем могла?

Лиза вздрагивает от звонка телефона. Неужели Кирилл? Ура, не все потеряно! Сейчас она скажет ему...

— Привет, подруга.

Не Кирилл. И судя по времени на часах, уже вряд ли. Забыть. Забыться. Отвлечься.

— Женя? — Лизе хочется плакать. А также выплакаться. — Как вовремя. Можешь приехать?

— Диктуй адрес.

- - - -

Адрес Елизаветы Крамер у Жанны на столе, но ведь собеседница этого не знает.

Брови изумленно ползут вверх: адрес другой.

— Скоро буду, — бросает она уже по пути к двери. Куй что надо пока горячо. Простое правило, а восемьдесят процентов успеха.

Улица. Мороз. Машина. Темень. Дом. Лифт. Дверь. «Заходи». Вешалка. Спальня. Лиза в одном прозрачном пеньюаре падает на красиво убранную постель и лупит по ней кулаками:

— Все мужики козлы!

— Некоторые — особенно, — поддерживает «Женя», размещаясь на краешке кровати. Направление понятно. И даже приятно. — Когда мне мой изменил, — начинает она, рисуя перед глазами физиономию Алекса, чтобы не отрываться от реальности и врать бесшабашней, — решила убить себя. Потом его. Потом пыталась все забыть, но не получилось. Правильно говорят: чтобы любимый человек не изменял, надо с ним вовремя разойтись.

— Не наш метод. — Лиза, оказывается, слушает, хотя по ней не скажешь. — Поймай его разок на попытке, устрой скандал — больше половины шансов, что станет шелковым.

— Если любит.

— Если не любит — зачем он тебе?

Жанна кивает. Железная логика.

— Вы, Лига, так и работаете, — говорит она, — ловя на попытках?

— Мы работаем по-разному. С посторонними козлами — на твое усмотрение, а когдаловишь муженька или кандидата в мужа из своих, ищем способ не довести до постели.

— Например? — требует «Женя».

Хочется скорее. Напрасно. Торопить женщину — как пытаться ускорить загрузку компьютера.

Вместо ответа Лиза поднимается, отправляется к сложенной одежде, там долго копается и вскоре возвращается с телефоном.

— Смотри, — говорит она новой подруге и показывает на экран, — это я привязала парня к постели ремнями. Но это плохой вариант, не все ведутся.

Кадр шикарен: бледная распятая жертва напоминает холмистую пустыню с одиноким непослушным деревом. Жертва тщится спрятаться от появившейся разъяренной супружницы.

— Далее — в примерочной, — продолжается экскурс в былое при смене кадра. — Когда разделся, я выскочила со всем его барахлом.

— А ты разве не тоже?..

Лиза озорно фыркает:

— Конечно, тоже, иначе бы как? Скажи... — ее голос вдруг обращается в камень, — ты смогла бы раздеться... прилюдно?

— Это испытание? — понимает Жанна.

— Считай, что да.

— Где? — Жанна встает.

Лизу ответ устраивает.

— А пробежаться голой, как я в том супермаркете?

Кажется, пришло время действовать. Одежда — на пол. Быстро. Вся. (А ее, после того, как Жанна вновь переделалась после «работы» с полковником, уже немало). Ноги — в шлепанцы. Несколько быстрых шагов к двери. Ручку против часовой стрелки и вперед. Наружу. Шлеп-шлеп по бетону лестничной площадки.

— Вернись! Простудишься!

- - - -

Лиза впечатлена. Начав говорить от имени сообщества, она забывает недавние невзгоды. У нее вдруг снова появляется Дело. Цель Лиги не только в тупой и грубой мести. Мессианство — тоже одна из главных задач.

— Такие нам нужны. Тем более, именно такие. — Она цинично указывает на выпуклые чудеса влетающей обратно новой подруги. Девушка сложена сказочно, даже зависть к ней пробивается. — Мы, вот такие, — повторяет Лиза жест на себе, — элита Лиги.

В этот момент она вспоминает про Кирилла. Сволочь. Гвоздь в гроб ее стремительной карьеры. Типичный козел. Она решает пожаловаться:

— Только по секрету.

— Само собой, — оживляется подруга. Из-за мурашек похожая на бритый кактус, она наслаждается вновь обретенным теплом, но за разговором следит и серьезность происходящего понимает. Во всяком случае, должна понимать. На блондинку из анекдота ничуть не походит, в глазах видны ум и хитрость. Вместе с красотой и полным невинной чистоты взглядом — небывалое приобретение для Лиги. Лиза усмехается: когда-нибудь они обязательно будут сидеть рядышком на тронах Чрезвычайной Комиссии. Но не скоро. Путь от новичка до белой маски далек.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

Для Лизы путь туда лежит через дело, о котором речь. Она запрыгивает на постель и приглашает новую подругу располагаться рядом — более удобного места в квартире нет.

— Мне нужно срочно найти и «обезвредить» этого типа.

На фото — Кирилл.

Лиза с интересом наблюдает за мимической игрой напарницы. Та глядит на снимок пустым взглядом, мысли явно далеки от нужного направления.

— Ничего не скажешь?

— Должна?

— Все-таки у тебя с ним... Или нет? — Лиза настороженно отстраняется. — Вы не знакомы?

- - - -

— Нет, — честно отвечает Жанна. — А должна?

Она все еще раздета, и чувствуя, как Лиза косится на нее — то завистливо, то со странной хитрой надеждой — с облачением обратно в сто зимних одежек решает не торопиться. В комнате тепло, партнерша в одной газовой накидочке и ничуть не стесняется своего вида. Жанна тем более не привыкла стесняться. Тело — оружие. Сейчас производится смотр боевых частей, оценка возможностей и выявление недочетов. А еще это как парад перед битвой.

Битва полов — единственное, что происходит на свете, остальное — следствия. В животном мире самцы бравируют перед соперниками красотой и статью, чтобы привлечь самок. Человек от природы отошел, и теперь человеческие самки борются за внимание оплодотворителей. С точки зрения природы — глупость. Но если подумать...

Прежде, чем самцы начнут выяснять между собой, кто самый крутой и, соответственно, более достоин сеять свою ДНК, их нужно как-то привлечь. Получается, женщине, вопреки логике животного мира, природа дала именно то, что необходимо. Осталось суметь этим воспользоваться.

— Странно. — Лиза смотрит на нее с подозрением. — Это он передавал пакет для тебя.

— Он? — Изумление выглядит донельзя искренним, поскольку таковым является.

Лиза удивляется:

— Я думала...

— Что это мой новый? Нет. — Жанна делает в уме пометку разобраться с Алексом на эту тему. — В отношении пакета я обычный посредник. Сторонний курьер.

— Кому был пакет?

— Попросили на работе.

— Где работаешь?

— Секретарем в одной конторе.

— Кто просил?

— Неизвестный клиент. — Врать, так врать. Иначе заложит всю небезызвестную каждому надзаконную фирму. А лучше перейти в наступление. — Говоришь, нужно его найти?

Она вновь разглядывает фотографию. Лицо на ней опознано в первую же секунду, это коммерческий директор «Риэлтинга» Матвеев, которого разыскивает Борис Борисович. Вот тебе и «невеста» номер два. Ложная информация.

— И обезвредить. — Улыбка хозяйки кисла, как забытое вино.

Не замечая кипучей работы мозга, скользящего по грани провала, опершаяся на локоть Лиза смотрит на снимок симпатичного парня, как бомж на жирного голубя.

— Где он сейчас? — вкидывает Жанна пробный шар.

— Если бы.

— Что известно?

— Обещал прийти сюда, — нежные пальчики хозяйки обводят дугой кровать. В глазах безнадега.

— Плохо дело, — итожит Жанна, присаживаясь рядом, плечом к плечу. — Где его среди ночи разыщешь...

— А если... — Лиза смотрит на часы, в глазах проблеск надежды (вдруг форс-мажор миновал?!). — Если придет... ты поможешь?

— Я? — Делать вид, что раздумываешь, нетрудно.

- - - - -

Связаться с Кириллом не удалось. Номер умер. Либо теперь приятель объявится сам, либо совершит ошибку, и они встретятся в офисе.

Алекс вновь вызвонил недовольного Агеенко, а по дороге к нему подхватил Леонида. Повторная беседа обещает быть нервной.

Напарника он взял для внушительности. Один — хорошо, а два — уже банда. Хотя имени Сыча в разговоре было бы достаточно.

Подъехали. Агеенко уже ждет. Алекс выворачивает картину произошедшего неожиданным для напарника образом и высвечивает с нужного сейчас ракурса, чтобы посылней зацепить слушателя:

— Исчезли четыре человека: ваша бывшая супруга — Алена Агеенко, ее любовник Владимир Горский, ее жених Кирилл Матвеев и малолетний сын Матвеева.

Агеенко внимателен и молчалив. Смотрит выжидающе: к чему, мол?

Алекс режет в глаза неприятную правду:

— Догадайтесь, кто главный подозреваемый. Теперь вы скажете нам, где были вчера вечером?

Агеенко непреклонен:

— Не скажу. Не имею права.

— Нравится перспектива допроса другой степени? — вмешивается Леонид. — Мы не полиция.

— Догадываюсь. — Допрашиваемый не дурак. — Но тайна не моя.

— Женщина?

— Несвободная.

Алекс проходит вперед, берет со стола хвостатый стационарный телефон и протягивает мужчине:

— Позвоните ей. Объясните, что можете стать намного более несвободным.

Поиграв скулами, Агеенко набирает цифры из блокнота.

— Снежана?

Алекс давит на кнопку громкой связи, и женский голос возникает прямо в воздухе:

— Кто?

— Толик.

— Какой?

— Вчера вечером.

— А, ты... Говорила же не звонить.

— Ты обещала копию записи.

— Не получилось. Карта памяти оказалась переполненной. Прости.

Анатолий смачно выматерился под нос.

— Не звони больше. — Голос в трубке надменен и очень недоволен. — Если что — у меня твой номер остался.

— Снежана... — быстро вставляет Агеенко, пока собеседница не отключилась. — У меня проблемы.

Оттуда — сразу и безоговорочно:

— Не я. Здорова и слежу.

— Не о том, — морщится Агеенко, — хуже. Меня подозревают в похищении людей.

— Серьезно? — непонятно, заинтересовало сообщение женщину или напрягло.

— Прошу, поговори с людьми.

Понимает ли собеседница, что иначе ему крышка? Кажется, поняла.

— Пусть подъезжают к круглосуточному, через двадцать минут буду там. Ко мне — ни в коем случае. И ты не приезжай. Дай номер машины тех, кто приедет.

Алекс диктует. Выслушав, неведомая Снежана отключается.

Агеенко разводит руками:

— Крута. Муж — известный меценат. Раньше был бандитом, теперь замаливает.

Алекс с Леонидом ловят взгляды друг друга:

— Ковальский?

Алексу словно в зуб всверлились в режиме перфоратора. Он кривится, но не издает ни звука.

Полное имя Жанны — Ковальская Жанна Альфредовна, а ее маму зовут Снежаной. В городе, который никаким местом не мегаполис, совпадения можно исключить.

— Я слышал, раньше он был ученым, — задумчиво произносит Леонид.

— В девяностые одно другому не мешало.

О Ковальском можно говорить долго, это известная в городе личность, и чтобы не увязнуть, Алекс возвращает разговор к злободневному:

— Где этот ваш круглосуточный?

-- --

Суббота, вечер, 2

— Мужчины бывают верные или честные, — говорит Жанна. — Куда отнесешь Кирилла?

Они лежат рядышком на кровати и разрабатывают план соблазнения. Важна каждая мелочь.

— По-моему, он больной на голову, — неопределенно отмахивается Лиза. — Или на головку. Короче, верный и честный, бессовестно и беспросветно.

— М-да... — зависает Жанна. — Бывает, но редко. Угораздило нас.

Уже «нас». Лиза явно в восторге от появившейся компаньонки.

— Вон камера, — указывает она подбородком на шкаф.

Спрятано так надежно, что Жанна не видит.

— Значит, цель — запись шашней нашего стойкого солдатика с любой посторонней дамой?

— Так.

— Или с двумя?

Лиза не возражает. По лицу видно: ей неважно «как», лишь бы получилось. Последний шанс.

Жанна с удовольствием оглядывает себя и напарницу. У обеих позы, фигуры, лица, прически, взгляд и умением всем этим пользоваться в нужных целях — на высшем уровне. Они лежат плечом к плечу, ножки игриво загнуты, настенное зеркало, перед которым на тумбочке стоит ваза с цветком, отображает сногшибательный для мужского глаза вид. Окажись Кирилл в квартире сейчас...

Ну, оказался бы. И что? Дело не в виде, пусть от него у большинства мужиков слюнки текут, дело в человеке. Подход можно найти к каждому, но ключики следует подбирать разные. Если Матвеев такой, каким его описала Лиза...

— Чтобы клюнул, нужна хорошая наживка. — Жанна начинает издали.

Лиза обижается:

— Я была плохая?

Дружеская улыбка в ответ:

— Замечательная. Аппетитная, чувственная, соблазнительная... Но соблазнительная слишком откровенно. Это неправильно. Честных ловят не на лакомого опарыша, а на червя, который грызет изнутри. Наша рыбка сама должна сделать первый шаг, иначе никак. Теперь нас двое. Это надо правильно обыграть. Скажем, я заскочила в гости. Типа, я — твоя соседка, у которой случилось несчастье. К примеру, дверь захлопнулась. Или я — лучшая подруга, которую бросили и срочно требуется утешить. Или... — она смеется, — твоя любовница.

— Правильно! Двойной удар по мужским инстинктам!

— Как это обставить, чтобы сработало?

Лиза бесцеремонна:

— А если сделать просто: входит такой он — а тут такие мы. — Следует взгляд на кровать.

Жанна морщится:

— Он не маньяк. Извинится, что помешал, и уйдет. Сначала нужно втянуть

эмоционально. Вместе с ним поужинать и попутно во что-нибудь сыграть.

— Например?

— Классическое — в «бутылочку». Или в карты на раздевание. Невинные поцелуйчики в первом случае и постепенное веселое разоблачение во втором не отпугнут даже верного женатика. Нам для начала хватит и этого.

— Для начала? — Только что появившееся сомнение Лизы сменяется настороженным удивлением. — Хватит?

— Чтобы крючок заглотил, ага? — Жанну понесло. — Врезав несчастному по губам и глазам, бьем по рукам и мыслям. Надеваем ему повязку и приступаем к «угадайкам». «Угадай, кто дотронулся», «угадай, до чего дотронулся», «угадай, до чьей дотронулся»... Черт. С нервными влюбленными надо проще. Лучше сначала вяжем глаза мне: «Угадаю, кто такой несмелый». «Угадаю, кто такой смелый». «Угадаю, какой части твоего тела касается мой язычок»...

Лиза задумывается.

— Может, лучше начать с фантов?

— Тоже вариант. Например: «Я очень крепко сплю, разбуди меня нежно»... «Побудь моей лошадкой — прокати на себе»... «Намажься шоколадом где хочешь — я слижу»... «Сними с себя что-нибудь»... «Сними с меня все»...

Лиза кривит губы:

— Не испугается прямого намека?

— Тогда так: «Сними с меня зубами...»

Обе хихикают, представляя веселые картинки.

За прошедшее время отношения из приятельских переросли не в просто дружеские или партнерские, а в общнические. Это состояние называется «спелись». Вдвоем они порвут всех, пусть только сунутся. Жаль, что сунуться может только один, да и тот неправильный, не вяжущийся с употребленным глаголом. Ничего, и не таким рога обламывали и вновь наставляли. Жанну захватил азарт. Она хочет в бой. Для Лизы соблазнение Матвеева — необходимость, ей поставили задачу, а для Жанны это теперь испытание собственных сил. Ну, не бывает непробиваемых мужчин, даже у Ахиллеса нашлась уязвимая пятка. А Ахиллес надо напомнить, был полубогом, Матвееву до него далеко.

— А может — в твистер? — загорается Жанна. — Детская игра такая, на полу переплетаться.

— Он кашляет, — вспоминает Лиза. — Напольное отменяется.

— Кашляет?! В ванну его, однозначно!

— Примерно так я и предполагала.

— Упасть, и чтобы попрыгал вокруг, помогая и одновременно искушаясь? Типа, кто же устоит?

Лиза в тревоге кивает.

— Банально и очень хрупко. — Жанна чувствует себя выше напарницы в таких делах, хоть и моложе ее. — Если он такой, как ты говоришь, то осторожно перенесет в постель, при этом постарается не дотронуться до самого соблазнительного во избежание быть неправильно понятым. Затем, терзаясь виной за глупые мысли, когда у ближнего горе, укутает как дитя и вызовет врача.

Проследив логическую цепочку, Лиза вынужденно соглашается. Плохая идея. Не для верных и честных.

Жанна спохватывается:

— Мы не о том говорим. — Она вскакивает на постели и остается сидеть на коленях — в вертикальной позе и думается лучше, и действовать, если понадобится, намного проще. Голос напряжен: — Сначала определим порядок действий и сроки. Когда должен прийти твой «объект»?

Лиза вздыхает так, что кровать шатается.

— Не должен, а может. В любую минуту. Все сроки вышли, но у него могло что-то случиться, и я надеюсь...

— Тогда мы теряем время, — перебивает Жанна. — У нас нет плана на случай аврала. Если раздастся звонок в дверь, как ты меня представишь?

— Чем проще объяснение, тем лучше. Подруга пришла поплакаться. Твой дом далеко, я оставила тебя ночевать.

— И поэтому ты в одном пеньюаре, а на мне даже его нет? Что подумает о нас мужчина «верный и честный, бессовестно и беспросветно»?

Жанна спрыгивает на пол, руки хватают с пола нижнюю часть интимного туалета.

— И тебе советую, — говорит она, натягивая на бедра ажурные ниточки. — Хотя бы низ, а лучше полностью. Шоколадная конфета без красивого фантика — просто что-то коричневое. Большинство мужиков клюет на вкус, но некоторым важен вид. Мы должны вызывать у нашего клиента желание с нас что-то снять, а не наоборот. Он особенный, значит, и отношение к нему должно быть особенное.

— Тогда в отношении твоих бутылочек, карт, фантов и прочих твистеров... — задумчиво тянет Лиза. Она тоже встает и идет одеваться. В одной руке висят трусики, в другой — бюстик. Мысли далеко. — Не факт, что ему вообще захочется играть в какие-то игры.

— Надо, чтобы он не понял, что это игра.

Лиза недоуменно молчит. Жанна объясняет:

— Перечислю роли, которые я могу сыграть, чтобы заставить его проявить милосердие.

— При чем здесь?..

— Подобное лечат подобным. Он должен сделать нужное нам из сострадания и человеческого участия.

— Как-как? — хмыкает Лиза.

Чувствуется, как ей не хочется снимать пеньюар — обычно стопроцентно срабатывавший аксессуар. У Жанны есть похожий, но его место — в шкафу, вместе с другими искусственными помощниками. До них дело обычно не доходит. Надеяться нужно только на себя, а если для результата требуются помощники — дело швах.

Пеньюар, наконец, падает к ногам, Лиза некоторое время вертится перед зеркалом и влезает в тонюсенькую нитяную конструкцию. Назвать эти ярко-красные полосочки одеждой — обидеть хорошее слово. Ну, спасибо, не леопардовые. Красный цвет — это агрессия, Выпирающие формы — навязчивость. Сейчас подошло бы что-то более закрытое и нейтральное, лучше серое. Или черное, которое на все случаи жизни. Как у Жанны. Правда, сейчас у нее белье тоже узкое, но никто не знал, куда закинет судьба, и что потребуется продемонстрировать, а что скрывать. Неужели Лиза при своей красоте не понимает, что иногда красота должна быть вторична?

Не понимает. Та же красота тому виной. Окружающие так часто превозносили, что мнение некоторых принимается за единственную и непогрешимую истину. Женщина,

которую хотят многие, должна помнить, что всегда найдутся и те, кто не хочет. Таких берут другими средствами.

Жанна кривится, но объяснять очевидное считает бессмысленным. Она продолжает:

— По легенде, я — твоя подруга с неудавшейся судьбой. Я пережила изнасилование и теперь боюсь мужчин. Боюсь их рук и ласк. Губ и тел. Ты очень переживаешь за меня и мое будущее. Поможет твой приятель бедной девушке вернуться в норму?

— В принципе, шанс есть. — Лиза прикидывает, улыбаясь происходящему в фантазиях. — А другие варианты?

— Сбежала от мужа. Муж был сволочь, ничего кроме грубой классики не признавал, прелюдии ненавидел... А хочется любви и нежности.

— Первое было лучше.

— Тогда просто: я фригидна. Точнее, как бы думаю, что холодна, что ничего не чувствую и чувствовать не могу. Меня нужно пробудить от спячки, снять заклятье, развеять черные чары. Чем не повод помочь бедняжке?

Лиза в восторге.

— Еще!

— Тираны-родичи выдают за гнусного старикана в надежде на его деньги. А я берегла честь для прекрасного принца, не хочу отдавать ее озабоченному мерзавцу, у которого одна нога уже в могиле. И как бы жажду успеть подарить самое дорогое последнему хорошему человеку, которого встречу до ненавистной свадьбы. То есть именно сейчас и ему. Завтра будет поздно. Он же не Павка Корчагин, не откажет в последней просьбе несчастной красавице.

— «Отдать честь» сможешь достоверно? Впрочем... — Лиза понимает: изображать что-то или оправдываться будет не нужно. Дело будет сделано.

— Еще вариант: люблю женщин, а мужской любви не знала. Или знала, но столь плоско и бездарно... Потому и полюбила женщин. Необходима приятная помощь в возвращении в лоно нормальных и правильно любимых.

— Неплохо. — Лиза задумчиво примеривает ситуацию к конкретному несокрушимому объекту.

— Еще можно сказать, — продолжает Жанна уже не столь твердо, — что боюсь разочаровать намечающегося мужа. Жениха. Что тот ждет от меня праздничного торта, а я кроме пресной овсянки ничего не умею.

Лиза отрицательно машет головой:

— Если Кирилл на минуту выйдет из роли благородного рыцаря и отождествит себя с этим женихом, чья невеста ищет учителей на стороне...

— Согласна.

Некоторое время они сидят молча. Хороших новых мыслей нет. За плохие самим стыдно.

— Остановимся на первом варианте, — бросает Лиза, — с как бы произошедшим насилием. Забьешься в угол, будешь смотреть волком. Можешь кидаться на стены, рвать на себе волосы и одежду. Наше с ним дело — успокаивать, теплым сочувствием и лаской стараться уложить в постель и вылечить. Вернуть к жизни. Если он будет меня стесняться, уйду под каким-нибудь предлогом.

Они одновременно смотрят на часы.

Жанна вспоминает, предыдущую тему:

— А еще я хочу попробовать себя в свободном полете. Можешь дать мне самостоятельное задание?

— Думаешь, готова? Не хочешь сначала обкатать совместно, посмотреть, как делается?

На лице Жанны — несокрушимая твердость. За кого ее принимают? За воспитанницу института благородных девиц?

— Ну, раз уверена... — Лиза не собирается разубеждать. Она долго копается в меню телефона и, наконец, выбирает два фото. — Вот объекты на сегодняшний день, выбирай, кто больше нравится. Оба срочные, и Лига отблагодарит ту, кто справится с любым из них первой. Полной информации я тебе дать не имею права, где их найти — подскажу. — Она что-то вспоминает и усмехается. — В свое время я начинала с самого красивого и пожалела. Только себя любят. Но я не настаиваю. Выбери которого не жалко.

Сказать «шок» — ничего не сказать. Убивают оба снимка. Кандидат в «главные» — папа Жанны. В «особых» — Алекс. В отношении последнего пометка: «Повторно. Черный уровень».

- - - -

Проклятые бандюки едва не поймали. Остановили автобус, смотрели прямо в глаза. Пронесло. Водитель с испугу не вспомнил, кого на какой остановке подсаживал. Народ, конечно, повозмущался самоуправством, но лишь потом, когда громилы отвалили и их черные дредноуты унеслись прочь.

Бандиты нынче уже не те. Лощеные, солидные, а лицензиями и разрешениями увешаны, как стол менеджера стикерами. И оснащены самой современной аппаратурой. Да, противник силен, но управа на него имеется. Враги сильны, когда вместе. Значит, самых въедливых нужно изымать из игры по одному. Что и делается.

Не утерпев, он достает телефон и вновь загружает вид с веб-камеры. В который раз любитесь, вздрагивая при встрече взглядом. Она, конечно, не подозревает, что кто-то на нее смотрит. Но вдруг чувствует?

Руки еще помнят прелестное тело, втянутое в подготовленный для акции автомобиль. Маска милого зайчишки под шапкой (волк или тигр отпугнут, а эта обескуражила и дала целую секунду форы), многократно отработанный командный голос, перчатки, — все прошло по высшему уровню. Хлороформ, обмякла, отъехал, укол, навесил номера, отправился в нужное место.

Теперь он может ей любоваться. Мог бы и больше... но не нужно. Рано. Он передал для нее книги о любви. Скоро добавит к этому видеопроигрыватель и всяческое кино про самую разную, но непременно настоящую искреннюю любовь. Пусть читает, пусть смотрит. Главное — не торопиться.

- - - -

Кирилл валяется в снегу, люди смотрят на него и отворачиваются. Делают вид, что не видят.

Видят и не отворачиваются лишь двое подростков лет тринадцати.

— Каков подарочек, — залихватски тянет первый. — А?

Второй соглашается:

— В самый раз.

Оглядевшись, они подходят. Кирилл держится руками за голову — единственная

возможность не дать ей, разламывающейся, заледенеть и перестать быть. Ноги еще не функционируют в качестве средств передвижения. Полет был краток, а приземление не удалось. Но если судить по целостности членов... Все отбито, но ничего не сломано. Можно считать огромной удачей.

— Ты кто? — падает из окружающего мира вопрос.

Кирилл отсутствует. Происходящее снаружи еще не воспринимается сознанием наравне с остальным. Примерно как у тех людей, что проходили мимо: он тоже смотрит, но не видит, слушает, но не слышит. Только они отгородились от реальности нарочно, потому что досаждают, а он всей душой хочет вернуться... но пока не может.

Двое подростков берут его под руки. Убедившись, что никому нет дела, а добыча не сопротивляется, они быстро волокут в сторону соседнего квартала.

— Передохнем.

— Не останавливайся. Менты.

Как в замедленном кино мимо проплывает полицейский «козлик». Наблюдаемая уличная сценка не настораживает полицейских — сыновья тащат домой пропойцу-отца. Вечная картина. Уже почти до подъезда дотащили. Из сил выбились. Даже помочь хочется.

Патрульная машина исчезает. Подростки переводят дух и меняют направление от ближайшего подъезда на вход в подвал.

Спуская едва передвигающее ноги тело, они чуть не роняют его на спускающейся вниз небольшой лестнице. Отдышавшись, один приветственно машет рукой в глазок видеодомофона, гудящего зуммером вызова, и перед ними отворяется последняя дверь — железная, помимо замка оснащенная мощным засовом.

Открывается зал, увешанный полотнищами с определенной символикой. Посреди подвала повязаны канаты. Вдали, где расположены тренажеры, разминаются несколько молодых людей в тяжелых шнурованных ботинках, черных футболках и камуфляжных штанах.

— Привет, парни, — раздается навстречу расплывшимся в улыбке подросткам. — Чего так счастливы? У кого-то горе?

Тоненькие ладошки поочередно утопают в лапище перехватившего на пороге огромного человека. На нем такая же униформа, но размерами и шириной плеч остальным до него, как до Австралии на поезде.

— Грушу принесли.

— Показывайте.

— Вот. — Они вытаскивают Кирилла на всеобщее обозрение и кладут на пол.

— Пьяный?

— Вроде нет.

— Со свалки, что ли? — Человек из подвала внимательно разглядывает остатки одежды Кирилла.

— Ты что? Его из машины выбросили.

— Жене надоел?

— Может, и надоел, — жмет плечами один из парнишек. — Подойдет?

— Ставьте на ринг. — Человек отсчитывает несколько купюр.

— — — —

— Почему именно эти? — Жанна очень старается остаться естественной.

— Знать не положено. Комиссия постановила. Нам ставят задачу, мы выполняем.

— Тебе даже не интересно?

— Почему же. — Лиза с удовольствием разглядывает на экране улыбающийся абрис Алекса. — Нельзя. Что-то может выплыть наружу, и те, кто нас прикрывает, помогать перестанут.

— Это страшно?

— Фатально. Меня давно бы живьем закопали, если бы не особые возможности Лиги.

— Не боишься, что однажды...

— Боюсь. — Признание дается Лизе больно. — Но оставлять этих козлов безнаказанными...

— Согласна, — быстро вставляет Жанна. — И хочу начать как можно скорее.

Лицо Лизы вдруг озаряется:

— Мы с тобой как будто забыли, для чего существует Лига. Напоминаю, ее полное название — «Лига обиженных женщин, ищущих справедливости». Начать нужно с твоего бывшего. Покажи его фотографию.

- - - - -

Друг, в он-лайне: «Как поживает наша "Лига Озверевших Женщин, Ищущих Секса"? Ждут завтрашнего дня? У меня все готово. Именно все, по всем пунктам плана — победоносная галочка».

Чарли: «Никто и не сомневался».

Друг: «Слишком сложная конструкция, планы внутри планов. Можно было разбить на отдельные составляющие».

Чарли: «Тебе так, конечно, проще, а мне надо, чтобы было наглядно и красиво. Чем круче сюжет, тем интереснее им заниматься».

Друг: «Одна из линий еще не состыкована с прочими. Другие варианты, конечно, неплохи, но данный был лучшим. Не перегнули палку с Матвеевым? Где теперь искать?»

Чарли: «Работаю».

Друг: «И посторонние в игру включились».

Чарли: «Выключим».

Друг: «Успеешь?»

Чарли: «А надо? Не гони лошадей. Получай удовольствие».

- - - - -

Алекс остается в машине. Во-первых, один на один женщине будет спокойнее. Во-вторых, сказываются личные обстоятельства. Ему совершенно не улыбается лезть под одеяло семьи Ковальских.

Леонида всасывает глубокое нутро подъехавшего дорогущего «Мерина».

— Назовитесь, — требует водительница, в упор разглядывая плюхнувшего рядом парня.

— Леон. — Он смущается. — Леонид.

— Этого мало. — Морщинки в уголках глаз выдают возраст. Где-то вокруг сорока,

причем неизвестно насколько это «вокруг» уходит вдаль и в какую сторону. В остальном — подтянута, божественно упакована, привлекательна. Больше того — соблазнительна. Какие-то флюиды...

Н-да, Леонид не упустил бы возможности познакомиться ближе. Вместо этого:

— От Сыча.

Теперь ответ устраивает.

— Для Толика в самом деле все так серьезно? — раздается новый вопрос. Дама привыкла спрашивать, а не отвечать.

— Очень.

— Ладно.

Пауза.

Леонида прорывает:

— Конфиденциальность гаран...

Его останавливает усталый взмах ладони:

— Это понятно. Толик — случайный знакомый. Было такое настроение... — Взгляд женщины с интересом останавливается на соседе по замкнутому миру салона, словно только что увидел. Ползет по штанам.

Леонида бросает в дрожь. И в краску.

Дама с доброй усмешкой объявляет:

— В общем, подтверждаю, что весь вечер он провел со мной.

Какое-никакое, а алиби. Дело сделано. Леонид вышколено кивает и собирается прощаться. В ухе гневно шуршит микропередатчик, голосом Алекса требуя конкретики.

— Простите, — Леонид замирает и конфузливо опускает глаза, — Анатолий говорил про какую-то запись...

В ответ — смех:

— Да, я снимала на камеру. Иногда бывает любопытно пересмотреть что-то особенно запомнившееся. — Хитрый взгляд вновь нескромно буравит соседа, заставляя забыть о словах и перейти в измерение, где словам места нет. — Понимаешь?

— Думаю, да. Значит, эта запись не сохранилась? — Он помнит о переполненной карте памяти.

Ему отвечает лукавая усмешка:

— Для Толика — нет, а вам, молодой человек, раз уж настолько близко принимаете к сердцу чужие проблемы...

С заднего сиденья вытаскивается ноутбук, и вниманию предлагается весьма откровенный ролик.

Комната. Скорее всего, отель. Затянутая в кожу дама в маске активно милуется с Анатолием Агеенко. Сомнений нет.

Леониду, пятнистому под прямой наводкой разглядывающей женщины, хочется быстрее прекратить моральное издевательство.

— Спасибо, — выталкивает он нетвердо, — вы нам очень помогли...

И снова злой шепот Алекса оставляет его на месте. «Когда это было, точное время? Где именно? Кто подтвердит?»

Леонид согласен, демонстрируемое алиби весьма условно. Нужны свидетели. Запись можно было сделать в любое время.

— Я думала, вы более любопытны. — Дама с улыбкой тянется к кнопке остановки.

— Подождите, — просит Леонид. — Я не договорил. И на самом деле я очень любопытен.

У него складывается ощущение, что соседка не возражает против дальнейшего сотрудничества с ним и в других плоскостях. И это первый случай в жизни, когда он решает не пользоваться моментом. Если все срастется, не Леонид добавит в список побед новую строчку, а его добавят в некую коллекцию, и у сидящей напротив дамы окажется такая же запись с его участием — захочет он того или нет. К тому же, ее супруг — известная личность. Впервые будущее спокойствие перевешивает азарт нового приключения.

— Меня интересует все, — продолжает он, — каждая мелочь. Особенно детали, которые пролили бы свет...

Пока он говорит, барахтающиеся тела сметают с тумбочки все предметы, что попали под горячую руку и прочее, не менее горячее: лампу, которая с грохотом рушится на пол, телевизионный пульт, летящий под ноги, камеру...

Камера заваливается, кувыркается в падении и опрокидывается на бок. Под коленом женщины трещит пульт. От случайного сигнала вспыхивает экран оказавшегося в поле зрения настенного телевизора.

Оживают новости. Пятничные вечерние. В углу высвечивается время. Леонид вглядывается:

— Семнадцать... не вижу. Ага, семнадцать пятнадцать. А где это?

— Гостевой дом «Приют». Если решишь проверить, — дама томно переходит на ты, — веди себя предельно тактично. Ситуация приятная, но, как понимаешь, пикантная, а муж, знаешь ли...

— Постараюсь.

Леонид потряс головой. Алекс в ухе молчал.

- - - -

Жанна срочно ищет решение. Сейчас они с Лизой одеты так, будто спали, и разбудил внезапный звонок в дверь. Именно возможность этого звонка удерживает их вместе. Они сидят на кровати, смятое одеяло валяется в ногах (мол, спали же), обе — в нижнем белье. На открытой дверце шкафа висят приготовленные домашние халаты — их наденут, когда (то есть, если) Матвеев все же объявится. На его визит они еще надеются, но с каждой следующей минутой шансы тают.

Пока Жанна молчит, восседающая по центру кровати Лиза перечисляет:

— Давай все: адрес, телефон, приметы. Что любит, на что ведется, какие позы предпочитает.

— Позы? — вздрагивает Жанна. Мысли в лихорадке.

Давно она не попадала в подобные передраги. Обычно подставляла других.

Лиза перехватила инициативу. Она сидит со сложенными по-турецки ногами, пальцы барабанят по коленям, в глазах — огонь:

— Мстить хочешь как? По-полной?

— Конечно.

— Тогда и позы. — Лиза безжалостна. — Не женат?

— Не-ет... — тянет Жанна. Руки бессмысленно тычут в кнопки смартфона.

Алекс теперь, само собой, отменяется, но показать кого-то необходимо. Сейчас же. Лиза ждет. Сослаться, что случайно стерла — половина доверия под хвост. Впрочем, можно

сказать, что стерла намеренно, когда решила с ним порвать. Но тогда потребуют найти его в сети. Выдать первую же попавшуюся на глаза кандидатуру? Несерьезно.

Жанна вдруг успокаивается — нужное найдено.

— Вот, — пальцы увеличивают лицо на весь экран. — Подонок.

— Имя?

— Леонид.

Лиза смотрит в двухмерные плутовские глаза вечного холостяка, друга и соратника Алекса.

— Слишком смазлив, — произносит она со знанием дела. — Такого даже ты не удержишь.

— Хочу не возвращать, а мстить. И мстить жестоко. — Сталь. Лед и пламя. Жанна вошла в роль.

— Статья «тяжкие физические»?

Жанна отрицательно машет головой:

— Не физически. Морально.

— Чтобы проучить — например, выставить на весь свет безнадежным идиотом... или чтобы на всю жизнь запомнил?

— На всю!

Хватит, испортил девичьих нервов наш красавчик. Пусть лично Жанну обходил и обходит стороной (еще бы, фаворитка босса), но вокруг только треск стоит. За всех женщин России — подлецу Леониду привет от новоявленной мстительницы. А нечего. Сам виноват.

Совмещая чужие истории, воображение и некоторые факты, поведенные тремя девушками фирмы, которые не избежали разового внимания Леонида, Жанна выплескивает море информации. Телефоны и адреса сотрудников у нее забиты в контактах, это тоже не проблема. Фото, по случаю сделанное в офисе, оказалось весьма кстати.

— Прекрасно. — Лиза довольна. — С этим я разберусь. Составлю сценарий, отошлю на утверждение Комиссии.

— Это... обязательно?

— Для моей безопасности. — Довод Лизы неоспорим. — После одобрения возьму его тепленьким и представлю запись, после которой ад ему покажется раем.

— А мне что делать?

— С сегодняшнего дня ты кандидат на испытательном сроке. Беру в члены Лиги под личное поручительство. Не подведи. — Лиза глядит на нее серьезно. — Выполнишь несколько разноплановых заданий — станешь полноправным участником. Тогда тоже сможешь пойти на Бал.

— Собираетесь у кого-то дома?

— С ума сошла? — Лиза мотает головой. — Никогда. Инкогнито участниц соблюдается неукоснительно.

— Не в ресторане же?

— За большие деньги снимают огромный особняк. Расходы ничего не значат для такого события. — Лиза улыбается. — Ты даже представить не можешь, что такое наш Бал.

— Расскажешь?

— Уже и так много рассказала. Увидишь. В следующем году.

«В следующем»? Так далеко Жанна не заглядывает. Она указывает на поразившие фото:

— А одним из этих можно заняться сразу, чтобы время не терять?

— Выбрала кого-то?

— Немолодого из «главной» темы. Интересно, за что его?

— Скорее всего, жена заказала. В «главной» таких большинство.

Комок в горле. Жанна едва выталкивает следующий вопрос:

— А тех, «особых»?

— Повторяю: это не нашего ума дело. — Лиза в который раз косится на часы, затем страдальчески морщит лобик: — Все. Не придет. Надо домой.

— Домой? — У Жанны вид, что удивлена.

— Здесь — пристанище для беглых и гнездышко для ищущих покоя. Дом у меня в другом месте. — Лиза мечтательно вздыхает. — Так хочется рассказать тебе про всю несусветную мощь завтрашнего дня... но запрещено. Перестраховщики хреновы. На месте Комиссии я открыла бы доступ вообще всем, кто захочет. Такой поток народу повалил бы...

- - - -

Папа. Почему?

Ответ получить легко. Сквозь тьму и мороз, захвативших мир и душу, Жанна гонит стальную ласточку за невозможной правдой к дому родителей. Лизу она высадила, как та сама попросила, за квартал от дома — в целях, ха-ха, конспирации. Что же, не доверяет — пусть поморозится.

Сейчас мысли улетели вперед. Лиза — далекое прошлое. До поры до времени — вычеркнуть и забыть.

Недалеко от последнего поворота Жанна тормозит на светофоре и вдруг замечает у круглосуточного магазина мамин «Мерседес». Выхлопную трубу окружает белое облачко. Значит, мама внутри. На ловца, как говорится, и зверь. Пора поговорить по душам. Она ждет зеленого сигнала, чтобы свернуть...

Правая дверца «Мерседеса» открывается, и оттуда выходит человек, очень похожий на Леонида.

Леонид?! Не может быть. Это все равно, что синагоги выйдет мулла в тюрбане. Мама — человек другого круга, она столько сил и времени потратила, чтобы никак не пересекаться со сферой, откуда берет начало достаток семьи...

Жанна вглядывается, но глаза не врут, это действительно Леонид. Он бежит по морозу, пыща паром, к временной машине Алекса, которая, как оказывается, стоит напротив. К двери пассажира. Дождавшийся его Алекс дает по газам, и они уносятся со стоянки.

Загорается зеленая стрелка, Жанна сворачивает к магазину.

— Мама? — говорит она, останавливаясь стекло к стеклу и опуская свое.

— Доча? Какими судьбами?

Уже в восемнадцать Жанне подарили квартиру и машину. Полыхнул ослепительный фейерверк начала собственной жизни. Его сменили будни — то счастливые, то не очень. Родители не вмешивались, лишь папа помог с работой, которую любимому чаду хотелось. С тех пор папа с мамой наслаждались не только материальным благополучием, но и абсолютной свободой. От всех и всего. Завязав с Сычом, папа стал известным благотворителем. Везде с мамой, всегда вместе. И вот тебе...

«Хлоп», — дверца. «Клац — фырк-фырк», — сигнализация. Не успев почувствовать холода, Жанна тонет в еще теплом после Леонида кресле.

— Зачем здесь Сычевы ребята? — накидывается она, словно это противоправно.

— Неважно. На тебе лица нет. Что-то случилось?

— Не у меня. — Тон Жанны жесток. — У вас.

— Объясни.

— У папы любовница?

Мама бледнеет:

— С чего ты?..

— Да или нет?

После краткого раздумья раздается:

— Нет.

— Врешь.

— Не вру. Он никого не любит, кроме меня.

— И не собирается уйти?!

В глазах мамы — покой и мудрость веков. Жанна остывает:

— Прости. Наверное, я поняла что-то не так.

— Наверное.

Мама утешительно поглаживает ее по голове, как в детстве.

— Тогда расскажи мне про Лигу, — выбрасывает Жанна последний козырь.

Как же хочется, чтоб у мамы нашлось, чем его покрыть...

В голосе мамы впервые прорезаются жесткие нотки:

— Кто тебе сказал про Лигу?

— Мне предложили участвовать. — Жанна не собирается что-то скрывать. — Для первой акции на выбор дали несколько объектов. Представь, каково мне было увидеть там...

Мама мрачнеет:

— Ты уже...

— Нет, ничего не делала. Сразу к тебе.

— Правильно. Потому что... это не то, что ты думаешь.

— Глупая отмазка, — передергивает плечиками Жанна. — Попахивает тупой комедией.

— И тем не менее.

— Но он тебе изменил, да? Я знаю, в объекты «главных» акций жены и подруги выставляют своих непутовых...

Жанна прикусывает язык. До крови, но даже не замечает этого. Сама сказала: «и подруги». Если какая-то папина знакомая решила таким образом ему отомстить... Маме бы потом сообщили...

Черт!

Добившись своего — отпустят, она это понимает. Но... когда и чего?

К ней приходит женщина. Кто? Никогда не отвечает на вопросы. Чего хочет? Если выкупа — сколько, и как Кирилл соберет его? Скоро ли? Дело наверняка в этом. И уже решается там, в большом мире.

А если не выкупа... Тогда чего?

Лучше думать про выкуп.

Снаружи лютая зима, а здесь тропическое лето. Жара просто невыносима. Воздух от дыхания постепенно превращается в пар, он мокрый настолько, что скоро его можно будет носить в ведрах. На стенах влага собирается в капли и стекает неровными струйками. Кожа выглядит так же — влажная и неприятная. Стоит провести пальцами, и на них остаются катышки из грязи. Хорошо, что нет зеркала. Алена его сразу разбила бы.

Люк. Свет. Алена запрыгивает с ногами на тюфяк, подтягивает колени к груди и прикрывается мятой тряпкой, в прежние времена носившей гордое название халата. Сейчас это всего лишь ширма для крайних случаев, больше ни на что не годится.

— Можно поменять ведро? — обращается Алена к яркому прямоугольнику в потолке. — И принести еще воды? А еще — убавить мощность обогревателя.

Грязные слипшиеся волосы прилипли к щеке. Она страшна в своем унижительном виде. Но это дает силу требовать.

— Эй вы, слышите?

Она вдруг напрягается: силуэт в люке ей незнаком. Это мужчина. На уши натянута вязаная шапка, глаза прячутся под большими черными очками, нижнюю часть лица вместе с носом закрывает платок, связанный концами на затылке. На руках — перчатки. Поверх одежды накинута длинное нечто вроде пончо. Очень удобно, чтобы скрыть телосложение: снизу может быть очень много всего. А может и нет.

До мужчины долетает запах. Он вздрагивает, быстро кивает и опускает раздвижную алюминиевую лестницу.

Алена вскакивает. Плевать на приличия. Она одевается под уставившимся сверху взором, затем одной рукой хватает ведро с помоями, второй придерживается за лестницу, и когда ноги достигают пятой перекладки, с трудом протягивает ведро вверх.

А не схватить ли похитителя за руку? Что будет, если вцепиться и дернуть вниз? Пусть не получится свалить... хотя это было бы идеально. Его — вниз, сама — вверх... И люк на задвижку.

Размечталась.

Во всяком случае, пока он будет отдирать ее от себя, можно будет сбить очки и посмотреть в глаза.

«Дура. Не вздумай!» Алена чуть не хлещет себя по щекам, чтобы не натворить глупостей. Каков шанс, что перед ней знакомый? Мизерный. А что будет, если она узнает в похитителе знакомого? Тогда ей точно отсюда не выйти. У того, кто решился на преступление, обратного пути нет. Такому проще замести следы, чем жить в постоянном страхе. Концы в воду — и преступления вроде бы не было.

А если она увидит лицо похитителя который ей неизвестен, с этого момента он станет известным, его можно опознать. Итог тот же: глупая смерть, сейчас невыгодная обеим

сторонам.

Алена двигается так, чтобы похититель понял: она все понимает и неприятностей не хочет. Вслед за первым ведром вверх отправляется второе, пустое.

Лестница исчезает, раздается смачный хлопок упавшего люка.

Руки сами собой приводят прическу в порядок. Хоть как-то. Потом оправляется халат, вызывающе темный на остриях груди. Алена борется с противоположными желаниями: выглядеть как можно лучше даже в такой безумной ситуации и не привлечь к себе внимание как к объекту насилия.

Люк открывается.

Лестница. Вслед — чистое пустое ведро с пластиковой крышкой.

— Спасибо, — говорит Алена.

Мужчина передает второе ведро, оно до краев наполнено чистой водой. Запястье Алены подгибается под тяжестью...

И она еще думала, что до этого была мокрая. Двенадцатилитровый душ обрушивается на голову и едва не сносит с лестницы.

Ладони протирают глаза, и Алена виновато смотрит вверх. «Давай ведро», — машет мужчина кистью в зимней перчатке.

Теперь халат и вовсе не халат. Перестав его даже придерживать (куда он денется, прилипший?), Алена спрыгивает в лужу за укатившейся емкостью и вновь протягивает вверх.

Видно, что ею любят. Мужчина этого не скрывает. Вернее, он делает вид, что просто наблюдает, но некие флюиды доносят правду.

Как ни странно, Алене это приятно. С нее течет, как с огородного пугала, волосы и кожа — грязные, запах — как от бомжа... а ей приятно.

Мужчина протягивает губку, и Алена собирает разлившуюся воду в помойное ведро. Наблюдение за ней в открытый люк продолжается.

Кстати, теперь, когда присматривает мужчина, одна из возможностей побега — через налаживание отношений с надсмотрщиком. Над этим можно подумать. Но не торопиться. Алена и так во власти похитителей, стоит ли усугублять положение? Мало, что взбредет ему...

Взбрело. Мужчина карябает фломастером по картонке, показывает:

«Хочешь прогуляться?»

Удивление, страх, сомнения — она не знает, на чем остановиться.

«Сходишь за водой сама» — появляется новое.

Вода! Это решает все. Ален героически кивает и поднимается вверх. Прохладный воздух заставляет зябко съежиться. С халата течет. Мужчина смотрит на восставшие соски. Пусть. Это не худшее, что может с ней произойти.

После узенькой клетушки глухое, не имеющее окон широкое помещение кажется огромным. По бокам горят две мощные лампы-переноски, нависает низкий потолок. В центре — ряды деревянных лавок, дальнюю часть занимает подобие эстрады, все доски свежие, пахнут лесом. Вот, оказывается, что здесь колотили.

Дверей — три. Массивная, из мореного дуба, и противоположная ей стальная закрыты, простенькая боковая приотворена. Помещение похоже на подвал большого дома или здания, из которого убрали все лишнее. Мысль насчет побега беспомощно уползает обратно в берлогу. Стальная и дубовая двери наверняка заперты, и если удастся справиться с надсмотрщиком, найти ключи и выбраться наружу — что там ждет? И чем грозит такое

поведение?

Алена — не боец. Сейчас к ней относятся хорошо, даже пошли навстречу при возникшей проблеме. А что будет при неудачной попытке побега? В том, что попытка будет именно неудачной, можно не сомневаться, для удачной нужно знать, что находится наверху кроме тридцатиградусного мороза.

Ей показывают в сторону двери, которая открыта. Там... рай! Подхватив ведра, пустое и полное, Алена с радостью бросается в санузел. Он переполнен всеми достижениями современности. Глаза разбегаются. Хочется схватиться сразу за все.

Хочется не только схватиться. Пока набирается вода, Алена косится на унитаз и биде. Мужчина понимает. Он делает два шага назад и исчезает из поля видимости. Но открытая наружу дверь...

Внизу на ведре все равно хуже.

А потом она без спросу залезла в душ. На звук божественной падающей воды заглядывает похититель, грозит пальцем.

Плевать.

Хмыкнув что-то невразумительное, мужчина остается внутри, но не требует прекратить сказочного слияния с чудом. Он просто стоит, подпирая косяк, и смотрит.

— А полотенцами здесь не пользуются? — нахально вопрошает Алена, когда мытье закончено, а халат постиран и напялен обратно, мокрый на мокрое.

Полотенец нет. Как и многого другого.

Мужчина молчит.

— Про обогреватель не забудете? — говорит Алена, переступая белый бортик.

Виден неопределенный кивок.

— А еще, пожалуйста, принесите одежду и полотенце. Еще зубную щетку и туалетные принадлежности. Буду очень признательна.

На ее губах — улыбка. В этот момент Алена почти счастлива.

Написанный ответ врезает по мозгам не хуже кувалды, что упала на прохожего из рук работяги со строящегося небоскреба:

«Уже не пригодится».

- - — -

Оставленный без поддержки, Кирилл падает. Корчится от кашля.

— Стоп, пацаны. — Размяв запястья, спортсмен делает быстрый шаг назад. — Он больной, что ли?

Не успевший слинять подросток угодливо пригибается:

— Фюр, он просто замерз.

— Потрогай ему лоб.

Парнишка трогает:

— Холодный.

— С мороза. Еще раз потрогай. Дольше.

— Горячий.

— А ну, вон его отсюда! — Громила, которого называли Фюром, машет рукой с вытатуированным орлом в сторону выхода. — У меня завтра важный бой, а вы мне гриппозную бациллу приперли! Уроды. И деньги не забудьте вернуть, только близко не подходите. На скамье оставьте. Головой в следующий раз думайте.

Кирилл снова волокут. Теперь вверх. С трудом, больно задевая за каждую из бетонных ступеней, прочь из оформленного в черных и красных тонах подвала и его грозного обитателя.

— Бросим здесь? — предлагает первый парнишка, едва они оказываются на улице. Второй отшатывается:

— Фюр выйдет и увидит. Потом убьет.

Тащат дальше.

— Сюда.

Кирилл сбрасывают в снег у гаражей.

Снова один. Снова лютый холод, почти такой же, как в сердце. Может, в нем — спасение?

Нет, спасение — в гараже неподалеку, откуда тянет дымком. Чудом поднявшись, Кирилл из последних сил передвигается туда.

Слышен стук, похожий на скрип.

— Чего надо? — доносится изнутри грубый окрик.

— Погреться. Немного.

Дверь поддается, и непроизвольно ввалившийся Кирилл падает.

— Пьян? — кривится пожилой мужчина.

Он ремонтирует потрепанную «Тойоту», в руках два гаечных ключа разного размера. Сейчас они выглядят угрожающе.

— Нет. Обокрали.

Мужчина понятиливо кивает:

— Бывает. Грейся. И вот что, — он достает из вороха промасленного тряпья кепку и ирезентовую куртку-спецовку, — держи. Замызгано, но это лучше, чем ничего.

Одежда летит к двери, где из последних сил пытается встать Кирилл. Он благодарен:

— Спасиб... — И снова заходится в кашле.

— У-у, приятель...

Кириллу не удается узнать, что хотел сказать добрый человек по поводу его состояния. В гараж влетают три невысоких фигуры в натянутых на лица шапках с прорезями для глаз:

— Ты же говорил, он один будет?

— Нас трое, справимся.

Град ударов обрушивается на Кирилла и владельца «Тойоты».

Когда все кончилось, тело себя не чувствует.

Хозяин гаража с кряхтением поднимается и оглядывает пустой, открытый настежь гараж.

— Да-а... — тянет он. — Починил.

Его взгляд падает на Кирилла:

— Эй, бедолага, пойдем, чаем, что ли, напою.

— У меня температура. Кажется, я заболел.

— Боишься заразиться? Не бойся. Пару стаканов — и все как рукой снимет.

Мужчина помогает Кириллу подняться.

— Заодно и засвидетельствуешь, когда приедут.

— К... кх-кх... кто приедет? Полиция? Нет. Мне нельзя.

— Чего нельзя?

— Полицию.

В него упирается недобрый прищур:

— Проблемы?

Кивок.

— Тогда дуй отсюда к чертовой матери. — Вытолкнув Кирилла на снег, мужчина закрывает гараж изнутри.

Ноги начинают вспоминать, как ходить. Трудно. Больно. Но нужно.

— Э-э, друг, закурить не найдется? — доносится из темноты голос.

Не опасный. Вежливый. Именно закурить, а не то, что обычно подразумевается под этой фразой ночью.

К Кириллу подходит припозднившийся прохожий. Он видит плачевное состояние Кирилла, разводящего руками в ответ на просьбу.

— Что случилось? — интересуется прохожий с участливым любопытством. — Помочь тебе добраться до дома? Ты где живешь?

Ответ он выслушать не успевает. Из уже известного Кириллу подвального помещения выходят натренировавшиеся Фюр с командой и видят разговаривающую парочку.

— Ты? Опять здесь? — взгляд Фюра направлен не на Кирилла. — Предупреждали же: еще раз увидим...

Собеседник Кирилла уже сверкает пятками. За ним несутся несколько спортивно сложенных теней, остальные накидываются на Кирилла.

— Вот тебе, ублюдок! — лупят его сразу несколько человек. Наверное, приняли за приятеля того, сбежавшего.

Не сразу раздается удивленный возглас:

— Это же больной, которого мальцы притаскивали...

— Черт. Уходим!

Еще удар, на прощание.

Топот. Тишина. Мороз.

- - - - -

Рука, глядящая ее волосы, стала еще нежнее:

— Глупая...

— Я пришла за ответами. — Жанна твердо глядит на мать. — И я не глупая.

— Ты ничего не знаешь о любви.

«Это я-то?» — ухмыляется в душе Жанна. Вслух:

— Ну так расскажи.

— Придется, — вздыхает мама и смотрит вдаль. Чувствуется, как ей трудно подбирать слова.

Жанна понимает, что происходит нечто небывалое. Сегодня — их первый разговор на эту тему. До сих пор ограничивались общими словами, намеками или, наоборот, многословными нудными нотациями. Нотации требовались, когда конфликт поколений набирал силу, а после того, как накал страстей спадал, тема уходила в тень.

Отношения в семье строились на доверии. Родители не лезли в жизнь Жанны, она старалась не слишком мешать им.

— Я знала, что однажды этот разговор состоится. Вернее, догадывалась. И всячески отодвигала его, надеялась, что пронесет, — мама прикусила губу, — думала, что все останется внутри, между мной и Альфредом.

Лицо у нее серьезное, выражение бесстрастное, но глубоко в глазах — боль. Или страх. Или что-то еще. Если б мама не сдерживала чувств, Жанна все поняла бы, а так приходилось вслушиваться и делать выводы из слов, которые сами по себе ничего не значат.

— У всех есть свои скелеты в шкафу, — продолжает мама. — Пока шкафы закрыты, со стороны семьи кажутся одинаковыми. Я много лет думала так же — читая книги, глядя фильмы о великой любви и просто наблюдая за жизнью своих родителей. Надеюсь, после того, как я все расскажу, ты простишь и поймешь. Точнее, наоборот — сначала поймешь, и тогда обязательно простишь. Твой папа... Ты знаешь, какую жизнь ему пришлось вести, когда старая советская система рухнула и оставила его без работы. Эта жизнь подразумевала определенное поведение с женщинами. Потребительское. Как у всех в его новом кругу. Потом мы поженились. Я заставила его уйти. Того, что у нас появилось за это время, хватит до конца жизни. Ушел он красиво, оставив всех себе должными.

— Семейные предания мне известны, — перебивает Жанна.

В интонации — жажда знать главное.

— Трудно заставить человека измениться. — Вздох. Любящий взгляд. Мольба о понимании. — Альфред любил меня, а хотеть продолжал всех.

— Для мужчин это нормально. — Жанна тоже могла бы поделиться опытом. — Но если выбрал одну, должен...

— Я ведь любила его, — просит понять мать. — Любовь — это не брать, а давать. Чтобы тебе было хорошо, когда хорошо любимому.

— Значит, нужно сделать так, чтобы ему было всегда хорошо с тобой, — не видит проблемы Жанна.

— В твоей формуле ошибка, — улыбается мать. — Она чересчур длинна.

Жанна искренне не понимает.

— «С тобой» — лишнее.

Объяснение сначала только удивляет. Жанна прочитывает про себя с исправлением. Глаза лезут на лоб:

— Ты?..

— Мы. — Мать отводит взгляд. — Договорились. Я разрешила ему, он, соответственно, мне. Ты уже не маленькая, видела жизнь и в какой-то мере знаешь людей. Самый странный вывод, который я сделала на основании собственного опыта — что все люди разные и каждому нужно разное. Одни гонятся за недостижимым, другие кормятся подножным кормом, третьи любят один раз и навсегда. Но, повторяю, каждому — свое.

В длинной речи Жанна выделяет главное:

— Вы получаете удовольствие на стороне, и оба знаете об этом?!

— И продолжаем любить друг друга.

Жанна категорически не понимает.

— Но Лига... Там только мужененавистницы! Подставы и игры на краю!

Губ матери касается грустная улыбка:

— Представляешь, как это нравится папе?

— Он... знает?

— Через Лигу я подыскиваю интересных новых «мстительниц» и делаю ему невообразимые подарки. Кстати, я тоже неплохо провожу время, когда участвую в акциях и «мщу» сама. Не будь этой отдушины, мы, возможно, давно разбежались бы. Получается, Лига выгодна нам обоим, она спасает нашу семью.

— Пипец... — единственное, что приходит на язык Жанне.

Она почти в шоке. Услышанное не укладывается в голове.

Мама сказала: любовь. Нет, не любовь. А что? Неизвестно. Но что-то другое.

— Ладно. — Жанна пытается справиться с мыслями. — С отцом разобрались. Но в списке «жертв» еще мой коллега. В «особом» списке.

— Плохо. Это значит, что он где-то перешел Лиге дорогу.

— Лиге как движению?

Маме вопрос понятен:

— Или встал на пути кого-то из основателей. Завтра попытаюсь выяснить.

Завтра может быть поздно. Но уже ночь, ничего сделать нельзя. Зато можно еще спросить.

— Что можешь рассказать про бал?

- - - -

Дался ей этот бал. Снежана отмахивается:

— Не бери в голову. Бабское собрание и годовой отчет под соусом сплывающего маскарада. Игры глав Лиги в «укрепление командного духа», сейчас это довольно модно. На это ухается куча средств, часть которых кто-то кладет в карман.

Ее мозги сосредоточенно скрежещут: в последние дни «особые» акции участились. Задания достались чуть ли не каждой. Если Комиссия затеяла с кем-то войну — это может аукнуться всем. Нужно поинтересоваться, а то и принять меры.

Дочка сидит рядом как статуя и смотрит вперед. Там сверкает снег. Все белое.

А под белым — разное. В том числе, черное. Как в жизни. Снежана достаточно узнала жизнь. На самом деле не существует ни черного, ни белого, все на свете — обман и видимость. В реальности мир серый. И жизнь серая. Никакие деньги не раскрасят его по-

настоящему. Они усиливают контраст и позволяют лучше разбираться в оттенках. Но серое, если внимательно присмотреться и вдуматься, оказывается коричневым. Стать знатоком видов и вкусов дерьма — не лучший итог жизни. И ничего не поделать — молодость позади, время растрчено на ерунду. Да, все казавшееся важным — полная ерунда, и неожиданно выясняется, что единственная настоящая ценность — дети. У Снежаны и Альфреда эта дочка, больше детей Бог не дал. Сначала сами не хотели, затем не получилось. Теперь вся жизнь (точнее, ее остаток) — ради дочки. И будущих внуков. «Дети — цветы жизни» оказалось не просто словами, на деле только дети расцветивают этот мир, только они по-настоящему (жаль, что недолго) цветные на холсте серого, которым маскируется коричневое.

Не хотелось вываливать на Жанну свои проблемы и, особенно, способы их решения. Но лучше пусть услышит от матери, чем донесут гадкие слухи. То же самое, сказанное другими словами, может выглядеть неприглядно и мерзко.

Снежана мрачнеет. Выворот мысли привел к неожиданному выводу. Оказывается, взгляд на вещи с другой стороны показывает их в истинном свете. Что же получается? Вещи, которые требуют оправданий и поиска нужных слов, чтобы не выглядеть неприглядно и мерзко... Неужели они и вправду такие?

Доносится:

— Сможешь провести меня на бал?

— И не подумаю. Будут только свои.

— Но ведь — маскарад? — упорствует дочка.

— Маски — чтобы сохранить тайну личности. Члены Лиги не знакомы друг с другом и не должны быть знакомы.

— Это же замечательно!

— Зато Комиссия знает всех. — Усталый выдох завершается остужающим дочкин энтузиазм заявлением: — Забудь. Посторонний на балу — глупость из области фантастики. Беспредельно опасная глупость. Лига умеет хранить секреты.

- - - -

В «Приюте» пришлось чуть ли не на колени встать, Леонид даже подумывал, не предложить ли в обмен на информацию развеселой, но скрытной администраторше руку и какую-нибудь половинку своего многолюбящего сердца.

Оказалось достаточно шутливых комплиментов и серьезных заверений, что дальше эти сведения не уйдут. Времени было потрачено немало, но все подтвердилось.

— Кто у нас остался без алиби? — наморщил лоб Алекс.

— Горская. Ее слова, что сидела дома с детьми, и раздумья соседей, «вроде бы не видевших, что выезжала куда-то» — полная чушь.

Некоторое время они едут молча. Дорога скользкая, приходится быть сосредоточенным больше обычного.

Лоб Алекса внезапно разгладился:

— Помнишь, когда еще работали в «Риэлтинге», ты постоянно и безрезультатно подкатывал к бухгалтерше?

— К Наташке-то? — Леонид счастливо оскалился. — У тебя устаревшие сведения.

Алексу не до хвастовства напарника:

— Видел, как она вначале по Кириллу сохла?

Леонид удивлен:

— Разве? Он же на Кристинке тогда был женат. Стоп. — Кажется, его настигло понимание. — Наташка?!

— Она сейчас подруга Кристины. Ну, подруга не подруга, но общаются. Дым уже опрашивал соседей, результат как у Горской. Никто ничего.

— Едем? — загорелся Леонид.

— Адрес знаешь?

— А то!

- - - -

— Последний раз видела, когда он от полиции сбежал. Не понимаю.

Понимает только Алекс. Но его интересуют тайны самой бухгалтерши.

Наташа принимает их на кухне. Простая квартирka одинокого непритязательного человека. Диван, большой телевизор, цветы на окнах. На стене — картина, похожая на обложку любовного романа. Желтый свет люстры приглушен и смахивает на интимный — если не замечать, что оба выключателя в верхнем положении, а половина лампочек все равно не работает. Попросту перегорели.

На Леонида Наташа старается не смотреть, хотя тот не делает попыток намекнуть на былое. Она говорит с Алексом.

— Он же не виноват, — объясняет она. — Всеми деньгами распорядился Владимир Терентьевич. Кириллу ничего не грозило. Не понимаю.

— Где вы были вчера вечером?

— Какое это имеет отношение?..

Обращение на вы для нее нормально, хотя со спрашивающим они ровесники и одно время вместе работали. Отстраненность помогает молодой женщине чувствовать себя комфортно с неожиданными гостями, которые пришли поговорить о случившемся.

— Большое. — Алекс пытается поймать правильное направление. — Дело касается Кирилла.

Недолгое раздумье завершается тихим ответом:

— Дома. Я всегда вечерами дома.

Наташа смущается и косится на Леонида: не принял ли за намек?

Леонид тверд как камень. По-рыцарски не замечает. Пусть и не знает, что для дела нужнее — понять или не понять.

— Кто может подтвердить? — интересуется Алекса.

— Я дома всегда одна... — Лицо вновь ляпнувшей нежеланную двусмысленность Наташи идет пятнами.

Слишком мнительна. Алекс уводит разговор в сторону:

— Вы не замечали со стороны Горского чего-то странного в последние дни?

— Нет. Правда, он зачем-то забрал из сейфа доверенности и чековые книжки. Сказал, что пусть лучше у него лежат, для сохранности.

Она вновь усиленно делает вид, что в комнате один только Алекс.

— Лёнчик, — обращается Алекс к напарнику. — В машине ноут остался, должны срочную электронку сбросить. Проверь, пожалуйста.

— Ноут? — В машине нет ноутбука. Краткое удивление сменяется пониманием. — Хорошо.

Леонид уходит.

— Наташа, — тон Алекса теплеет. — У Кирилла большие неприятности. У меня ощущение, что он каким-то образом и не по своей вине перешел дорогу неизвестным силам. Его теперь прессуют со всех сторон. — Он внимательно наблюдает за собеседницей. — Нет ли мыслей, кто это может быть и почему?

После ухода Леонида нервозность Наташи заметно снизилась.

— Не могу представить. — Видно, что она откровенна, переживая за небезразличного ей коллегу. — Никто не желал ему зла.

— А Кристина?

— Что? — На лице возникает недоумение.

— Не могла ли начать в отношении предавшего ее человека...

Сумрак в широких зрачках. Сжатые губы: «Эх, вы...» Вслух:

— Она его любит.

Алекс все понимает, но ему нужна хоть какая-то зацепка.

— Он разбил семью, и Кристина со своей стороны...

— Не он.

— Она?!

— Другая. — Наташа отворачивается. — Повторяю: Кристина его любит. — Для Наташи это довод. Но она неожиданно припоминает: — Одно время Кристина носилась с идеей устроить Алене какую-нибудь мелкую пакость... Но именно Алене и именно мелкую, а ломать новые отношения — это не решение проблемы. И она никогда не сделала бы Кириллу ничего плохого.

Алекс бьет в уязвимое место:

— Кирилл вам нравится?

Новый всплеск алого на лице:

— Не хочу говорить на эту тему. — Наташа косится на дверь, которая недавно закрылась за Леонидом.

Во внутреннем кармане Алекса невесело пикает и вздыхает планшет. Разрядился. Надо бы не забыть подключить, когда вернется в машину. Возвращаясь мыслями к разговору, Алекс объясняет свой вопрос:

— Мы здесь, потому что Кирилл в опасности.

— Я никогда не смогла бы причинить Кириллу вред. Никакой. Ни за что.

Глаза в глаза. Очень искренний ответ.

— Спасибо. — Алекс встает.

Если он что-то понимает в людях, то можно прощаться. Причины несчастий Кирилла явно не в этих стенах.

Грызет только гнусный червячок: «если он что-то понимает в людях». А если нет?

Раздается звонок с отчетом Дыма:

— Откопал любопытный факт. Не знаю, как пристроить к имеющимся.

— Говори.

— Пропавшей невесте Матвеева квартира досталась не от бабушки, как следует из показаний коммерческого директора «Риэлтинга». Жилье куплено самой Аленой за наличные у третьих лиц. Копия договора купли-продажи сейчас у меня. Я вызвонил старых хозяев, они подтвердили — новая владелица покупала вместе с каким-то мужчиной. Точной внешности не помнят, но явно не Матвеев.

Мозг не успевает переварить услышанное, как звонит Жанна:

— Привет. Не спишь?

— — — —

Спасаящая от холода (но не от мыслей) стремительная современная карета несется в офис. И что же, что поздний вечер субботы? Ей откроют.

Жанна пытается сопоставить уже известное. Внятной картинке не выстраивается.

Она голосом включает телефон и выбирает Алекса. Динамики просыпаются долгими гудками — абонент не сторонник подростковой блажи с мелодиями.

— Привет. Не спишь?

— А ты?

— Ответь на вопрос. — Жанна набирает воздуха. — Что было в пакете?

— Хочешь сказать — не смотрела?

— Снаружи газетка, а вот внутри запаяли на совесть. — Губы растягиваются в подобие улыбки. — Похоже на пачку денег.

— Не только похоже.

— От кого?

— Секрет.

— Ошибаешься.

— Лиза? — Алекс презрительно фыркает. — Да, передал Матвеев.

— За что?

— Вернул долг.

Ой ли.

— Шеф знает?

— Нет. И не надо. Приехать, поговорим? Или ко мне? Или где-нибудь на нейтральной территории.

Ага, «поговорим». Знает она. Едва останутся наедине...

— Занята.

— Жаль.

— Будь осторожен.

Собеседник настораживается:

— Что-то узнала?

— Ты в черном списке Лиги.

— Не новость. — «БМВ», несущийся в прикрытое хрупкими латами кузова левое плечо, все еще перед глазами. Потом прояснение: Жанна только что говорила с Лизой. Значит... — Теперь мной займется Лиза?

Едкий ответ:

— Если бы только. Даже мне предложили на тебя поохотиться.

— Кажется, ты не прочь...

— Конечно. Очередью в нижнюю часть середины тела. — Жанна зла, что от нее что-то скрыли.

Алекс не обижается.

— Аналогично. Думаю, у меня это получилось бы лучше.

Жанна не выдерживает, давится смешком.

— Как-нибудь в другой раз. Если доживешь.

— Ради такого случая постараюсь.

— Постарайся. — Она отключается.

Внешние ворота заперты. Узнав ее, охрана беспрепятственно пропускает.

Технический отдел работает круглосуточно.

— Здравствуйте. — Дежурный встает. Видимо, перешел сюда из внутренних органов.

Вышколаен. Местные перед женщиной не встанут.

Жанну интересует:

— Телефон Матвеева еще не обнаружен?

Если найти его первой...

Следует неожиданный удар:

— Давно обнаружен и снят с отслеживания.

Опоздала. На всякий случай, для общей информации, она уточняет:

— Кем обнаружен?

— Бригадиром Алексом Акимовым. Снят по его же приказу.

Нокдаун.

- - - - -

Что обычно делаете, когда загоняют в угол?

Правильно, «обычно» в таких случаях не бывает.

Кирилл умирал от холода. Слабость. Головокружение. Температура. Руки, ноги и даже голова практически не ощущаются, чувствуется только боль. Прохожие шарахаются, принимая за бомжа или пропойцу-алкаша. Тем более, что отбитые ноги заплетаются, и сил двигаться вперед просто нет. Но он идет. Надо идти.

Машину не поймаешь, все деньги остались в пуховике. И такому, как он, никто не остановит. Телефон Алекса тоже ушел безвозвратно. И — главное — бумажка с запасным адресом, а домой к Лизе нельзя, ждет его там не она. Адрес, где она ждет, он запомнить не удосужился, даже не глянул. Больше Кирилла никто нигде не ждет. К Алексу нельзя, к друзьям тоже, к коллегам тем более. О методах Сычевской конторы Кирилл, увы, наслышан, испытать на своей шкуре не жаждет. Прийти в полицию и сдать? Вариант. Посадят в тепло. Накормят. Вылечат. Но тогда на встрече с похитителями можно ставить крест.

Павлик. Алена.

Нет.

Куда идти?

Некуда идти.

Надо идти. Куда-нибудь. В тепло. К домам или магазинам, где можно согреться. К теплоцентрали. Да хоть в люк канализации, там тоже тепло... но не хватит сил открыть. Стоп, где он? Что-то знакомое.

Вот, оказывается, где. Ноги привели его в садик Павлика. Здесь он был вчера вечером. Здесь все началось.

У закрытых ворот дед в классическом треухе расчищает лопатой тропинку, с каждым проходом увеличивая ее ширину.

— Здравствуйте. Вы здесь работаете? — с усилием выговаривая, Кирилл указывает на вывеску детского сада.

Тело бьет озноб, кашель не дает вздохнуть, а предельная вялость тела и сознания мешает не только двигаться, но и думать.

— Живу недалеко, вышел вечерком снег покидать, чтобы в понедельник поменьше работы было. — Дед с удовольствием останавливается, закуривает. Явно рад поговорить с кем угодно, даже с таким потрепанным экземпляром. Понимает — в жизни бывает всякое.

— У меня ребенок в этот садик ходит, — объясняет Кирилл.

Искал безопасное место? Кажется, нашел. Рискнуть можно. Нужно. Не осталось больше ни сил, ни вариантов.

— Так ить выходной, — напоминает трудолюбивый дворник.

— Хочу найти одного человека. Может быть, случайно знаете. Здесь работает такая... такая... — Он не может вспомнить. Перед глазами стоит картинка последней встречи. Круглые на бледном. Под ними — скисший помидор испуганно поджатых губ. Еще бы, он так кричал...

— Какая? — не понимает дворник. — Я всех знаю. Заведующую, воспитателей, нянечек, медсестер... Небось с кухни?

— Нет, воспитательница. В сером... Обычная такая... Никакая. Пухленькая... вроде.

Он не знает, что еще сказать. Имени не помнит. Хоть убей. Павлик говорил, но...

Заходясь в кашле, Кирилл едва не падает и хватается за ограду.

— А-а, Реброва? — каким-то чудом узнает дворник. — Вон в том подъезде живет. — Поднятая лопата указывает на дом напротив. — Почти соседка. Хорошая, всегда о здоровье справится, с праздниками поздравит. Недавно видел, как ушла куда-то. Поздоровалась. Жди, авось не задержится долго. Да и не бывает у нее долго-то...

- - - -

Развалившись на так и не убранной кровати, Кристина скачивает данные для нового задания. Каждой участнице Лиги дается то, что по силам. Иногда с выбором. Кристине сегодня выбора не предложили. Кандидатура одна. И это...

Живот протыкает невидимая шпага, укол сменяется жутчайшим спазмом. Если от удивления бывает шок, то это он. Плечи опускаются. Ексель моксель через коромысло. Если бы еще вчера... Но почему?! Он не женат, постоянной подруги не имеет, остальным ничего не обещает, сразу расставляя точки над ё...

Со снимка смотрит Леонид.

Статус — «особый». Уровень — «вплоть до черного». То есть, новый дружок несет Лиге смертельную угрозу.

Взгляд останавливается на телефоне. Хочется поговорить, отвлечься, занять мысли другим или получить ответы.

— Лиза? — спрашивает Кристина, когда в трубке раздается знакомое «Алло».

Они узнали друг друга как члены Лиги, когда Кристина только начала строить козни бывшему муженьку. Разговор зашел издали, и обе стали вербовать друг друга. Потом долго смеялись. Лиза поинтересовалась тогда:

— Через кого ты узнала?

Кристину принимала Роза, но лишние имена не приветствуются.

— А ты?

Обе улыбнулись.

Сейчас Кристина решает похвастаться:

— Завтрашня БП — по моему заказу.

Лиза отомстила без выставления чувств напоказ, за нее все сделала Лига, классически подставив ее Саньку перед новой зазнобой и вогнав в беспросветную пьянку. Но Кристине этого мало. Тем более, Кирилл так и не поддался провокациям красоток Лиги. Роза, насколько шикарна и богата фантазией — и то в пролете. К делу подключили Лизу — она работает с Кириллом в одной конторе. Пришла как раз, когда его отношения с Кристиной рухнули ниже плинтуса. К сожалению, даже молодая сногшибательная Лиза не смогла. Потому что — любовь.

Любовь? Кристина отмахивается, как от надоедливой мухи. Кто ее видел, такую? Любовь — покой и воля. Еще Иисус сказал — кто без греха, бросьте в сластолубицу камень. Все с грешком. Вопрос в размере. Грехи надо замаливать — дорогими подарками, увеличением внимания, всплеском обновленного желания. Но чтоб семью рушить?! Всеуко Путенабо!

— И мне нового «особого» скинули, — делится Кристина с Лизой. Хотела бы о козле Кирилле... но такое не приветствуется. — С пометкой «срочно». Представляешь: оказался старым знакомым. Нет-нет, никаких имен, я же понимаю. Но душа не на месте.

— — — —

Лиза хоть и молода, но мудра, а мудрость — сила слабых и спасательный круг непоседливых. Кристина старше, имеет ребенка и была замужем, а ощущение создается, что жизнь ее ничему не научила. Лиза где-то глубоко внутри закатывает глаза, но внешне это никак не проявляется. Она все так же серьезна и суховато внимательна.

— Понимаешь... — Кристина хихикает, интонация намекает на приятные воспоминания: — Впервые за несколько лет я именно сегодня с ним... И вдруг — заказ. Чуть-чуть запоздал.

Лиза, наконец, стыкует услышанное в нечто цельное.

— Ты с ним — у себя?

— Да.

— Камеру не включила?!

— Представить не могла.

— Урок.

— Еще какой. И я что подумала. Ты в «Риэлтинге» старую команду застала?

Лиза держит паузу. Откуда такой вопрос? Как связан со всем сказанным ранее?

— «Твой» — из них? — осторожно осведомляется она.

Перед глазами — только что прочитанное досье на срочную цель. Алекс Акимов, бывший работник «Риэлтинга», нынешний бригадир небезызвестного Сыча. Отвечает за направление, которое пиарит полубандитскую контору как службу спасения для обиженных. Пока не образовалась Лига, жаждавшие праведной (или неправедной) мести обращались именно туда. Не всегда успешно — команда Алекса разбиралась в ситуации и наказывала виновного... а не заказанного. То есть, нередко самого заказчика вмешательства. Поэтому многие старались обратиться напрямую к Сычу, в обход привередливого бригадира.

— Из них, — приходит подтверждение от Кристины.

Лиза вспоминает пометку на своем клиенте: «Повторно». Кто-то уже обжегся. Еще недавно он висел в списке выбора, но теперь его поручили конкретно Лизе.

Получается — не ей одной? Теперь его должны взять на себя сразу все? Настолько опасен? Но работать параллельно...

Она досадливо морщится. Лучше вместе. Эффект будет лучше, и мешать друг другу не придется.

— Что предлагаешь? Объединить усилия? — Лиза недовольна, что ставшая конкуренткой за место в Комиссии подруга мыслит аналогично. В Лиге приветствуется нешаблонный подход.

— Совсем нет, — не замечает Кристина отстраненной злости собеседницы.

— Прости, мне некогда.

Лиза отключается и задумывается. «Особый клиент» не сегодня-завтра падет жертвой Кристининого обаяния. Уже пал, осталось только запечатлеть и нейтрализовать. А Лиза — в большой... луже. Из-за Кирилла. Не опередить ли соперницу хотя бы с этим заданием?

Она еще раз шгудирует досье. Неплохо. Любит работу? В офисе бывает чаще, чем дома?

Почему не рискнуть.

Лиза одевается.

— — — —

В подъезд он попал, когда выходила какая-то женщина. Она недобро покосилась, но ничего не сказала.

Кирилл прирос к межэтажной батарее. Ждать. Все мысли — не потерять сознание, не упасть, не сломаться.

Наконец, из подъездных дверей появляется нахохлившийся колобок. Серая шубка, вязаная шапочка с бубончиком, отороченные искусственным мехом сапожки... Он перехватывает ее у почтовых ящиков:

— Здравствуйте.

— Ой... — обмирает она.

— Простите, что был груб...

— Это вы простите. Я же понимаю. Я виновата... Как мне...

Кашель сотрясает Кирилла.

— Вы больны? Пойдемте, напою чаем с медом. У вас неприятности?

Кирилл кивает.

Они идут вверх. Он пошатывается, кашляет, едва не падает. Ее рука хватается его под локоть. Пухленький воробей рядом с побитым орлом.

— Павлик нашелся?

Ответный стон таков, что собеседница поспешно опускает глаза и глядит только под ноги.

Пришли. Квартирка маленькая, но вещи неплохие, подобраны со вкусом. Кирилл разувается. Прихожая, санузел, спальенка, кухонька. Свадебное фото на стене.

— Муж? — напрягается он, чувствуя себя идиотом. Сейчас заскрипит сзади ключ в замке, дверь откроется и...

Размеры мужчины на снимке устрашающие.

Хозяйка вновь опускает голову:

— Давно. Погиб.

— Прости.

— Ничего.

— Дети?

— Нет, — со вздохом.

Кирилл все еще смотрит на снимок.

— Военный?

— Спортсмен.

— Что случилось?

— Автокатастрофа. Тормоза отказали.

— Еще раз прости.

— Отболело.

Его сотрясает очередной каркающе-харкающий приступ.

— Сейчас чаю с медом и лимоном... — начинает суетиться хозяйка.

Господи, как же ее зовут? Спрашивать сейчас — со стыда сторишь.

Они садятся за кухонный стол.

— Можно? — Чужая рука тянется к его лбу. В глазах — участие.

Лоб горит.

— Вызову «скорую».

— Нет.

— Нужен врач.

— Нет, — упорствует Кирилл. Алекс предупредил о методах работы своей конторы.

— Почему?

— Нельзя скороую. — Не вдаваясь в подробности, он объясняет просто: — Павлик.

Она понимает. Или почти понимает. Этого достаточно.

— Сделаем так, — говорит она строгим тоном воспитательницы, за непослушание готовой поставить в угол. — Сосед — замечательный дедушка, пенсионер, в прошлом — военный врач. Попрошу, чтобы посмотрел.

Не слушая возможных возражений, она выходит.

Оживая с каждым глотком обжигающей жидкости, Кирилл рыщет взглядом и быстро находит искомое.

В прихожей появляется всклокоченная копия Эйнштейна с растиражированной фотографии. Воспитательница Реброва, едва видная за спиной, указывает на Кирилла:

— Вот.

— Покажите язык, голубчик, — сразу переходит к делу бывший доктор, — скажите «а-а».

Осмотрев, он достает из кармана прихваченные с собой лекарства.

— От кашля. И от температуры, если зашкалит. На всякий случай — снотворное. Нужно пропотеть и хорошо выспаться. Это если дело не зашло далеко. Тогда «скороую» — и в больницу.

— Спасибо.

— Чай с медом? Это правильно. Потом растереть спиртом и закутать. Не вставать под угрозой расстрела. Потеть до полного выздоровления.

Дедушка лукаво глядит на хозяйку.

— Сейчас, — бежит она к кухонному шкафчику.

Со смачным кряком оприходовав честно заработанную стопочку, повеселевший «Эйнштейн» исчезает.

Кирилл не сводит глаз с одиноко белеющего в углу компьютера. Компактная «яблочная» машина.

Воспитательница перехватывает взгляд, смущенно опускает свой:

— От мужа остался. Он просто фанател. А мне так, для баловства — одноклассники, фотки... Разбираешься?

— Можно посмотреть?

Над компьютером висит прикрепленная кнопкой благодарственная грамота из садика. Кирилл вглядывается. Марине Михайловне Ребровой. Ага, вот как ее зовут. Память подтверждает не раз слышанное от сына. Слышанное, да ведь не слышимое.

— Марина...

Она вздрагивает. Он впервые назвал ее по имени.

— У вас есть интернет?

— Да.

— Можно воспользоваться?

— Через «Виндоуз» устроит?

— Конечно.

— На основном у меня много личного, даже заставка... — Марина смущается. — Но если нужно...

— Нет-нет, — он примирительно выставляет ладони, — пусть будет «Виндоуз».

Придерживая левой рукой какую-то клавишу, Марина вызывает выбор операционок. Щелкает правую. С жужжанием начинает грузиться детище «Мелко-мягких».

— Пожалуйста. Но, может, сначала лекарство?

— Лучшее лекарство — здесь. — Кирилл бросает взгляд в сторону монитора.

- - - -

— Говорите, был? — Мужчину интересует недавний прохожий.

— Был, — ничуть не сомневается дворник.

Разговор идет там же, на еще не расчищенной до конца дорожке. Соскучившийся по общению дворник с довольствием рассказывает:

— Еще бы такого не запомнить. Я только близко вижу плохо, без очков даже заголовки читать не могу. А на таком расстоянии...

Собеседник морщится, глядит на часы. Дед продолжает:

— Возраст, понимаешь. Шевелиться надо. Думаю, дай почищу немного, а то ноги совсем ходить перестанут.

— Про него, пожалуйста. — Металл в голосе. И словно затвор щелкает.

— Искал он здесь кого-то. — Дворнику не нравится, что его не слушают. Еще больше не нравится, когда дают. Настроение падает вместе с желанием говорить искренне.

— Кого?

— Кого-то из сотрудников.

Дворник кивает на детсад, но уточнять не собирается.

— Нашел? — тон почти угрожающий.

Дед присматривается к собеседнику получше. Хоть и цивилизный, а смахивает на бандита. Глазки колючие, мышцы даже сквозь куртку бугрятся. Повидал таких в свое время. А прежний больше на алкаша походил, зато говорил душевно.

— Кто ж его знает, — пожимает он плечами. — Нашел, не нашел. Мое дело снег убирать. Закурить не найдется?

Вместо ответа — удаляющаяся спина.

- - - -

Первым делом — создать новый почтовый ящик. Кирилл вводит бессмысленный набор букв. Так безопасней. Затем набирает электронный адрес Алекса, простой и потому запомнившийся.

Руки хозяйки протягивают лекарство. Он бросает в рот, глотает и благодарно кивает, не отрываясь от монитора — спасибо, дескать. Марина молодец, подошла сбоку, чужими секретами не интересуется. Поставила перед ним забытую горячую чашку, накинула на плечи пуховой платок и отошла.

Кирилл далеко.

Тема письма? «Объявился». Текст: «Срочно жду новостей». Подпись: «Потерявший и потерявшийся». Отправить.

Все. Ждать.

Он сгибается в так долго сдерживаемом кашле. Хватает чашку, благодарит глазами испуганную Марину.

Дом человека — его крепость. Снаружи. Внутри — варианты. У кого-то — вечная детская, у кого-то — спальня, у кого-то — кухня. У Марины и внутри была крепость. Ухоженная, уютная, но все равно — крепость. Видимо, после смерти супруга так и не получилось впустить в жизнь другого мужчину. Кирилл не видит признаков, что здесь часто или надолго бывает кто-то посторонний.

Глаза Марины добры и немного более откровенны, чем следовало бы. Она очень хочет ему помочь. Если бы у него не было Алены...

Глупые мысли. Но что-то слишком часто посещают последнее время.

Алена была, есть и будет. Другие не нужны. Он сделает все, чтобы вернуть.

А ведь сейчас кто-то с ней может... Ведь может? И раньше, как выяснилось, она была не такой, как представлялось. Вот ведь как.

Одно из жизненных правил гласит: не горюй, если у жены кто-то был до тебя, намного хуже если кто-то будет позже. Н-да. Правила — правилами, а жизнь — жизнью. Нематериальная боль в груди прибавляется к кашлю, ознобу и дичайшей нечеловеческой усталости.

- - - -

Мужской одежды у Марины нет. Старые мужнины вещи давно проданы, розданы или на свалке. Она долго перебирает имеющиеся тряпки, с сомнением предлагает Кириллу свой спортивный костюм:

— Поместишься?

— Вряд ли.

Он только что проверил почту. Как и до того, когда сходил в туалет, едва не грохнувшись на ставших непослушными ногах. Время идет, а ответа все еще нет.

— Ничего другого предложить не могу, оно тем более не подойдет. Давай так, — Марина указывает на постель, — все равно мне тебя растирать. Раздевайся и ложись, а твои вещи запустим в стирку.

Кирилл смотрит на компьютер:

— Я жду.

— Подвину ближе.

Кровать в квартире одна. Дивана нет. Кирилл робко отнекивается:

— Я на полу...

— Еще чего, — бурчит Марина сердито. — Там дует.

Он согласен — там дует, и сильно. Вообще, в квартире прохладно. Но если он займет кровать, хозяйке придется стелить себе на полу.

— Может, включить? — Он показывает на электрический радиатор, чей угол выглядывает из-под вороха тряпок в углу.

— Сломан. — Марина достает из холодильника бутылку водки. — Ложись, говорю.

— Я потом перелегу, — твердо обещает Кирилл.

— Обязательно.

Она отворачивается и вскрывает алюминиевую пробку, готовая спасти брэнное тело гостя от яда простуды.

Скинув почти все, но оставшись в рамках приличия, Кирилл ныряет в постель.

— Готов.

Марина нависает над ним, откидывает одеяло и набирает из бутылки полную пригоршню:

— Ну-ка...

Руки очень нежны. Словно не растирают, а гладят, хотя едва не сдирают кожу. Но так и надо.

Тепло... Хорошо... Спокойно...

Безумное облегчение. Сказка. Сон наяву.

Сон...

- - - - -

Аленушка... родная...

Тебя нет. В том смысле, что нет рядом. Но я вижу тебя. Вот, в телевизоре. Машешь рукой, смеешься, будто мы вместе. А я почему-то по эту сторону экрана.

Аленушка... Мне без тебя плохо. Мне без тебя тоскливо. Мне без тебя больно. Мне без тебя невыносимо. Мне без тебя как голому среди одетых. Как паровозу без вагонов. Как парусу в штиль. Как журавлю без гнезда. Как правде среди фальши. Как гаишнику на пустой трассе. Как боксеру без груши... и наоборот. Как сиаемскому близнецу после операции. Как пестикку без тычинки. Как книжке без обложки. Как всаднику без коня. Как гаджету без драйвера. Как седлу женского велосипеда без желанной наездницы. Как бутылке без содержимого. Как ревнивцу без повода. Как спортсмену без тщеславия. Как коту без марта. Как театру без зрителей. И наоборот. Как садисту без мазохиста. Как Мастеру без Маргариты. Как красоте без внутреннего очарования. Как дороге без храма. Как псу без хозяина. Как ребенку без игрушки. Как такси без пассажира. Как маньяку без жертвы. Как Земле без Солнца. Как министру в «Ладе». Как простыне без стирки. Как Скарлетт без Баттлера. Как Эшли без совести. Как совести без справедливости. Как справедливости в суде по закону. Как дубинке без применения. Как потолку без стен. Как кофе в постели без чашки. Как юбилею без юбиляра. Как любви без веры. Как семье без денег. Как певице без спонсора. Как слепому среди глухих. Как твоей груди без моей ладони. Как утопающему среди неумеющих плавать. Как тяжелоатлету в невесомости. Как художнику без красок. Как соседям без привычного скрипа кровати. Как реке без берегов. Как любовнику без шкафа.

Как смерти без жизни. Как поэту без вдохновения. Как настоящему без будущего...

Ау, любимая, я здесь! Ты смотришь на меня... и словно не видишь.

А твои глаза... лучистые, волнующие, сияющие восторгом жизни... Лазоревая синь южного моря с зеленоватой кромкой прибоя... Заглянешь только раз и больше не можешь жить без них. Они превращают в раба — и ласкают. Больно ранят — и балуют. Это сумасшедший наркотик, от зависимости к которому нельзя излечиться. И от него не хочется излечиваться. От него хочется умереть, и умереть от него — блаженство. Этот взгляд смотрит прямо в душу — и все внутри переворачивается. Обнимает сладкая нега, окутывает истома, и словно легкий электрический заряд пронизывает разомлевшее и витающее в прострации тело...

Чарующая телепередача вдруг идет полосами, прямоугольными пятнами, мелькают странные неправильно смонтированные кадры, и реалии прорываются сквозь заманчивые образы, уводящие в соблазнительное небытие.

— Алена?!

— Марина. — Склонившееся лицо доброе, но невыносимо чужое. Голос сух. Силуэт размыт.

— Я заснул?!

— Тебе нужно было поспать.

— Сколько прошло?

— Около получаса, не больше. — Она сидит за компьютером, который, как и обещала, придвинула к кровати.

— Черт. Мне нужно... — Кирилл смотрит на монитор, как укушенный на противоядие.

— Да-да, — Марина быстро выходит из открытых программ. В последний момент исчезающий рабочий стол бьет по глазам обнаженным мужским телом. Поза чувственна, нарочито-расслаблена и вызывающе дерзка. Снисходительный взор выискивает в зрителе какие-то ответные эмоции. Лицо очень знакомое.

Смущение накрывает обоих. Марина стиснула зубы, она ждет не дожидается, когда операционка перезагрузится на другую. Кирилл сконфуженно отворачивается. Узнал. Это человек со снимка на стене — погибший супруг.

— Пожалуйста, — молодая женщина, наконец, уступает место Кириллу, севшему на постели и потянувшему руки к клавиатуре и мышке.

Щелк. Щелк. Браузер, почта, ящик, пароль. Пусто. Все еще пусто.

Телефонный звонок. Марина берет трубку, бурые пятна на щеках сменяются белыми. Безумный взгляд:

— Тебя.

-- --

Своей машины у Лизы нет. Пока. Вся надежда на Лигу. Будут успехи — будет машина. Сидя в быстро домчавшем такси, она смотрит на запертые ворота. Водитель дремлет, двигатель работает, печка гонит к ногам теплый воздух. Лиза сказала, что с оплатой не обидит.

Охрана иногда поглядывает в их сторону. Неважно. Внутри территории — известное в городе здание, которое простые люди обычно обходят стороной. В большинстве окон горит свет. Вот тебе и выходные.

Она дожидается. Подойдет. Попросит помощи. Помощь — это и есть работа Алекса. Пусть

попробует отказать. Испуганной девушке, через весь город примчавшейся по темноте и холоду в надежде на чудо, отказать трудно.

Откуда узнала? — Мир не без добрых людей. Взять ту же Кристину, к примеру, если не придумается варианта лучше.

Чем помочь? — В подъезде бывший ждет. С ножом. Всегда. Проходу не дает. Или так: силой ворвался в дом, грозился убить, получил сковородой по голове. Труп. Что делать, мил человек, бедной девушке? Поможете избавиться от трупа или организуете непробиваемые свидетельские показания в пользу невинной овечки?

Главное, что требуется — любым способом притащить домой. Дома и стены помогают. А там и исчезновение трупа проблемой не будет. Встал, дескать, и ушел.

Ждать.

Час назад Женя, новая компаньонка, предлагала подвезти домой. Лиза согласилась из экономии, но за квартал от дома попросила высадить. Конспирация, дьявол ее побери. Зачем Лига все усложняет? Пришлось топтать несколько сот метров по лютому морозу, с завистью вспоминая шикарную тачку подруги. Потом, после перемены планов, вызывать такси. Теперь сидеть здесь в убивающем аромате табака, бензина, пота и вонючего пластика. Эх, и развернулась бы Лиза с машиной Жени...

Ого. Что бы это значило? Знакомые обводы — во дворе наблюдаемой организации. И цвет. И, кажется, номер... Что она делает здесь? Или уже включилась в игру? Но досье... Нет, Лиза показывала только фотографию.

«Знакомый?!» Ужас под сердцем. Даже не удосужилась поинтересоваться. А та не соизволила рассказать.

Одно из двух. Либо Женя первой справится с поставленной задачей... но где возьмет камеру?!

...Либо с потрохами заложит приятелю все мстительное сообщество.

Надо действовать. Как-то попасть внутрь. Объяснить охране. Сойдет та же сказка про бывшего с ножом. Напроситься напрямую к Алексу... Или сказать, что она, Лиза, знакомая Жени, которая уже приехала, вон ее машина...

Рука, взявшаяся за ручку дверцы, замирает. К воротам подъезжает целая кавалькада, все большие, черные, опасные. Охрана чуть не навытяжку. Ворота настезь.

Издалека видно не все. Но достаточно.

Ворота закрываются, едва их миновал задний бампер последнего из грузных бронированных чудищ. Из одного выходит и под прикрытием телохранителей исчезает в здании серьезный человек. Сквозь решетчатую ограду Лиза наблюдает, как сразу же из ранее припаркованного на территории китообразного динозавра выходят двое и вынимают из заднего отсека двух несопротивляющихся парней. Видимо, связанных. Издалека не видно. Но одежда... Глаза не верят: Саня?! И Антоха, его столь же бедовый приятель?! О Боже...

Один из охранников вновь обращает внимание на такси, кивает напарнику и что-то говорит в рацию. Поправив оружие, оба направляются наружу решетчатого забора.

— Шеф, подъем, — командует Лиза.

Ждать уже нечего, за исключением неприятностей. В одиночку такое осиное гнездо не освоить. Если только с огромными приключениями на свои нижние девяносто. Совершенно не хочется.

Появляется другой план.

— Поехали, — следует распоряжение очнувшегося водителю. — Домой.

Дома есть запись с новой подругой. Лиза не Кристина, камера работает всегда. Готовилась. В любой момент мог войти Кирилл.

Не зря. Весьма любопытно выяснить, что из себя представляет новоявленная мстительница-любительница, которая ездит на дорогом автомобиле, ночами пребывает в логове врага и собирает информацию о Лиге.

Визг пробуксовки. Шофер стартовал, как на Луну.

Наверное, увидел, кто им заинтересовался.

- - - -

Показательный разнос подчиненных в самом разгаре.

— Упустили?! — Сыч неистовствует. — Почему сразу не посмотрели?

На увеличенном изображении — летящее на обочину тело. При стоп-кадре и достаточном приближении явно узнается цель номер два.

— Был почти в руках. Дармоеды!

Опущенные головы. Подледное настроение. Жалкое оправдание:

— Выполняли приказ — братъ «Ладу»...

— А думать — отдельно надо приказывать?!

Дармоеды умолкают окончательно.

Одна из групп с согласия босса отправляется прочесывать район предполагаемого нахождения Матвеева. Пусть поздно, но шанс есть. Шанс всегда есть, если не сидеть сложа руки. А если попутно включать голову — шансов становится очень много.

Побитые для острастки Саня и Тоха, представленные главе холдинга как Александр и Антон, изображают понурых осликов — свесили ушки и носы, смотрят в пол и стараются быть прозрачными. Печальное, душераздирающее зрелище. Они уже все рассказали. Антон немного, Александр, протрезвевший после первого же удара, намного больше.

— Лиза, говоришь? — хмыкает Сыч, глядя сквозь как бы действительно ставшего невидимым Саню.

Саня быстро кивает.

— Елизавета Крамер? — повторяет Сыч имя и фамилию девушки, за которую Саня бился с Кириллом.

До дармоедов доходит. Сотрудница «Риэлтинга». У дома недавно выставлено и образцово мерзнет наблюдение. А она в это время...

Из-за своего стола на все это с интересом смотрит Жанна.

— Найти? Доставить? Допросить? — бьет всеобщий энтузиазм.

Нашлось Дело. Значит, появилась безболезненная возможность прекратить застопорившийся разнос до появления жертв со стороны мирного и немирного населения.

В дверях холла, где собралась вся честная компания, неслышно материализуется охранник.

— Борис Борисович, посмотрите.

— Что?

— Из этого такси следили. — На настенную панель выводится изображение. — Мы хотели проверить, они уехали.

— Приблизь.

Фокус камеры наезжает на маленький «Пежо», быстро вырастающий до размеров «Белазы». Теперь хорошо видны завалившийся на подголовник дрыхнувший водитель и дорого

одетая волоокая барышня. Барышня не отводит взора с окон офиса, словно в ожидании суженого.

Жанна, случайно оказавшаяся в эпицентре вечерних событий, узнает:

— Лиза!

— Крамер? — Сыч не столько встревожен или удивлен, сколько просто задумчив. Он рассеянно глядит на изображение умчавшейся Лизы. — Какое любопытное совпадение, не правда ли? Неплохо бы поговорить. Пошлите к ней...

— Не надо никого посылать. Уже поговорили. — Судорожная улыбка на губах Жанны.

Все взгляды устремляются на нее.

— Рассказывай, — звучит команда начальника. — Нет. Пойдем в кабинет.

Недоуменный вопрос охраны:

— А этих куда?

Саня и Тоха съезживаются до размеров отрицательных величин.

— Пока в подвал. До понедельника. — Сыч добр. — Потом пусть катятся на все стороны.

— Там конокрады.

— Кто?

— Эти, которые у вашей сестры машину увели, ваш подарок. К ним подселить?

— Тех показательно наказать. А этих отдельно. Места, что ли, мало?

Сыч скрывается в кабинете. Жанна идет за ним. Все остальные, кроме охраны, забравшей новых подвальных жителей, остаются ждать дальнейших распоряжений.

— Садись. — Сыч указывает напротив стола, бухается в свой начальственный трон и скрещивает руки. — Итак?

— Я говорила с Лизой. — Закрыв за собой дверь, Жанна присаживается.

Сычу не до ее коленок.

— Уже понял. Скажи главное, что мне чрезвычайно интересно: можешь объяснить, как у Кирилла Матвеева, которого по моему указанию ищут все и каждый, оказались куртка и шапка Алекса?

— Что?! — Ее ресницы взлетают до бровей.

Не дававшие покоя подозрения сначала привели среди ночи в офис, теперь подпитались дополнительными аргументами. И получили новый вектор.

Сыч доволен эффектом.

— Кстати, принеси. Эти дурни не удосужились даже досмотреть.

Жанна бежит за вещами и через минуту возвращается удивленная:

— Вещей нет.

— Я сам видел! — Сыч стучит по кнопке спикерфона: — Где куртка и шапка из машины?!

Дверь приоткрывается. Водитель «Тахо». Взгляд в пол:

— В машине остались.

— Так неси!

— Не в нашей. В их машине. В «Ладе», из которой их взяли в частном секторе. Никто же не думал...

— — — —

— Меня?! — Ощущение нереальности. Тем не менее, Кирилл говорит в принятую

трубку чужого домашнего телефона: — Алло?

— Кирилл, как понимаю? — Голос искусственно глух и скрипуч. Мужчина явно не желает последующего опознания.

— С кем?..

— Догадайся. Трудновато было тебя найти. К тому же, не особенно хотелось — условий ты не выполнил.

— Где Алена?!

— У нее все хорошо.

— А Павлик? Он у вас?!

— И с ним все хорошо. Пока.

Оба вместе! Ура! Конечно, если похититель не блефует.

— Хотите увеличить сумму? — доходит до Кирилла.

— Нет. — В голосе слышна усмешка. — Но ты прав, условия пересмотрены. Выкуп отменяется.

Холодный ужас. Кирилл чувствует в тоне похитителя нечто непоправимое. Непредставимое. Страшное.

— На вполне логичную просьбу не подключать посторонних ты наплевал, что сразу похоронило наш вполне посильный деловой договор, — несется из трубки. — И тем не менее, мы не будем нелюдями. Оставляем тебе половину шансов.

— В каком смысле? Что я должен сделать?

— Пока только слушать. Ты очень любишь Алену?

— Да!

— А Павлика?

— Да!

Томительная пауза.

— Выбирай.

— ?!

— Пять секунд на размышление. Кто из них вернется — зависит от тебя. Про второго забудь. Пять секунд, время пошло.

— Не надо! Я отдам все! Сделаю все, что попросите!

— Один.

— Я же вас потом найду...

— Два.

— Возьмите меня вместо них!

— Нет. Три.

Отнимается язык. Отнимаются мысли.

— Четыре.

Мир сузился до размеров точки, грозящей взрывом. Взрыв разнесет в клочья голову и сердце — новый Большой взрыв, уничтожающий прошлую Вселенную и рождающий новую. Мир без Кирилла. Потому что — зачем?

— При «пяти» подписываешь приговор обоим, — вставляет голос.

Соленый туман.

Чугун на плечах.

Дрожь и пустота.

- - - -

Дом, милый дом!

Опухшие блины некогда симпатичных рях глядят на него с упреком: бросил, гад? Прохлаждался, пока здесь от тоски и безденежья помирали?

«Родненькие вы мои...» — умиляется Врац, входя в тепло привычности.

Добрался. Денег хватило только на электричку. Позор.

Зато цел. Развязать руки проблемы не составило, он склизкий, как водный змей, и гибкий, как пиявка. А вот без шапки плохо было, едва не окочурился. Выдержал. Здравствуй, родная столица, дорогая моя Москва.

Придется придумывать новый способ заработка. Не девочки и не шантаж. Он уже понял — не его это. Хватит. Чтоб еще раз в такие приключения... Куда-то из дома... Да ни ногой.

Как же хорошо дома!

Грохот. Панический визг здесь и вылетевшая дверь там. Вламываются два гибрида гамадрила с гиппопотамом и берут его под белы ручки:

— Врац?

Когда тело трясется — голова кивает.

— Бери все, чем грозился одной прелестной девушке, и побыстрей. Ждать не любим, забывчивости не простим. Поедешь с нами.

«Ох, Эсмеральда... А думал — удача».

— К-куда? — Он суетливо собирает снимки и документы, понимая, что эти шутить не будут.

Они смеются:

— Далеко. В один прекрасный маленький город, где серьезные люди хотят задать тебе пару вопросов.

Мышцы обмякают и превращаются в безвольные тряпочки. Словно в надутый воздушный шарик — нагретым паяльником.

- - - - -

Рай близок. Перед глазами. Но эти двери закрыты для него.

Пристроиться к створкам и протискиваться, протискиваться, немея от причащения к божественному...

Ох, как трудно перебороть. Рано. Подождать всего день...

Часть 5 Ночь с субботы на воскресенье

— Стоп! Чего еще? Только не говори, что финансирование закрыли.

— Стрельников не придет. Занят в другом месте.

— Насколько занят? Обещал! У нас контракт!

— Там платят больше. Намного.

— Капец. То Выжигалов, то Стрельников...

Взгляд падает на временно взятого уборщика.

— Эй! Хочешь заработать?

Счастливое лицо малооплачиваемого мигранта каждой мышцей кричит, что, несомненно, да!

— Сценарист! Переписывай роль Стрельникова под лицо кавказской национальности.

Так даже колоритней получится.

Сценарист с сомнением смотрит на подбоченившегося таджика:

— Какой из нашего Амирджона кавказец?

— Замечательный! И нос нужный. — Режиссер поворачивается к Амирджону: —

Скажи: «Иды суда».

— Иды суда.

— Класс! Чего остальные встали? Работаем, не отвлекаемся. Все проблемы решены.

— А национальный вопрос? Нас со свету сэживут, клип с ротации снимут.

— Какой такой национальный вопрос? Где? Потому что роль Стрельникова у нас отрицательная?

Взгляды разбегаются. Сценарист тоже отводит глаза:

— А в Штатах давно кино без хорошего черного или желтого невозможно. А если с плохим — себе дороже. Даже автобиографичное и историческое. Полный маразм, но в этом плане мы им в зад дышим. Уже почти воткнулись. Лучше перестраховаться.

Режиссер негодует:

— Перестраховаться?! Значит, если сделать роль стопроцентно положительной — с точки зрения политкорректности все станет нормально?

— Конечно.

— И это называется политкорректность? Дурдом. Ладно, смягчи, как сможешь, перепиши в положительность... но не перестарайся. Сделай из него нормального человека, с достоинствами и недостатками. Чтобы как в жизни, а не в мозгах депетутов. Сделаешь?

— Попробую.

— Не попробуй, а сделай.

— Ко мне? — предлагает Леонид.

До дома далеко и незачем. Алекс соглашается. Утром все равно в офис, от приятеля получится ближе. Завтра у Лиги событие. Нужно что-то предпринять. Выследить, проникнуть, подсмотреть. Лига охотится за ним, потому что он охотится на Лигу. Круг. Кто разорвет первым — выиграл. Проигравший плачет.

«Слава хроническим неудачникам, на фоне которых ваше ползание выглядит полетом» — сказал классик. Вот тебе и полет.

Вспоминается про севший планшет. Без интернета — как без рук. Вокруг все давно ходят со смартфонами, но Алекс однажды разбил хлипкий аппаратик прямо в момент операции, когда важнее связи ничего не было. Теперь для звонков он использует особую модель — хоть в лужу кидай, хоть в качестве молотка используй, ее ничего не убьет.

Пока Алекс подключает планшет к зарядке, звонит его неубиваемый сотовый.

— Слушаю.

— Только не падай, — загадочным тоном произносит Дым, тоже любитель работать не для отмазки, а до результата. — У Горской выявился любовник. Я через уволенную домработницу узнал. Распечатка звонков подтвердила.

— И что?

У многих любовники. Не повод настолько удивляться. Значит, это кто-то из тех, кто на слуху.

— Никогда не догадаешься кто.

— Ладно, сижу, не упаду.

— Гаджиев.

— Кто? — Алекс не знает такого.

Дым информирует:

— Президент риэлтерской фирмы «Провинция», прямой конкурент Горского. — Тянется недолгая озорная пауза. Дым доволен произведенным эффектом. — Удивил?

— Удивил.

— Я сразу выяснил, что после исчезновения Горского они еще не встречались, а сам Гаджиев сейчас дома. Я видел, как он входил. Свет в окнах потушен. Наверное, спит.

— Ты там рядом, что ли?

— Да. Поговорить?

— Я сам. — Алекс смотрит на часы. — Но уже утром. Телефон Гаджиева на прослушку поставил?

— Как только узнал. Ничего подозрительного. Из дома никому не звонил, и ему пока тоже никто.

— Спасибо. Отбой.

Не дает покоя вопрос, куда мог исчезнуть Кирилл. Если бы его взял кто-то заинтересованный в деньгах или благодарности Сыча, Алекс уже был бы осведомлен. Кто же тогда? Те, кому коммерческий директор «Риэлтинга» нужен не меньше, чем Сычу — другие крупные дольщики?

Необходимо составить список и проверять в зависимости от вложенных сумм и исходя из личности потерпевших. Кстати, похитить ребенка тоже могли они, если, подобно Горскому, заранее узнали о планирующемся наезде на фирму. И Алену могли они же. Список есть в полиции у следователя в изъятых документах. Но до понедельника ничего не сделать.

Нет, не вариант. Заявленная сумма выкупа смехотворно мала. Уже это настораживает.

Теперь надо подумать, как в закрутившихся событиях замешана небезызвестная «Провинция», не отличавшаяся особым пиететом ни перед законом, ни перед совестью.

- - - - -

— Не понимает опасности. И ведет какую-то неизвестную игру. Я боюсь.

На лице написано: не за себя. И не за него. За всех.

Сыч стучит пальцами. Глаза бегают. Останавливаются на Жанне:

— Еще что-то?

Она решает быть честной до конца. Дать половину правды — получить половину помощи.

— Матвеев передавал Акимову деньги.

— Много?

— Вот столько. — Показывает пальцами.

Сыч не удерживается от смеха.

Жанне не смешно. Признание далось трудно. Но у каждого своя голова на шее. Кто-то должен оказаться умнее и не взваливать на плечи причину будущей грыжи.

— Не думаю, что он затеял что-то против фирмы, — настойчиво повторяет она. — Скорее, переоценил личные силы.

— И нарушил субординацию. — Сыч думает серьезнее, но не все нужно говорить вслух. Вслух можно итог: — Проверим. — Он нажимает на телефоне кнопку техотдела. — Отследите все телефоны Алекса Акимова.

— И Матвеева, — добавляет Жанна.

Удивленный взгляд Сыча сменяется пониманием.

— И Матвеева, — распоряжается он. — Результаты мне на стол. Немедленно.

— Все? Даже снятые с пеленгации?

— Снятые — особенно!

Звонит личный мобильник, Сыч прикладывает его к уху:

— Петрович? В такое время — значит, с новостями. Слушаю внимательно.

— Если сначала новости... — кричит собеседник. — Моя Ритка двумя твоими гавриками заинтересовалась. Просила всю подноготную собрать. Я собрал, но решил предупредить.

— Твоя Ритка?..

— Не шуткуй, не в том смысле заинтересовалась, — недовольно бурчит полковник. — Чем-то они ей насолили. Может, вели себя неподобающе. Смотрели не так. Или подрезали и не извинились. Не знаю. Но чем-то обидели.

— Кто?

— Некие Алекс и Леонид. Поговори с ними, чтобы обходили мою благоверную за три версты.

— Считай, что уже сделано. А насчет не новостей что имеешь в виду?

У полковника вырывается похотливый смешок:

— Полгода прошло, а до меня только сейчас слухи дошли, как тебя на работе с днем рождения поздравляли.

— Пустое. Это именно слухи.

Сыч усмехается про себя. Слухи? Для кого слухи, а для кого...

Конец лета. У него очередная паспортная дата. Обычно не празднует. И необычно не празднует. А тут... Утром он вошел в кабинет и через спикерфон попросил секретаршу принести кофе. Пока — все как всегда. Но дальше...

Входит Жанна. С подносом, на котором дымит ароматная чашечка. Сзади, в щели не до конца закрытой двери — с десяток возбужденных глаз, судя по тем, кого узнал — женских. И как только разместились таким аккуратным столбиком? Ведь чувствуют, мерзавки, что сегодня тот единственный день, когда за это ничего не будет. Не потому, что у

него особая дата или хорошее настроение. Просто ситуация аховая. Такого еще не было. И, кстати, вряд ли еще будет в этой жизни. Он реалист.

Ибо Жанна в его кабинете — топless. Исключительно для него.

Она ставит поднос на стол. Поздравляет. Улыбается. Бесподобное зрелище. Положенные случаю общие слова с пожеланиями заканчиваются заявлением, что вся женская часть коллектива тоже хочет поздравить любимого шефа.

— Да? — Он поднимается навстречу, не зная, радоваться происходящему или опасаться.

— Очень хотят, — повторяет ничуть не комплексующая проказница.

Сегодня все открыто именно для него, и он бесцеремонно смотрит. И она не возражает. Это похоже на сон.

До сих пор ему перепало увидеть только по работе, когда он случайно, намеренно или в силу необходимости оказывался рядом. Красноглазые чудеса открывались исключительно ради дела, ради достижения результата. В необходимых случаях они демонстрировались обрабатываемым клиентам, и Сычу в этот момент приходилось наблюдать за реакцией клиентов, а не за зрелищем. Сошествие ангела на землю для него оставалось смазанной картинкой, потому что мысли были в другом месте — работа есть работа.

В этот раз все не так. Жанна берет его под руку и ведет к двери.

Приникшие к щели бросаются врассыпную. Жанна не торопится, позволяя всем добраться до своих мест. Она медленно выводит Сыча наружу и устраивает экскурсию по кабинетам.

Части тела бунтуют и начинают жить собственной жизнью. Сквозь ткань рукава локоть чувствует прижавшуюся мягкость, берет верх над сознанием и объявляет себя главным. Глаза не согласны. Они хотят побороться за первенство, и у них не менее бронебойные доводы.

Мужская часть офиса куда-то испарилась. Даже не хочется знать куда. Представительницы прекрасной половины восседают за столами с таким же, как у секретарши, неприкрытым очарованием. С приближением начальства каждая встает и с приличествующими событию выражениями приседает в милом книксене. Сыч очарован и покорен.

Зачинщицей веселого безобразия, как позже выяснилось, явилась именно Жанна. Уговорить всех (включая тех, кто собственным видом недоволен) — это из области фантастики. Придумать, решиться, заставить решиться остальных (всех до единой!), организовать, обеспечить прикрытие, чтобы никто не побеспокоил... На такое способна только она, специалистка по невозможному.

Как позже по секрету сообщила организаторша, большинство сотрудниц боялись не столько оголиться, сколько огласки. Здание офиса наштиговано электроникой — чтобы ни одна мышь не проскочила, а проскочившая была опознана и найдена по горячим следам. Мужчины на утреннем празднестве отсутствовали (Жанна выгнала их взащей до особого аспоряжения), но какое-нибудь устройство (помимо официальных, которые Жанна сразу проверила) могло записать происходившее. Сычу пришлось выступить перед коллективом с угрозой:

— Если хотя бы одна утренняя запись выйдет за пределы здания, ее обладатель получит на памятник вторую дату.

И ничего не вышло. Но слухи...

Разговаривать людям не запретишь.

Сыч вернулся из приятных воспоминаний.

— То есть, это неправда, что твоя Жанна подбила всю женскую половину?.. — твердит свое полковник.

— Ерунда.

Но на душе приятно. Однако, похвались таким перед озабоченными упырями — со свету девчонок сживут. Извините, господа, но это мое стадо, и я его.

Некстати выясняется, что отсутствующий по уважительной причине взор Сыча все это время буравил грудь секретарши. Чертовка. Когда-нибудь окончательно сведет с ума старого волка. Нужно, нужно сходить куда-нибудь в теплое местечко под теплый бочок... сбросить напряжение...

Но Жанна... Молодец девчонка. Решилась, рассказала, не стала брать грех на душу. Он, конечно, подозревал, что с бригадиром Акимовым ее что-то связывает во вне рабочее время. А то и в рабочее. И если действительно связывает...

Молодец. Вся в отца. За такими будущее.

— Про мою просьбу не забудешь? — Полковник понимает, что тема закрыта.

— Я же сказал, Петрович: как только увижу, сделаю внушение. Совсем распустились.

— Отлично.

Разъединились. Жаль, что новости касаются исключительно собеседника, а к делам Сыча не относятся. Он надеялся на другое.

Настольный аппарат оживает громкой связью:

— Личные телефоны Матвеева и Акимова запеленгованы. Находятся в одной машине.

Попались, голубчики. Сыч, с радостью:

— Где?

— Двигутся по Гагарина в сторону центра.

— Перехват!

Над грудью, к которой бездумно вернулся взор, вспыхивает лицо Жанны:

— Борис Борисович!

Переживает, однако.

— Разберемся. Виновных накажем, невиновных пожурим. Все сделаю как надо, ты же знаешь. Верь мне.

Ей только и остается, что верить.

Но ей, как и ему самому, известно, что «как надо» может быть разным.

- - - -

Ночь с субботы на воскресенье, 2

Или — или. Невозможно. Только вместе. Выбирать... Как?! Секунда растягивается, вся жизнь пролетает перед глазами.

Алена, Сын. Сын. Алена. Неприемлемо. Бесчеловечно. Нельзя.

Выбрать сына — потеряет Алену. Смысл жизни. Счастье. Любовь. Будущее. Жизнь.

Выбрав Алену...

Алена не простит такого выбора. Не простит не сразу, а потом, когда спокойно все взвесит, обдумает и поймет. Она мечтает о детях. От него. А он...

Она не простит. Никто не простит. И он сам себя не простит.

Выбор есть — но выбора нет. Прости, Алена. Прости, счастье. Прощай, жизнь.

— Выбираю сына.

Смех.

— Что вы сделаете с Аленой?

— Правильное решение. Мужественное и верное. Интернет под рукой? Запиши видеообращение к ней, что помочь ничем не можешь, просишь прощения и уходишь к другой. Адрес сейчас скинем. И обещай... гм, поверим на слово, тебе деться некуда. Поэтому просто пообещай, что не будешь искать. Ни нас, ни ее. Готов?

Трудная пауза.

— Да.

— А вздумаешь привычно соврать — вспомни о сыне. Ему еще жить да жить.

— Понимаю.

— Замечательно. Пиши и отправляй. Поверит — останется жива.

-- --

— Лиза?! — Услышав, кто нежданно пришел в гости, Кристина нажимает кнопку домофона. — Входи.

Время позднее, но она еще не легла — засиделась перед зомбящиком.

— Привет еще раз. — Лиза входит в квартиру, раздевается, осматривается. Первый раз здесь. — Завтра подсчет результатов...

Кристина смотрит на часы:

— Уже сегодня.

— Да, сегодня. Не хочешь заработать очко совместно?

— Ты в отношении... — она вспоминает последний телефонный разговор.

— Именно. Мне поручили его же. Черный уровень — это опасно. Нужно выключить «объект» из игры на время или навсегда.

— Навсегда — это нулевой уровень. Но его еще никогда не было.

— А ты смогла бы?

Плечи Кристины неопределенно вздергиваются.

— Вот именно, — говорит Лиза. — А черный уровень подразумевает многое. Допускает даже переход в нулевой.

— И что же ты предлагаешь?

-- --

Они так и говорят в прихожей.

— Рассуждаем логически. — Лиза пришла не зря. Она все обдумала, пока ехала в такси, и заставила водителя вновь менять маршрут. Вместо дома прибыла к Кристине — Наш «объект» не женат. Постоянной подруги нет. Значит, простая фиксация его сторонних сексуальных подвигов, даже если они богаты извращениями...

— Не богаты, — вставляет Кристина.

— ...Результата не даст, — закончила Лиза.

— Что предлагаешь?

— Действовать вместе и прямо сейчас. Ты заманишь его к себе или ко мне... он же тебе доверяет?

— Он со мной спит, не больше.

— Этого достаточно. Значит, пойдет.

— А если он прямо сейчас — с другой?

— Ты же сказала, что ночью вы...

— Сказала, ну и что? Это был один раз. Ни его возможностей, ни appetитов, ни особенностей и предпочтений пока не знаю.

Казавшийся безупречным план получил первую пробоину.

Утверждение сценариев требовалось лишь от новичков и по отношению к «бывшим» кандидатам в Лигу. Для бывалых членов, тем более в отношении «особой» категории (если никаких специальных требований к операции не предложено), приветствовался хорошо продуманный экспромт. Руки развязаны. А срочность... Кристина не понимает. Как объяснить ей, что клиент в любую секунду может быть предупрежден? Своих ошибок Лиза раскрывать не собиралась.

Кристина задумывается:

— И что ему скажу?

Всплывают варианты новой компаньонки, которая оказалась со вторым дном, и Лиза предлагает:

— Я — твоя несчастная подруга, которой срочно требуется хороший нежный терапевт. Чтобы такой ходок да не клюнул — не верю.

— Клюнет. — Кристина согласна. — А если он не поедет, а, скажем, пригласит к себе?

— Поедет, — смеется Лиза. — Можешь показать мою фотографию.

— Допустим, приехал. Дальше?

— Напоить. Добавить кое-что в выпивку. Вдвоем проще, одна сможет отвлекать. Потом накачать снотворным или чем-то покрепче.

— У тебя есть?

Лиза выразительно хлопает по своей сумочке и продолжает:

— И связать. Нейтрализованный, до бала уже он ничем не помешает, а после согласуем, как с ним поступить дальше. Смысл «особой» акции — выключить объект, чтобы не нанес вреда, так? Мы свою часть работы сделаем, то есть мы — в шоколаде, а дальше пусть решает и действует Комиссия.

Кристина что-то прикидывает, и ее сомнения понятны: старый знакомый, везти к себе, вязать, оставлять...

— Поедем к тебе, — подытоживает она свои размышления. — Когда он отключится, я уйду. Ему потом про меня так и скажешь, что я ни при чем.

— Он тебе нравится? Хорошо, дальнейшее беру на себя. Звони.

Кристина набирает Леонида. Недолгое ожидание.

— Да, мой цыпленочек. — Леонид в своем репертуаре.

Во всяком случае, он не с другой, иначе вел бы себя скромнее. Кристина начинает:

— Не знаю, как объяснить... Необходима твоя помощь. Как мужчины.

— Гвоздь вбить, мебель переставить?

— Лучше.

-- --

— Тогда уже лечу. — Леонид смотрит на Алекса и шепчет, прижимая микрофон ладонью: — Сам у меня сегодня перекантуешься? Вот ключ, перекусить найдешь в холодильнике. Я, наверное, до утра. — Получив знак согласия, он продолжает в трубку: — Ты где, солнышко? Дома?

— А ты?

— Пока далековато.

— Где?

— Около концертного зала, куда мы недавно ходили.

— Оставайся там, мы с подругой сейчас подъедем.

— С подругой?!.. — Леонид прикусывает губу. В подсознании просыпаются чертики, начинают кривляться и баловать с воображением. — Что за подруга?

— Тебе понравится. Это у нее проблемы.

Боясь обидеть едва обретенную любовницу посторонним интересом, он вкидывает сквозь мечтательную пелену:

— Звучит заманчиво.

Ответ не заставляет себя ждать, и он бесподобен:

— Больше, чем думаешь.

-- --

Лиза следит за разговором со стороны. Ее интересует только результат.

Бросив в телефон последнюю фразу, Кристина отключается и оборачивается:

— Поехали.

— Я-то готова. — Лизе собираться не надо.

Из полного шкафа вещей Кристина выбирает вечернее платье. Оно длинное, но легкое, совсем не для зимы. Зато это платье великолепно подчеркивает фигуру — выделяет достоинства и скрывает недостатки. Кристина хочет произвести впечатление. Лиза тоже хочет, но больше, чем на внешность, полагается на обаяние и то, что под одеждой. Мужики встречают по одежке, но лишь пока не разглядают того, что под ней. И взгляда, который над ней. К тому же, Лизе не требуется скрывать недостатков, у нее их нет.

В прихожей Кристина облачается в шубку и долго думает, надеть ли кольцо и золотой браслет. Ограничивается сережками и одним кольцом.

— Ночью в нашем районе опасно, — говорит она, пряча голову в пушистую песцовую шапку. — Газовый баллончик есть?

— Не только. — Лиза мыслями далеко впереди.

Она достает мобильник и вызывает такси. В этом отношении сегодня выдался весьма затратный день. Ничего. Ей надо реабилитироваться, а это стоит любых денег. И то, что Кристина в самый решающий момент самоустранится — огромный плюс.

Игнат Камбала в смятении. Его люди переминаются с ноги на ногу, ждут. Ночь, офисных работников нет, и он, как бригадир, оказался за старшего. Вторая бригада уехала на захват. Босс с секретаршей уединились в кабинете. Можно ли побеспокоить?

Слухи бывают в любом коллективе. Здесь все упорно связывают имена Бориса Борисовича и Жанны. Босс ее настолько приблизил... Неспроста же. Вспомнить хотя бы его день рождения, о котором тоже слух на слухе и слухом погоняет.

Игнат неверующий, но прежде, чем решиться, перекрещивается. На всякий случай. Затем, после трехкратного стука в дверь, он слегка приоткрывает ее и сообщает в маленькую щелочку, сам оставаясь сбоку и размазавшись по стене:

— Алексу прибыла посылка из Москвы.

— И что?

— Живая.

Здесь любому станет интересно.

— Ну-ка... — Сыч направляется в холл.

Жанна преданной собачкой выходит за ним.

— Врац, — представляет Камбала обмякшее нечто.

Сыч видит, что подчиненный чересчур взвинчен. Глаза косят. Чуть-чуть навеселе. Это после извлечения со дна машин, в которых ничего не нашли.

— От наших друзей из столицы, — прибавляет Камбала. — По запросу Акимова. При нем было вот это.

На пустующем столе секретарши лежит стопка фотографий.

Сыч начинает со снимков. Нескромные, но без особых изощрений. На всех изображена одна и та же девушка. Такие фото люди сами с гордостью в сеть выкладывают: вон мы какие иногда бываем, что творим!

— И что? — Сыч не понимает. — Как Алекс формулировал запрос?

— Привезти для выяснения причастности к покушению и похищениям.

— Каким похищениям?

Память подкидывает подзабытый факт: Алекс говорил, что занимается поисками женщины и ребенка. Вместе с Матвеевым исчезли невеста и сын.

— Фото Алены Агеенко мне, — летит обступившим помощникам.

Когда протягивают добытое из досье изображение, Сыч сравнивает его со снимками из Москвы.

Одно лицо. Или почти одно. На московских фото девушка намного моложе.

Железная рука встряхивает стонущего Враца:

— Есть хорошая африканская пословица: «Можно добиться всего, если говорить спокойно, а в руке держать большую дубинку». Размер моей дубинки представляешь?

Многочисленные кивки сообщают, что московский гость в курсе, куда попал, и догадывается о возможной судьбе в случае, если сотрудничества не получится

— Говори. Все, что знаешь. И чего не знаешь, но догадываешься.

— Ничего не знаю. Ни к чему никаким боком. Просто хотел заработать на прошлом этой девицы.

Врац повествует о своих злоключениях.

Сыч внимательно выслушивает полную подробностей исповедь.

— Уберите.

Он указывает подчиненным на «посылку».

— В подвал? — Врача тут же хватают под руки.

— Имеются варианты?

Фраза уже вылетела, но Сыч вдруг понимает, что варианты имеются. Еще грохнут беднягу ненароком.

— В подвал, — уточняет он. — К сегодняшним друзьям из «Лады». Тоже до понедельника, чтоб, если что, был под рукой.

Братва начинает догадываться, что «если что» относится к бригадиру Акимову. Возможно, уже бывшему.

Звонит стационарный. Жанна привычно принимает звонок:

— Офис.

Некоторое время она слушает в установившейся тишине и, наконец, передает трубку Сычу:

— Сообщение от ребят с перехвата.

- - - -

Она лежит головой в подушку. Если мощность обогревателя уменьшили, то ненамного. Жара навалилась с новой силой. Жуткая влажность. Стены вновь отсырели.

Что имелось в виду под «Уже не пригодится»? Что произойдет в ближайшее время?

У люка снова шаги. Тяжелые, мужские. Кажется, он же.

Она быстро одевается. Чуточку подсохший халат на чистой коже смотрится вполне достойно. Волосы не причесаны, но лежат ровно. Пот еще не выступил. Алена чувствует себя намного уверенней, чем в прошлый раз.

Пришли кормить. Корзинка на веревке спускает привычный уже рацион и записку.

«Кирилл отказался платить выкуп».

Глаза видят, мозг не понимает. Алена перечитывает еще раз. Еще. Отказался? Кирилл?!

Буквы расплываются и сливаются. На лист что-то капает.

— Сколько вы просили? — слышит она свой одеревеневший голос. Срывающийся голос. Пропадающий голос.

Мужчина сверху скрипит фломастером по заготовленной бумаге. На опущенном вниз листке сумма:

«10.000\$».

— Он отказался?!

Перед глазами все плывет. Ноги подгибаются. Мужчина хватается за лестницу, чтобы помочь, если упадет.

Она удерживается. Лестница исчезает.

Новое сообщение:

«Есть кто-нибудь, кто заплатит вместо него?»

Обреченный выдох однозначен:

— Нет.

Люк захлопывается.

- - - -

Приятеля, который в один миг превратился в «особого клиента», нигде не видно.

Кристина командует водителю:

— Это где-то здесь. Можно проехать еще немного? О, видите машину? — ее палец указывает вперед. — Остановите ближе к ней.

Им повезло. Двух дамочек, среди ночи отправившихся за приключениями из не самого благополучного района, на первом этапе приключения не настигли. Лиза и Кристина дождались сообщения, что такси прибыло, спустились, добежали через заснеженный двор до машины, запрыгнули в теплый салон. Довольно быстро — при почти полном отсутствии движения на дорогах — их домчали до нужной точки. Они уже почти подъехали...

— Смотри! — толкает Лиза Кристину под локоть, хотя она тоже не слепая и все видит.

Одновременно с ними к одиноко скупающему автомобилю подруливают два стальных динозавра угрожающего вида. Из всех дверей отработанно вываливаются хорошо известные по передаче «Криминальные вести» крепкие фигуры. Один из амбалов подходит к остолбеневшему водителю некстати подрулившего такси, но, увидев сзади симпатичных пассажирок, меняет направление взгляда и обращается именно к ним:

— Девчонки, сейчас тут будет жарко. Езжайте от греха подальше.

Просьбу, высказанную девушкам, без размышлений исполняет таксист. Лиза едва успевает заметить в окруженной машине лицо своего «особого объекта». Как близка была возможность победы...

Громила задумчиво глядит вслед. Где-то видел этих барышень. Не может вспомнить. Лица с фото из досье плохо запоминаются. Хоть и штудировал дело Матвеева буквально перед выездом.

- - — -

Ночь с субботы на воскресенье, 3

Приятель попросил Алекса постоять у концертного зала. Глаза у Леонида горят, пульс учащенный, дрожь во всем теле. Все признаки больного. Ничего нового, Алекс часто видит его таким. Симптомы предвкушения невероятного приключения.

Пусть покуролесит, тогда некоторое время мысли вновь сосредоточатся на работе. Когда мозг у Леонида работает, ему цены нет.

Ночной город сверкает огнями фонарей, реклам и светофоров. Снег делает тьму светлой и цветной. Алекс сидит за рулем, Леонид — справа от него. Алекс уже позевывает.

Рядом, всего в нескольких метрах, останавливается такси. И еще, кроме такси, две машины со знакомыми номерами. Далее — ощущение взорвавшейся хлопушки, где вместо конфетти — люди в кожанках, и у всех будто бы болят спины в районе поясницы или левые подмышки, которые они придерживают правыми руками. Автомобиль мгновенно обсыпан ими, как кость вороньем.

— Где Матвеев? — раздается в окно.

— Нет здесь никакого... Почему...

Нахлынуло понимание. Алекс достает трубку Кирилла:

— Из-за этого?

Лица окруживших опускаются, пыл куда-то уходит.

— Нам сказали, что в машине Матвеев.

Старший звонит в офис:

— Группа перехвата. Бориса Борисовича, пожалуйста.

- - - -

Теперь слушает босс. Губы вытягиваются в струну.

— Возвращайтесь. — Он кладет трубку.

Интересно получается. А больше всего интересно, что один из ребят пусть поздно и с трудом, но узнал девушку в такси по соседству с захватываемой машиной. Говорит — та же, что недавно следила за офисом. Вторую тоже где-то видел.

Свести все мысли к одному знаменателю не получается. То ли Алекс шалит, то ли, наоборот, кто-то за него столь плотно взялся, что не проверять его нужно, а спасать. Что, собственно, и предлагала Жанна с самого начала.

Технический отдел вновь докладывает:

— Проверили еще один номер Акимова.

Сведения насчет него им подкинул Сыч. Зарегистрирован, конечно, на мертвую душу, но Сыч всегда перестраховывался. Он обязан знать о своих сотрудниках больше, чем им мечтается. Как спят, чем в туалет ходят, какие запасные средства связи имеют.

— Только что включился. Направляется сюда, — комментирует техотдел наблюдаемое на экране. В одной машине с нашими ребятами, которые прочесывали тот район.

— Прекрасно. — Сыч потирает руки. Значит, все-таки взяли красавца. Не одни, так другие.

Мысли крутятся вокруг «предательства» лучшего из бригадиров. То, что Акимов в нарушение приказа поддерживал связь с Матвеевым, было плохо для всех. Очень плохо. Любые игры в обход начальства недопустимы. Нужно придумать, как наказать

проштрафившегося бригадира, чтобы остальным неповадно было. Наказать нужно эффектно... но не слишком больно для самолюбия Алекса. Чтобы не ушел. Он один стоит сотни более боевых, но не столь принципиальных.

— Привезли, — сообщает охрана.

— Ждем, — подтверждает Сыч.

Входят. Вносят.

— Вот.

— Что это?

— Вещи из «Лады». Пуховик и шапка. В кармане найдены вещи.

На кожаный офисный диван выкладываются деньги, документы Матвеева, сотовый телефон («Был севший, мы подключили», — объясняют нашедшие) и записка с адресом.

— А сам где?

— Кто?

Сыч в ауте.

Телефон. Не Матвеев, а только телефон. Опять.

Сыч давит на настольном аппарате кнопку техотдела:

— Быстро проверить адрес.

- - - -

Кристина вновь набирает Леонида:

— У тебя все в порядке?

— Конечно. Вы где?

Она смотрит на Лизу: что сказать? Шепчет, зажав трубку ладонью:

— Может, сразу дать ему твои координаты? Он уже на крючке, никуда не денется.

Лиза помнит — клиент опасен. Как для Лиги в целом, так и для тех, кто берется за его нейтрализацию. Лучше подстраховаться. Диктует.

Кристина повторяет в трубку, затем удивленно оглядывается:

— Ты ведь живешь в другом районе?

— Там тоже установлена камера, а условия лучше.

Кристина пожимает плечами. Водитель несется по новому адресу.

— Знаешь, — осторожно говорит Кристина, когда почти подъехали. — Давай, ты сама?

Справишься?

Лиза ухмыляется:

— Не хочешь подставляться?

Кристина не обижается:

— Не хочу.

Ее на «слабо» не взять. Лишние неприятности ни к чему, у нее ребенок. Заслуг перед Лигой и так достаточно.

— И это «особое» будет записано только на меня?

Нежные руки Леонида... Ласковые слова... Кристина так соскучилась по искреннему участию и простому человеческому счастью.

— Да, — подтверждает она.

Лиза довольна:

— Прекрасно. Тогда — до завтра.

Кристина отбывает в том же такси.

Прибыв на место, Лиза переодевается, прихорашивается и подготавливает квартиру. В ожидании вновь просматривает досье.

Какой же ты, Алекс? Почему тебя так боятся?

- - - -

Прошло менее получаса, а результат уже на руках. Помогла всеобщая мобилизация, когда свои люди везде, и остается лишь быстро и четко ставить задачи. Докладывает Камбала, шурясь и лоснясь от удовольствия:

— Адрес с записки — обычно пустующая съемная квартира, но говорят, что недавно кто-то был. Пришлось искать и будить хозяев. Узнали имя и телефон нынешнего арендатора. Пробыли.

— Не тяни.

— Супруга начальника полиции.

Маргарита?! Сычу не верится. Обычно такая тихая, спокойная, незаметная жена Петровича?

Но это оказались еще не все новости этой ночи. Влетает только что вернувшийся сотрудник, продрогший до заикания:

— Взяли след Матвеева. Он в детском садике ошивался, потом отправился к одной из поварих или воспитательниц.

— Как узнали?

— Наводку дал дворник. Проверили уличные и подъездные камеры наблюдения окрестных домов, где имелись. Нигде Матвеев мимо проходил. Зато выяснили, кто живет в ближайшем доме. Воспитательница его сына!

— Группа выехала?

— Сразу же.

— Пожалуй, тоже поприсутствую, пока он тепленький. — Сыч начинает собираться. — Жанна, ты со мной?

Все взгляды как бы случайно устремляются на нее. Ночь. Шеф и секретарша. Банально, а потому почти достоверно.

Гладкие девичьи щечки вспыхивают:

— Нет. Я домой. Рабочий день окончен.

Неприятно, когда все считают, что есть что-то, чего на самом деле нет.

— Подожди. — Сыч останавливает ее. — Будет еще одно задание.

— Уже поздно.

— Ты такое любишь.

В глазах девушки — заинтересованный блеск и быстрая перемена настроения.

Сыч продолжает:

— Мы сегодня много узнали. Но узнавать задним числом — мало, нужно играть на опережение.

— Какова моя роль? — интересуется Жанна.

— Для начала придется навестить кое-кого еще разок.

— С одним условием.

Желваки танцуют гопака на скулах Сыча. Ему — условия?!

— Зайди-ка. — Он вновь отворяет дверь своего кабинета.

Жанна проходит за ним. Он запирает дверь.

— Запомни. — Он едва сдерживается. — Мне условий не ставят. Меня просят.

— Прошу прощения, неправильно выразилась.

— В присутствии посторонних — непростительно! — Обрушившийся кулак чуть не ломает стол. — Должна соображать!

Грохот слышен снаружи. Подчиненные ежатся и мечтают оказаться подальше.

— Не повторится. — Жанна тверда и серьезна.

— Так о чем ты хотела меня попросить? — возвращается Сыч к прерванному разговору.

Зная Жанну, он уверен — действительно, не повторится.

— Алекс.

Он понимает:

— Простить?

— Да. Он же делал это из лучших побуждений.

— Лучшие побуждения должны быть направлены в правильную сторону.

— Он тоже так считает.

Сыч ухмыляется:

— Почему защищаешь?

Догадки бродят давно, но хочется услышать собственными ушами. Тем более, что слежка результатов не дала. Но слежка за человеком, который большей частью сам учил следить тех, кто за ним следил, дело неблагодарное. Можно сказать, что результаты наблюдений подтвердили оба возможных варианта: что секретаршу с бригадиром ничего не связывает, и то, что кое-что все-таки связывает, но они слишком умелы, чтобы быть разоблаченными. Другими словами — слишком хороши в своем деле. Оба.

Они не просто хороши, они — лучшие. И на данный момент незаменимы. И он это знает.

Жанна думает почти о том же.

— Без таких, как Алекс, фирме не выжить. Мир изменился.

Выкрутилась, видите ли.

— Думаешь, не понимаю? — Сыч совсем успокоился. Перестав нависать над Жанной, он присаживается, пальцы начинают барабанить по столу.

Мотивы поступка Алекса лежат на ладони: очередная победа совести над здравым смыслом. Не втемяшить ему, что жизнь — точка на качелях между моралью и расчетом. Любой шаг в сторону — полет в бездонную пропасть, откуда нет возврата. Это как максимум. Как минимум — там лужа, в которую грохнешься задницей, оказавшись с краю обязанных находиться в равновесии качелей действительности.

Алекс — идеалист. Зато предсказуем. Такими легко управлять. Если правильно формулировать задачи, он превращается в совершенное оружие. Но вот — дало осечку.

Сам виноват, признается себе Сыч. Говорил с ним как со всеми. Алекс не все.

Можно отправить Алекса в ссылку. В видимость ссылки. Свои подумают, что наказан, а он там неплохо поработает. Интересных и сложных дел по стране хватает. Все будут довольны. Или...

Сыч улыбается уголками глаз. Почему бы не устроить дополнительную проверку? Все решится само и показательно для всех.

Он вызывает по телефону группу, которая собиралась брать Матвеева:

— Прибыть на место, рассредоточиться и смотреть в оба. Затаиться. Сообщить Алексу, и пусть захват осуществляет он.

Сыч весело глядит на Жанну. Она не улыбается. Ее взгляд косится на телефон.

Сыч качает головой: «Не вздумай». Вслух спокойно раздаётся:

— Теперь о том, что предстоит тебе.

- - - -

— Здравствуйте. Я приехал.

Лицо на экране домофона... не Алекса. Сердце Лизы ухает в левую пятку. Не Алекса, да. Но она его знает, видела на фото. Это бывший парень Жени, которая почему-то крутится в офисе Алекса. Вот так сюжет.

— Входи. — Она нажимает кнопку и сразу звонит Кристине:

— Как зовут нашего подопытного?

— Леонид.

Кристине, как и Лизе, не могло прийти в голову, что у них клиенты разные. Бывает же.

Кристина так ничего и не поняла. Она удивляется:

— У тебя же есть досье...

Лиза жмет «отбой» и расплывается в щедрой улыбке перед входящим.

Красив, чертяка.

— А где Кристина? — ищет он краем глаза, но именно что только краем, а основной интерес сосредоточен на выступающих частях встретившей его Лизы.

Как же он прост.

— Я за нее, — говорит она, поигрывая локоном.

На ней прозрачный пеньюар. Больше ничего. Все достоинства видны как на ладони.

Лобные морщины гостя собираются на совещание:

— В каком смысле?

— А в каком бы тебе хотелось? — Ошарашив, Лиза сразу предлагает: — Выпьем?

— М...можно.

Ого, даже заикаться стал. Хороший признак.

Видно, что Леонид и сам не промах, но сейчас он в ступоре. Наверное, привык к одному из двух: брать нахрапом или вымаливать, а тут его самого за рога — и в стойло.

Чувствуется почти физически, как прилипший ниже копчика мужской взгляд провожает ее в сторону спальни. Шуршание шагов сообщает, что Леонид пристраивается в фарватере.

Спальня подготовлена к randevу не хуже хозяйки. Расстеленная кровать. Мягкий свет торшера в тканевом абажуре с золотой бахромой. На тумбочке рядом с хрустальной вазой стоят бутылка вина и бокалы.

— Открой. — Лиза протягивает Леониду бутылку.

Пока он возится, она садится на край постели и медленно закидывает ногу на ногу. Клиенту нельзя дать опомниться и сформулировать возможные вопросы, поэтому Лиза говорит сама.

— У меня было горе. Я думала, что рехнусь. Поплакала подружке, и она сказала, что знает средство, и называется оно «Леонидин». Если принимать в крайних обстоятельствах, жизнь налаживается. Честно говоря, я не поверила, но как только ты пришел...

Лиза тянется к правому из стоящих на журнальном столике бокалов.

Ее пальцы на лету перехватывает рука Леонида, колючие сухие губы покрывают ладонь поцелуями и ползут по запястью вверх, почти до самого локтя. Вторая рука забирается под пеньюар.

Да, это не Кирилл. Даже, наверное, не Алекс. Работать с такими — одно удовольствие, они за тебя сами все делают.

— Не так быстро, ковбой, — смеется Лиза и пытается вырваться. — Говорю же, у меня горе. Было. Имейте совесть, мистер. Еще успеется.

— Хорошо, — согласно трясет головой гость. — Буду медленно и печально.

Он тянется к выключателю и гасит свет — и без того приглушенный.

— Подожди же, — смеется Лиза. Она поднимается и вновь включает торшер. — Давай все-таки выпьем...

Леонид уже у бокалов. Его спина перекрывает вид.

Лиза быстро заглядывает справа и принимает из его рук ближний бокал:

— За что?

— За тебя! — Прямой мужской взор блестит и туманится одновременно. — И за эту чудесную ночь! И за то, что «Леонидин» никогда не отказывает — принимайте как после еды, так и натошак, и рекомендуйте подругам!

— И чтобы прошлое не мешало!

— А вот это особенно хорошо! Чин-чин!

Терпкая сладость разливается по пищеводу.

— Потанцуем? — предлагает кавалер.

- - - -

Ночь с субботы на воскресенье, 4

Говорят, любовь — это болезнь, проходящая, если больные достаточно долго лежат в постели. Врут. Потому что — смотря с кем. С любимым — не проходит.

Алена стонет. Мечется по смятому матрасу, путаясь в полах халата. Забыла снять. Какая разница.

Он отказался. Ее Кирилл. До свадьбы оставалась неделя.

Невозможно. Но зачем похитителям врать? Сорвать двойной куш? То есть...

Она вскакивает, но тут же вновь садится на жесткий сундук. Перед глазами колышутся цветные круги. Голова трещит от усилий.

Возможно, похитители уже получили деньги с Кирилла и хотят еще?

Она падает ничком на матрас. Нет. Назови они сразу двойную, тройную, любую цену — Кирилл бы...

Кирилл — что? Нашел бы? Землю бы перевернул, но собрал?

Значит, не собрал. Не нашел. Не перевернул.

Снова шаги. Уже привычные, мужские. Скрип. Свет. Пародия на лицо. Корзинка вниз.

На этот раз не еда, а что-то громоздкое и угловатое. В корзине оказывается переносной проигрыватель видеодисков со встроенным экраном. Приложенная записка гласит: «Посмотри. И еще раз подумай над нашим вопросом».

Она включает и чуть не падает в обморок. Кирилл. Он смотрит в камеру. Глаза тусклые.

— Алена... — он едва выталкивает слова. — Извини. Ничем не смогу тебе помочь.

Алена задыхается. Кирилл без одежды. В чужой постели. На заднем плане видны женские вещи. Мало того — там успела мелькнуть женская фигура, одетая в домашнее.

— Прости, что так получилось... — долдонит несостоявшийся муж, — что пришлось сказать это вот так... Я уйду к другой. Когда-нибудь ты поймешь меня. Прости.

Запись закончилась.

Сверху опустили новый мини-плакат:

«Ну не сволочь? Что нам теперь с тобой делать?»

Мозг вдруг включается. Если никто не заплатит, выхода отсюда нет. Выкручиваться нужно самой.

Кто еще может собрать ради нее такую сумму? Друзьями-подругами не обзавелась. На работе коллеги таких денег в глаза не видели. Друзья Кирилла? Володя Горский? Володей, а не Владимиром Терентьевичем, он стал в первый же день знакомства, замучив комплиментами во время спонтанного танца. Буквально заставил называть на ты. И то, что произошло на следующей встрече, которой она так не хотела... и куда все же пошла, вняв нечеловечески-страстным мольбам о помощи... Вот и проявляй после этого сострадание.

Он обещал золотые горы. Цветами усыпать, на руках носить. Квартиру снял и говорил, что для нее. Врал, конечно. Но как же врал...

А все из-за Расула. О, кстати.

Алена оживает.

— Запишите, — сообщает вверх. — Владимир Горский и Расул Гаджиев.

Корзинка уносится вверх и вскоре возвращается. Снова с проигрывателем, без записи с Кириллом, но с несколькими комплектами батареек и стопкой других дисков.

Кино о любви. Много.

Слезы душат Алену. Рыдания. Истерика. Боль — долгая и почти смертельная. Кулаки об стену — в кровь.

Успокоение приходит нескоро.

- - - - -

Он преклоняется перед этим совершенством. Боготворит.

Ее глаза... Что скрывается за влажной поволокой этих закрытых сейчас небесных очей, чей взгляд так неумолимо притягивает, сладко щебечет и нежно шепчет, бесконечно много обещает, больно обжигает, рвет душу в клочья, крадет уносящееся сознание и бьет острием копья прямо в сердце?

Он не может без этих глаз. С каждой секундой погружения в них его засасывает все глубже и глубже, в них он вязнет, как в меде, утопает и, в конце концов, бьется головой о неожиданно податливое мягкое дно — и наслаждается собственной беспомощностью, с трогательным трепетным удовольствием покоряясь неизбежному...

Забыть слово «неизбежность». Теперь все в его руках. Получилось даже лучше, чем он надеялся. Еще несколько штрихов к картине, и шедевр будет готов. Жаль, никому не покажешь, не поведаешь. Что ж, не впервой.

Он смотрит на часы, скидывает балахон и прочее тряпье. Пора подчищать хвосты.

- - - - -

Она вышла, такси сразу умчалось. До подъезда — еще метров сто, ближе не дали подъехать сугробы и ночующие на улице машины соседей, сейчас тоже превратившиеся в сугробы.

— Гля, какая! — Взгляд ночного искателя легких денег и удовольствий сканирует окружающую пустоту двора.

Напарник замечает это:

— Если ты о том же, о чем и я...

— Ага.

Но Кристина видит. Точнее, чувствует. Чего боялась в собственном небезопасном дворе, настигло ее здесь.

Ноги сами несут вперед. Не зря. Две тени пускаются наперерез. У нее выигрыш и расстоянию и начальной скорости. До двери подъезда она доберется первой, но что потом?

Топот по снегу приглушен и оттого еще более злобен. Как быдто хрустят кости. Темнота, страх, опасность — сиамские близнецы. Разделяются только ножом хирурга.

— Помогите! — кричит она в ночи.

Ситуация однозначна. Ужас пробирает насквозь и вытесняет стужу. Зачем она изменила маршрут?..

— Сейчас поможем, — издевательски доносится от преследователей.

Пар изо ртов. Белые комья из-под ног.

Город спит. Он ничего не видит, ничего не слышит. Город привык к постоянным маленьким трагедиям, которые разыгрываются в его все переваривающем чреве.

- - - - -

Нежная рука опускается на плечо:

— Вышей.

Лекарство на блюдечке. Кирилл глотает. Мысли не здесь. Мысли в тупике.

Кто его сдал? Уютная воспитательница? Врач-выпивоха? Говорливый дворник? Просто заметили на улице и выследили? Впрочем, можно вычислить местонахождение через Ай-Пи-адрес компьютера, с которого он отправил электронную почту, это муторно, но реально.

А если пофантазировать, то возможны и другие варианты.

Какая теперь разница. Алена потеряна.

Преодолевая очередной приступ кашля, он еще раз проверяет почту. Зачем — не знает, на всякий случай. Чтобы чем-то себя занять.

Ответа от Алекса нет. Да нужен ли теперь?

Кирилл падает в постель и накрывается с головой. Не хочется показывать чужому человеку немужскую реакцию на потерю.

Всего лишь на секунду прикрыв глаза, он проваливается в давно и широко открытые ворота сна.

Облака. Умиротворение. Легкость.

Полет.

- - - -

Вместо дома Леонида Алекс едет в офис. Спать уже не хочется, сон куда-то ушел. Хочется узнать последние новости.

Кстати, о новостях. Странно, что так долго ни от кого нет сообщений.

Алекс клянет себя последними словами: севший планшет поставлен на зарядку, но не включен. Отвлекли звонками, и за ночными приключениями совсем из головы вылетело. Алекс нажимает кнопку питания, экран вспыхивает загрузкой операционки.

К этому моменту впереди уже вырастает здание офиса. Издали Алекс видит, как на поскрипывающую белизну улицы выползает бронированным брюхом могучий бегемот с трехлучевой звездой на носу. Из клетки ограды за ним выпрыгивает второй той же марки, повыше и поугловатее. За ними — резвая ухоженная кобылка Жанны. Вся тройка разномастно взрыкивает и растворяется в предутреннем сумраке.

На вахте дежурные доверительно сообщают — босс вне себя. И, кстати, хорошо, что Алекс пришел, его как раз вызванивают — ему оставлено срочное поручение.

— Что еще?

— Осуществить задержание.

Ознакомившись с подробностями, Алекс не сразу приходит в себя.

— Почему я?

— Вопрос не к нам.

— Там уже кто-то есть?

— Выехали. Сказали, будут ждать.

Алекс вздыхает.

— Еду.

Он вновь выходит на холод, заводит служебную машину, к которой начинает привыкать, но прежде, чем тронуться, смотрит в планшет.

«Объявился». «Срочно жду новостей». «Потерявший и потерявшийся».

Кирилл. Поздно. Его уже нашли.

Алекс отправляется по указанному адресу. Нужно как-то спасти Кирилла. Если тот попадет в Сычевы застенки, с него сперва шкуру спустят, а уж потом начнут разбираться за

что.

Алекс останавливается неподалеку от указанного места. Странно, никого из своих не видно. Может, еще получится отпустить попавшего в передрыгу приятеля, а потом что-то придумать? Сбежал, дескать, или еще что.

Хотелось бы, но нельзя. Уловки не пройдут. Теперь нужно встать плечом к плечу и вместе держать удар. В конце концов, жизнь человека всегда дороже денег, и если Сыч этого не понимает...

Прямо перед подъездом до Алекса доносится звук, который заставляет напрячься.

Только что спавший припаркованный автомобиль взрывается двигателем и практически прыгает с места в сторону заранее повернутых колес. То есть, прямо на Алекса, глаза которого не верят себе. Потому что за рулем и вообще в машине — никого.

- - - -

Тишина. Нервную полутьму нарушает лишь нескромное подглядывание уличного фонаря. Рядом — тихое размеренное сопение. Он больше не может сдерживаться. Не притрагиваться. Не пытаться. Уже не может. И.

Он протягивает и кладет жаркую ладонь. Всего лишь. Кладет ее, бесцеремонно и жадно, на выставленную в бессознательном неведении пышность — мягкую, чувственную, дремотно-нежную, полную временно спрятанных желаний и надежд на исполнение этих желаний. А затем...

...Бьет по ушам божественная музыка. Благодать снисходит на двигающееся в исконном ритме тело, свет рассеивает мрак, а воздух пляшет искрами благословенной радости.

- - - -

Черное и розовое... Пронзительное... Яркое... Проникновенное и знойное... Неопишное... Свет или тьма? Все вместе. Калейдоскоп красок, эмоций и образов. Никакого смысла, одни ощущения. Не очень понимая, где кончается странный дурман и начинается явь, непонятно потревоженная, она выплывает из безрассудной реальности сна... в еще более безрассудную реальность. Откуда-то из-за пределов мира, где только покой и счастье, что-то бесцеремонное стучится в тело и разум. Тревожа и волнуя, дергано раскачиваясь, оно тычется слепым щенком, ласково елозит, проскальзывает липким ужом, раз за разом вминаясь, втираясь, протискиваясь...

Она все еще спит. Как бы спит. Спит, но не спит. Не желает просыпаться. Продолжая посапывать, сонно ворочается, но вдруг резко подается назад, навстречу чувственной радости, и проваливается в жаркий сон-не-сон...

...И душит коварного победителя в тесных объятиях, и топит в овалциях...

И тут с нее слетают остатки сна. Почему?! Кто?!

С трудом поднятая голова поворачивается, глаза скашиваются назад...

— Привет, — улыбается лицо красного от натуги и донельзя довольного Леонида. — С добрым утром, красавица. Оно доброе, правда?

Лиза вне себя. Она пытается спихнуть узурпатора, но лишь раззадоривает.

— погоди, малышка. — В руке Леонида появляется пузырек. — Чем это ты собиралась меня угостить?

Все ясно, он подменил бокалы. Левый был обработан. Вот почему она ничего не помнит. Кажется, танцевали...

— Не рой яму другому — слышала поговорку? — бодрым тоном вещает Леонид. Он и не думает останавливаться. — Мама должна была с детства вдолбить.

Прозвучавший глагол сейчас кажется грубым и неуместным. Лиза морщится:

— Решил сделать это вместо нее?

У Леонида наготове оправдание:

— Извини, что без спроса, но я занялся именно тем, к чему меня так настойчиво приглашали.

Лиза гневно цедит:

— Мужики делятся на две категории: сволочь обыкновенная и сволочь необыкновенная.

Угадай, к какой из них относишься ты.

Она делает страдальческое лицо и изображает вызванную насилием ужасную боль. Взгляд косится на спрятанную камеру. Все пошло не так... но тоже неплохо. Опоил... Воспользовался... Оказала сопротивление... В мозгу напротив нового сценария рисуется плюсик.

Из прихожей доносится звонкий сигнал домофона. Оба поворачиваются к вспыхнувшему экрану. Леонид отвлекается от процесса:

— Кого это на заре нелегкая...

И падает, сраженный ударом прикроватной хрустальной вазы.

Крови не видно. Замечательно. Извернувшаяся Лиза выбирается, стараясь удержаться от улыбки, и связывает насильника ремнем халата. У нее получилось.

Экран домофона гаснет, не дождавшись реакции. Но все же — кто там? Лиза подходит и жмет кнопку, включающую обзор.

Вот же черт...

- - — -

Ночь с субботы на воскресенье, 5

«Дилинь-дилинь!» Сладкая музыка. Рваная музыка. Настойчивая музыка. Бесконечная надоедливая музыка, музыка, музыка. Сколько можно?!

Он осторожно приоткрывает глаза. Это же звонок в дверь. В чью дверь? Где он? Чужая квартира. Чужие вещи вокруг. Чужие фото.

Он в кровати. Пухлая рука поверх его плеч. Горячее тепло сзади.

Дикое смущение отдернувшейся молодой женщины:

— Прости. Это... чтобы согреть. Ты так кашлял... Я дала тебе снотворное, не думала, что кто-то... Ты бился... стонал... рвался куда-то... и только тогда успокоился. Прости.

Красная, как рак на рекламе пива, Марина вскакивает. Кирилл смущенно отводит взор. Крепко запахнувшись в халат, Марина бросается к двери, щелкает замком, открывает...

И с легким безумием оборачивается. На него глядят ее непомерно круглые глаза:

— Это тебя.

— Опять?

Дурной сон.

Бесцеремонно сдвинув хозяйку в сторону, вваливаются ребята Сыча:

— Приятно видеть в добром здравии. Думал не найдем? Собирайся.

— Я могу поговорить с Алексом Акимовым?

— Поговорить? — Они переглядываются. — Нет. Навестить в больнице — да. Насколько скоро — зависит от твоего поведения.

— Что с ним?

— Как обычно, — смеются они. — Не был бы паркурщиком, размазали бы миленького по стеночке, как ребенок комара.

— Кто?

— Дух святой.

Снова смех. Невеселый. Никто не понимает, как такое случилось. В наш век материализма... Какие силы ополчились на Алекса, кому он перешел дорогу — колдуну, ведьме, черту или дьяволу? Держался бы ближе к своему начальству — целее был бы. Сыч и в подземном мире не последний человек.

Или... именно поэтому?

- - - -

Возможно, кто-то из сидящих по своим квартирам вызвал полицию. Или не вызвал. Или просто глядит в щель между шторами очередной уличный спектакль. Или снимает на телефон, чтобы собрать в сетевой видеосвалке большую аудиторию. Люди не измельчали, они всегда были такими. Рыцарями делает любовь.

На пороге подъезда с любовью явно не в порядке. Двое нерыцарей отобрали у Кристины сумочку, сняли песцовую шапку и теперь, врезав под дых и зажав рот, чтоб не орала, снимают шубку.

— Ммм!.. — это все, на что она сейчас способна.

Она успела вызвать нужный номер квартиры, но домофон так и не ожил. Чужие руки рвут из ушей серьги.

— Кольцо не забудь! — шипит один из налетчиков.

Оба нервно озираются. Они торопятся. Подъездная площадка освещена, в любой момент кто-то может выйти или подъехать.

И это происходит, внутри раздается сигнал открытия двери.

— Агас!

На прощание Кристину опрокидывают в сугроб, и она остается одна. Взгляд бессмысленно наблюдает исчезновение во тьме дорогих сердцу предметов.

Слышен лязг распахивающейся двери.

— Стой! — вопит тонким фальцетом разъяренное видение в прозрачном пеньюаре и троекратно палит в воздух из маленького травматика.

От грохота закладывает уши, а крик обращен уже в пустоту. Поздно.

— Лиза?!

Кристина вылезает из снега и бросается к подруге. Ее сотрясают рыдания. Лиза, в один миг окоченевшая в своем почти абсолютном ничего, хватается за руку и запикивает в подъезд, подальше от лютого мороза. Соседи по-прежнему глухо спят или успешно делают вид. Спасение утопающих — дело самих утопающих. Закон каменных джунглей.

Кристина и Лиза поднимаются к квартире. Налипший снег быстро впитывается, Кристина отряхивается, в стороны летят вязкие брызги. Лиза ежится, обхватив себя руками, и быстро стучит шлепанцами по ступенькам. Все, что она успела, увидев происходящее на улице, — прыгнуть в тапки и схватить пистолет.

Когда остается одна ступенька, Лиза застывает с поднятой ногой, про которую, кажется, просто забыла. Затем она стискивает зубы и с силой, до боли в пятке, ударяет ногой по ступеньке.

— Блин! — Ей хочется разбить лоб о ближайшую стенку.

Дверь квартиры захлопнута. Ключ остался внутри. Это же не ее дом, здесь все по-другому.

— Зачем ты вернулась?! — напускается она на приятельницу.

Нужно выплеснуть ярость. Найти виноватого во всех бедах проще простого, он рядом. Точнее, она.

Кристина оправдывается:

— Почему ты перезванивала насчет имени?

— Какая разница! — в трансе стонет Лиза.

Догадливая Кристина не согласна:

— Твоя цель — не Леонид?

Лиза клянет себя за дурость. Зачем выскочила помогать? Другие сидят по домам — и целы. В тепле.

Она звонит в соседнюю дверь:

— Откройте, пожалуйста!

— Не Леонид? — настаивает подруга.

Через маленькую вечность из-за двери доносится мужской голос:

— Кто там? Представляете, сколько времени? Люди спят!

— Это ваши соседи справа! — Лиза прикидывается к резонирующему дверному полотну почти самыми губами. — У нас несчастье! Можно от вас позвонить? — Ее трясет от холода. Пистолет в руке дрожит. Ей хочется пристрелить всех жильцов этого дома сразу и каждого по отдельности.

— Справа квартира пустует. Кто вы?

— Арендаторы!

— Арендатор — другая женщина, мы ее видели.

— Мы ее подруги!

— Это в вас стреляли?

А говорили, что спят.

— На нас напали. Теперь не можем попасть домой.

— Цель — не Леонид? — вцепляется в нее Кристина, пытаюсь оторвать и повернуть в свою сторону.

— Нет!

— А кто?!

Из-за двери:

— Мы вызвали полицию, ждите. Приедут — разберутся.

Лиза опускается на холод бетонного пола. Полиция. Внутри — связанный Леонид. Чтс за день...

В необъяснимом порыве она поднимает пистолет и назло соседям с оглушающим грохотом разряжает обойму в замок двери. Так не раз показывали по телевизору. После этого в кино дверь отворяется.

В кино. На деле резиновые пули всего лишь увязли в отделке. И хорошо, что отделка деревянная, ведь если бы они срикошетили от стального полотна, то была бы совсем потеха.

После невыразимого грохота голос снизу лестницы едва слышен:

— Кто стрелял?

Полиция.

— А кто не стреляет когда нужно, хотя ему по должности положено? — огрызается Кристина.

Она зла на полицию и на весь свет. Шубка. Шапка. Серьги. Кольцо. Документы и прочее. Телефон. Если бы полиция была расторопнее...

— Поговорите еще тут, — обрывает первый из подошедших полицейских

Грубым рывком пистолет оказывается в его руках.

— Было ограбление, — сообщает Лиза.

Они с Кристиной жмутся друг к другу, как влюбленная парочка. Вместе не так холодно и не так страшно.

Полицейские иронично косятся на них. Одна в подмокшем вечернем платье, другая почти ни в чем. Газовый халатик — это даже не нижнее белье. Мороз сделал свое грязное дело, выпятив то, что не требовалось. Старший патрульный усмехается: если с вас, дескать, что-то и сняли, дамочка, то, скорее всего, не что-то, а кого-то.

— Что взяли?

Лиза кивает на подругу:

— С нее. Шубу, шапку...

— Кольцо с рубином, серьги с гранатами...

— С чем-чем? — ухмыляются полисмены.

То, что происходит, для них — развлечение. Намного приятнее в подъезде девушек разглядывать, чем на жутком морозе торчать.

— Сумку, в которой были документы, телефон и кошелек с деньгами, — игнорируя сарказм, спешно продолжает Кристина. — Кредитную карточку. Ключи от квартиры.

— От этой? — поступает указание на стойкую расстрелянную дверь.

— Нет. От другой.

— Сколько было грабителей, как выглядели?

— Двое, в темных пуховиках и вязанных шапках по самый нос.

— Куда побежали?

— В сторону магазина.

— Сержант, — обращается старший к одному из стоящих ниже по лестнице своих. —

Давай.

— Уже пять минут прошло. — Кристина даже не надеется. — Так вас и ждут.

— Разговорчики. — Полицейский встает у закрытой двери. — Открыть пытались?

Лиза тоскливо кивает.

Крепкое плечо давит на дверь, та трещит и вдруг приоткрывается. Захлопнувшийся накладной замок висел, как говорится, «на соплях» — саморезы расшатались и при первом же достаточном усилии выползли наружу.

— Спасибо!

Не успевает Лиза ринуться внутрь, как локоть попадает в капкан полицейской хватки.

— Вы хозяйка квартиры?

— Нет.

Полицейский оборачивается к Кристине:

— Вы?

— Мы арендаторы, — повторяет Кристина услышанную только что фразу.

Полицейский берет за дверную ручку:

— Можно пройти?

— Да, — с радостью заявляет продрогшая Кристина и собирается проскользнуть следом.

— Нет!!! — одновременно с ней жутко кричит Лиза.

-- --

— Где Горский? Где деньги?

Они еще едут. За тонированными окнами проносится прежняя жизнь. Больше ее не будет. Никогда. Больше ничего не будет.

Пока в минусе только несколько передних зубов. Жизнь встанет на кон чуть позже.

— Ну?! — Огромный гамадрил нависает над ним, и над лицом в очередной раз взмывает кулак, больше похожий на кочковатый булыжник.

— Постой, — одергивает голос спереди, — не надо. Люди бывают разные. Может быть, как раз этот конкретный молодой человек не хочет стать трупом или инвалидом и сам все расскажет.

— Расскажешь? — Прожигающий глаз громилы занимает половину кругозора.

— Да. Но ваши вопросы не ко мне, я знаю мало.

Слова едва прорываются сквозь кровь и крошево во рту.

— Вот и молодец, — голос спереди не принимает в расчет последнюю оговорку: если потребуется, жертва расскажет и то, что не собиралась. Дело только в подходе. — Говори. Где Горский?

— Не знаю.

Он хрипит и задыхается.

Кулак опускается где-то вне видимости и страстно встречается с почкой. Кирилл

сгибается, его разгибают обратно.

— Ответ неправильный. Начнем еще раз с другого конца. Где деньги?

- - - - -

«Если хочешь быть любимым — люби». Сенека. Девиз на все времена.

Он любит. Ох, как любит. Забыв обо всем. Забыв о ядовитой химере по имени свобода. Теряя мысль и останавливаясь на полуслове. Теряя деньги. Много денег. Пусть. Это стоит всего.

Его фея. Сказочное трепетное создание. Божество.

Он смотрит на нее. Конец света. Гибель Помпеи. Она обнажена. Она так естественна так органична. Разум падает к ногам, чтобы стелиться под статными ножками. Чтобы быть ковриком, который обнимает маленькие ступни. Быть одеждой, принимающей ее в свое махровое нутро. Быть лучом, путешествующим по совершенным вершинам, предвзгорьям и пещерам...

Еще немного подождать.

Терпение горько, но его плод сладок, сказал Руссо. В точку.

Любовь всегда обещает несбыточное и заставляет верить в невозможное. Оскар Уайльд. Отлично.

Или вот еще:

«И неожиданно что-то вкусно взболтнет в кастрюле в фартучке, который так обнимает ее своими ленточками, что каждый мужчина на его месте висел бы, свесив голову, обжигая спину, и молчал, принимая на себя все пятна и удары... Красивая женщина пройдет по столам, не опрокинув бокалы, и опустит взгляд, под который ты ляжешь. У нее нет хозяина, а есть болельщики и гурманы...» — Михаил Жванецкий, «Красивая женщина».

Вот и с ней так. Божественная...

Болельщик и гурман. Идеальное определение.

Веб-камера показывает в реальном времени. Он долго смотрит на экран. На нее. Когда становится совсем невыносимо, переключает. Картинка сменяется. В еще более тесной клетке томится другой.

Совсем недолго осталось.

- - - - -

— Нельзя! — Лиза бешено вращает глазами и вновь бросается в комнату.

— Стоять!

Могучий рывок возвращает ее в холод площадки.

— Мне нужно одеться.

— Придется подождать.

Полицейский звонит в квартиру справа. После долгого ожидания там заметно какое-то движение, дверной глазок сначала вспыхивает зажегшимся светом, затем темнеет от разглядывающего изнутри глаза.

— Здравствуйте, — громко говорит полицейский. — Это ваши соседки?

Он показывает на Лизу и Кристину.

Дверь чуть приотворяется, из щели выглядывает недовольное мужское лицо:

— С их слов — да.

— Как это?

— Только что познакомились.

— Значит, раньше вы их не видели?

— Я здесь бывала часто! — с пылом вклинивается Лиза.

— Не видел, — качает головой сосед.

Морщины на лбу полицейского выстраиваются колоннами.

Лиза ощущает себя посетительницей бани, словно из парилки женского отделения вдруг попала в мужскую раздевалку. Ее обступили, на нее глазают, а она, замерзшая и испуганная, никак не найдет выхода. Обнаженной на морозе и в компании мужиков хорошо себя чувствует только Венера Милосская, да и то лишь потому, что мраморная. Даже Кристине лучше, у нее есть платье и сапоги.

Сосед добавляет:

— Извините, но если это все, то мне рано на работу.

Дверь справа хлопывается без ожидания ответа. Полицейский даже не успевает сказать, что завтра воскресенье. Его взгляд возвращается на Лизу:

— Разрешение на травматическое оружие?

— Есть. Принести?

— Из квартиры?

— Откуда, по-вашему, еще могу достать?

Ее язвительность воспринимается как достойный мужской юмор, но кроме улыбок вызывает дополнительное и уже совершенно неприкрытое разглядывание предмета вопроса.

— Из квартиры нельзя, — сообщают ей.

— Почему?

— Потому что, не являясь хозяйкой, вы пытались проникнуть внутрь с помощью взлома, а представителя власти внутрь не пускаете.

— Это мое право. Защищаю свою личную жизнь.

— А мы защищаем закон. Придется звать понятых и производить осмотр официально.

— По-вашему, я пришла сюда в таком виде, чтобы ломать чужую дверь? — взывает Лиза к железной логике собравшихся.

Железной называют мужскую логику, которая как бы является антиподом нелогичной женской.

Попытка проваливается. Судя по лицам стражей порядка, они допускают, что возможная преступница вполне способна разыграть столь хитрую комбинацию. Именно для того, чтобы надавить на чувства и инстинкты. Но твердые взоры полицейских сообщают, что именно с ними такой финт не пройдет.

Батарея центрального отопления на лестничной клетке имеется, но не спасает. Кристина и Лиза жмутся друг к другу. Жалобный взор с указанием на открытое теплое помещение натывается на ехидное разведение руками.

Стоящий сзади молодой сержант не выдерживает, снимает форменную куртку и накидывает на плечи слившихся воедино Лизы и Кристины.

— Осмотр — не прихоть, — объясняет он им поведение начальства. — Без этого никак.

— Вдруг там труп? — добавляет старший.

— Может, пригласим служивых на чай? — шепотом интересуется Кристина.

— Леонид, — кратко отвечает Лиза.

Кристина бледнеет. И это при том, что и так белая. Это что же нужно было представить, чтобы настолько проняло?

— Требуется составить протокол, — старший уже понимает, что приглашения не дождется, и идет ва-банк. — Наверное, вам придется проехать с нами в отделение.

— Никуда они не поедут, — раздается голос с нижнего пролета лестницы.

Увидев появившуюся снизу женщину, полицейские переглядываются, лица становятся серьезными. От прежней барской вальяжности не остается следа. Словно бы коты, игравшие с мышками, увидели хозяина дома, в котором их кормят.

— Это моя квартира. Девочки — квартирантки. — Женщина чувствует себя хозяйкой положения. Она спокойно распоряжается, не допуская даже возможности неподчинения. — Еще какие-то проблемы?

— Никак нет, — сникает старший.

— В таком случае проявите благородство, отвезите девочек по домам.

— Хорошо, Маргарита Васильевна. — Полицейские поворачиваются к Лизе и Кристине: — Пройдемте, барышни.

— Не пройдемте, а пойдете, — поправляет женщина.

— Так точно. Пойдете.

— Минутку, — останавливает Маргарита, — мне нужно с ними поговорить. Пару слов.

Она запахивает дверь, чтоб впустить продрогших бедняжек...

— Эй! Кто-нибудь! — доносится крик из дальней части квартиры. — Помогите!

- - - - -

Ночь с субботы на воскресенье, 6

Вопросы те же.

— Горский? Деньги?

В застенках «конторы» промозгло и плохо пахнет. Пахнет от таких же, как он — видел их в соседних камерах.

Перед ним сидит человек в костюме, в машине он отдавал приказы громиле. Босс.

— Расскажи мне сначала про Алекса. Говорят, ты про него спрашивал.

Двое гнут Кирилла к земле. Ремни режут связанные руки, отбитые места отдаются болью.

— Алекс расследовал похищение моего сына и невесты.

— Это он помог тебе сбежать?

— Нет.

— Но потом — помогал?

— Побег мне потребовался, чтобы встретиться с похитителями, они назначили передачу выкупа на середину дня.

— Ты был в бегах и тем не менее нашел для выкупа внушительную сумму. Откуда ты ее взял?

— Занял у Алекса.

— А что за сверток передавал ему через посредников?

— Возвращал деньги. Похитители не пришли.

— Мудрено у тебя получается. И нелогично. Одна история с обменом телефонами чего стоит. Больше похоже на попытку запутать следы.

Для повышения логичности рассказа Кирилла бьют.

— Еще раз. Может быть, деньги, которые ты передавал Алексу — плата за молчание?

Отхаркиваясь красной слюной, Кирилл думает: как убедить упрямых ребят, что он совершенно ни при чем?

- - - -

Старший переглядывается со схватившимися за оружие подчиненными, Маргарита — с пожимающей плечами Лизой. Кристина закрывает лицо руками. Она на пороге истерики.

— Разрешите? — с новой интонацией осведомляется полицейский, глядя на Маргариту.

Она пару секунд раздумывает и безмолвно отстраняется. В освобожденный проход вваливается наряд.

На кровати лежит связанный мужчина со спущенными штанами.

— Здравствуйте, господа, — весело говорит он. — Простите, что не могу подать руки.

— Что здесь происходит?

Маргарита быстро отвечает:

— Молодежь играла. Так ведь?

Виновник шумихи говорит:

— Гм. В общем... да. Веселились вовсю.

— Нужна помощь? — Старший жаждет уцепиться хоть за что-то.

— Игры окончены, — объявляет Маргарита. — Уже поздно, девочкам пора домой.

— В таком случае и я пойду. — Леонид изворачивается, бросившаяся на помощь

Кристина под взглядами полицейских освобождает его от пут.

Кристина тихо шепчет:

— Я пришла за тобой.

— Почему? — шепчет заправляющийся Леонид. — Знала?

Он садится на край кровати и потирает запястья.

— Нет, — шепчет Кристина ему на ухо. — Почувствовала что-то нехорошее.

— Ну и подруги у тебя. — Он обнимает ее за талию и прилюдно усаживает себе на колени. — Да ты вся мокрая! И холодная!

— Пойдем. — Она встает и тянет его за руку.

— Пойдем. Где твоя одежда?

Кристина просто разводит руками.

— Кстати, — вспоминает полицейский. — Заявление. Было ограбление.

— Сам напишешь, — величаво кивает ему Маргарита. — Отвози.

— Мы сами доберемся, — сообщает ведомая Леонидом Кристина, уже закутанная в его теплое пальто.

Лизу под руку проводит в комнату одолживший куртку молодой сержант. Он отворачивается, пока она одевается за открытой дверцей шкафа.

— Кристина? — Маргарита встает на проходе.

На лице Кристины — смятение. Складывается ощущение, что она сама не понимает, как здесь оказалась и, тем более, что делать дальше. Слишком много народа вокруг. И от каждого в ее жизни что-то зависит. Остается выбрать.

— Потом. — Кристина делает пальцами невидимый спутнику знак порхания по клавиатуре.

Маргарита понимающе опускает глаза, затем быстро указывает взглядом на часы, что однозначно расшифровывается как «Поторопись. Жду отчета».

Парочка быстренько удаляется.

От шкафа, где приводит себя в порядок замерзшая Лиза, раздается глухой стон.

— Что с вами? — вскидывает глаза молодой полицейский и тут же снова отводит.

Марго кисло кривится. Она поняла. Лиза проверила камеру.

— Карета ждет, — напоминает старший. — А вас, Маргарита Васильевна, подбросить до дома?

— Я на своей.

Она остается. Нужно проверить, что же здесь натворили активные, но недалекие вертихвостки. И как это может сказаться на завтрашнем дне.

- - - - -

Молчат. Кристина жметя к обнимающему ее теплому утесу. Такси качает на неровностях.

Адрес водителю Кристина дала свой. Леонид не возражал.

— Пройдешь? — интересуется она, когда машина остановилась.

— А драться не будешь?

Кристина недоуменно моргает.

— Твоя подружка... — начинает объяснять Леонид.

— Не надо. — Ему на губы ложатся холодные пальчики.

Губы не против. Стремятся поцеловать. Пальчики отдергиваются.

— Пойдем, — соглашается Леонид.

— Ой, — обрывается вдруг все у Кристины. — Ключи же пропали.

Смех в ответ:

— Если помнишь, ты как раз и приглашала помочь по мужской части. Как в воду глядела.

Она все еще в его пальто. Теперь и он замерз. Они поднимаются в обнимку, прижимаясь и глупо хихикая, как счастливые подростки.

— А как ты сможешь вскрыть дверь? — волнует Кристину. — Нужны же какие-нибудь инстру...

Дверь открыта настежь.

Вынесено все ценное. Небольшие, но дорогие вещи, ноутбук...

— В сумке были ключи, а в документах — адрес, — догадывается Кристина. — Нужно было сразу...

Леонид уже звонит куда-то:

— Записали? Держите на контроле. Как только — мигом мне.

Он жмет отбой и ободряюще улыбается:

— Теперь мы тебя согреем, а потом вызовем полицию. Или сначала — полицию?

— Сначала — меня...

Кристина оседает в его руках.

— А подруга у тебя любопытная, — весело шепчет ей Леонид, с энтузиазмом помогая удалять мокрое и искать подходящее сухое. — Представляешь, у нее дома — видеокамера.

— У многих... — пытается увести в сторону Кристина, долго фантазировавшая на тему произошедшего в той квартире.

— Нет, — отрицательно машет вихрастая голова приятеля. — Замаскированная камера на шкафу. Она была включена и направлена объективом на кровать. Прикинь. Будешь утверждать, что такое встречается у многих?

Ему весело. Но не ей.

— И что? Ты с ней... заснял?

— Еще чего! — радостно фыркает Леонид. Он принес с кухни спирт и осторожно наполнил ладонь. — Сейчас мы тебя... А ну, ложись.

Кристина покорно опрокидывается.

— И все же, — не может она успокоиться, — ты был без брюк, расстегнутый, связанный...

Леонид останавливает растирающую руку.

— Скажи мне честно, — говорит он, — зачем ты отправила меня туда?

-- --

Полицейский УАЗ немилосердно трясет.

Чехарда событий в голове успокаивается. Прозрение. Мгновенный новый план. Лиза оборачивается к сидящему рядом опекавшему ее сержанту-джентльмену:

— Не хотела говорить там... Хозяйка квартиры быстро отделалась от нас, чтоб избежать неприятностей. Но она опоздала. Неприятности уже произошли.

Сержант напрягается:

— Это были... не игры?

— Вы заметили, что на виске мужчины была свежая шишка?

— Точно. — Зловещий свет вспыхивает в зрачках сержанта. — Это было насилие? Ты защищалась и связала его?

Лиза подтверждает движением всего тела. Сержант требует:

— Рассказывай подробно.

— Новый приятель подруги. Той самой.

— Адрес знаешь?

— Конечно.

— Дальше.

— Он пришел, потому что она соврала, будто ночует у меня.

— А на самом деле?

— Не мое дело. — Лиза пожимает плечами. — Но этот решил проверить. Через домофон я сказала ему, что никого нет. Он не поверил. Пришлось впустить, чтобы убедился и отстал.

Прислушивающийся командир не верит:

— А как объясните бутылку и два бокала на тумбочке?

— Чуть раньше ко мне приходил друг. Поэтому вино в спальне и мой предельно откровенный вид. — Лиза опускает ресницы.

— Дальше, — выталкивает из себя сержант.

— Дальше все просто. Этот увидел, что подружки нет, а я одна, и применил силу.

— И?

— Получил тяжелой вазой в висок.

На лице сержанта — облегчение:

— То есть, не успел...

— Успел.

Сержант мрачнеет:

— Надо писать заявление.

— Напишу.

Командир протягивает с переднего места готовые лист и авторучку. Сержант предлагает кожаную планшечку, чтобы было удобнее писать. Лиза спрашивает:

— Вы его арестуете?

— Сейчас же, по горячим следам. Вы же не против медицинской экспертизы? Иначе ваши слова...

— Никаких «иначе», я всеми руками «за».

Лиза улыбается. Задание выполнено. Пусть и чужое. Пусть хотя бы так.

Всеуко Путенабо.

Мозги освобождаются для новых планов. Придя домой, первым делом она отчитается об успехе. Compliments не ждет, ну да ладно. Все равно день прошел не зря. А завтра...

- - - -

Леонид выискивает в ее глазах ответ. «Зачем»!

— Лиза... Она... — Кристина обнаруживает, что все слова выветрились. Мотивы забылись. Зачем она отправила друга к подруге? Чтобы выполнить задание. Больше незачем. — Ей... Я... Понимаешь, мы...

Задание. И оно не выполнено до конца. Неизвестно даже, получилась ли запись. Леонид нашел камеру, значит... Значит — что?

Перед глазами — пронизывающий опасный взгляд Марго.

Неважно, что было. Важно, что будет. А будет лишь то, что нужно Лиге. Кто ввязался, для того другие варианты больше не существуют.

Руки Леонида растирают спину и то, что ему нравится растирать гораздо больше, чем спину. Кристину шатает от его усилий. Она лежит поперек кровати, мокрая одежда разбросана по полу, сухая осталась невостребованной и отправилась туда же. На зашторенном окне играют тени от деревьев, светят ночные фонари, по улице проносятся поздние автомобили.

— Хотели попробовать втроем? — внезапно подсказывает Леонид.

Одна из его рук начинает игриво безобразничать.

— Да! — выпаливает Кристина.

Накатывает невероятное облегчение. Спасибо за дурацкое, но достаточное объяснение. Не придется ничего выдумывать.

— Для этого не нужно было накачивать меня клофелином, — лукаво улыбается кавалер. — Могли просто сказать.

Кристине не хочется ни думать, ни говорить. Но надо. И пока тело нежится, голова вновь переходит в режиме брейн-сторма.

Но тело — нежится, и это перебивает все остальное. Какие у него руки...

— А насчет камеры... — не отстает Леонид. — Видимо, хотели оставить запись на память?

— Хотели, — вновь с радостью соглашается Кристина.

— Вот этого без разрешения нельзя. А вдруг я считаю себя жутко нефотогеничным и потом по судам затаскаю? Или нехорошим партнерам пожалуюсь, и они придут с нехорошими мыслями нехорошие записи ликвидировать?

— Нет. Мы только хотели...

Она сама не знает, чего они в таком случае хотели. А сказать что-то надо.

— А может быть, вам кто-то поручил заснять меня? — падает неожиданно.

Кристина вскидывается:

— Ты что? Кто? Зачем?

— Скажем, какая-нибудь тайная организация. В качестве возможного компромата.

— С ума спрыгнул?

— А ты? — Леонид замирает каменным изваянием и глядит на нее в упор.

— Что — я?

— Не спрыгнула?

Ее ресницы глупо прыгают вверх-вниз:

— С какой стати?

Руки Леонида вновь берутся за ее тело. Теперь они не игривые и нежные, а жесткие и властные. Ощущение, будто Кристину опять раздевают, хотя дальше, казалось бы, уже некуда. Движения мужских рук доказывают, что это не так и невозможное возможно. С нее будто шкуру сдирают и пытаются добраться до интимных глубин души. И что самое обидное — Кристина сама открылась бы с радостью, отдала все, даже самое потаенное... но внутри пусто.

— Давай рассуждать трезво, — звучит над ней голос Леонида. — Сначала ты полночи колесишь по городу, чтобы подарить меня другой, потом, что-то подозревая, несешься спасать, а когда узнаешь про камеру, все отрицаешь. На первое же вздорное предположение

мгновенно соглашаешься...

— Совсем не вздорное.

Мужские пальцы крепко сжимаются на ее плечах:

— Вот как? Тогда у меня предложение. Забудем случившиеся неурядицы и сделаем все, как вы хотели, с моим добровольным активным участием.

Придавленная его весом, Кристина покорно соглашается:

— Давай.

— Правда? — странно настораживается Леонид.

— Давно мечтала попробовать.

— В таком случае ты обратилась по адресу.

— Значит, я звоню? — Кристина тянется рукой к телефону.

— Вызовешь сюда?

— Хочешь снова к ней?

Леонид машинально потирает шишку на виске, его взгляд со злой веселостью пробегает по сторонам:

— У тебя тоже камера?

— Если пожелаешь — устроим.

— Если мне тоже перепадет копия...

Кристина уже набирает номер.

— Лиза? Лиза, это Кристина. Все недоразумения утряслись.

-- --

Помимо уже проверенной Лизой, главной камеры в квартире имеется еще одна. Очень миниатюрная и слабенькая, общий вид она берет не полностью, но главное обычно понятно. А запись со спрятанного микрофона дополнит то, что осталось за кадром обеих камер. Лиза уже удалась в сопровождении полицейских, о ней можно не беспокоиться — довезут в целости и сохранности. Обязаны. Иначе не видать им ни премий, ни повышения.

Марго приехала разобраться, проконтролировать и в меру сил помочь, когда ей среди ночи сообщили о вызове полиции к используемой для нужд Лиги квартире. Закрыв на ключ хрустнувшую сломанным верхним замком дверь, она выдвигает откатившуюся на колесиках «встроенную» посудомоечную машинку, за ней открывается полость с аппаратурой. Марго отключает тянущиеся сквозь стену провода и достает небольшой мощный нетбук. На ожившем экране появляются Лиза и Леонид. Они танцуют. Восторг и счастье. Блаженство и нетерпение. Страсть и пламя.

Марго хмыкает: оба только изображают чувства.

Лиза начинает клевать носом, обмякает и безвольной куклой падает в руки кавалера. Он несколько не встревожен. Проверив пульс и перенеся на постель, Леонид шарит по квартире. Через минуту его лицо приближается к основной камере, становится огромным и перекрывает весь обзор. Через секунду более четкое изображение гаснет.

Марго смачно и не по-женски выругивается. Глаза сосредотачиваются на второй, несколько смазанной половине экрана.

— Интересненько... — бормочет там ловкий проходимец, отключая камеру номер один.

Отдать бы его мужу...

Нет, идея вздорная, и Марго ее сразу отвергает. Леонид — человек Сыча. Сейчас из

ссорить нельзя. Чревато.

Так, а что ночной любитель чужих секретов собирается делать дальше?..

Вплоть до момента, когда пальцы очнувшейся Лизы нащупывают первый попавшийся под руку тяжелый предмет, коим оказывается керамическая ваза, Марго не отрывает глаз от экрана. Губы искажает улыбка. Вот. Теперь можно и мужу.

В ночи громко трезвонит телефон. Марго нервно достает вибрирующий источник неприятностей. Звонки среди ночи всегда не к добру.

Кристина. Чего вдруг?

— Лиза? — раздается знакомый голос.

— Это Марго. Ты куда звонишь?

— Лиза, это Кристина. — Собеседница явно знает, куда звонит и с кем говорит. — Все недоразумения утряслись, Ленчик готов и с удовольствием. Нужно было только предложить.

Марго ничего не понимает. В трубке слышны перешептывания, и Кристина продолжает:

— Он просит прощения, но говорит, что мы тоже виноваты. Но что он всегда «за». Подъедешь? Мы ждем.

— «Объект» у тебя, и ты просишь помощи? — догадывается Марго.

— Именно! Спасибо!

Марго быстро собирается.

--- --

Тонкие пальцы дрожат.

— Лиза сейчас будет.

Леонид с любопытством заглядывает ей в глаза:

— Она не в обиде?

— За что? — У Кристины вдруг вытягивается лицо: — Ты все-таки...

— Так ситуация сложилась. — Леонид равнодушно жмет плечами. — Но я на нее тоже мог обидеться. — Он показывает шишку.

— Ах ты, мерзавец... — Кристина замахивается на него попавшимся под руку глянцевым журналом.

Смеющийся Леонид в защите выставляет руки, затем игриво тянет их к телу Кристины. Губы спускаются к ее груди.

А она не шутит. Над головой приятеля журнал сворачивается в трубку, и низ твердого цилиндра с силой обрушивается на незащищенный затылок.

Потерявший ориентацию Леонид хватается за голову и зажмуривается. Его настигает второй удар — в висок. Затем третий. Четвертый.

Леонид падает на край кровати и сползает на пол. Тело кажется бездыханным. Нет, только кажется. Для надежности Кристина бьет еще раз, затем неумело вяжет ремнями руки и ноги, при этом жутко стягивает, насколько хватает сил — в этом деле лучше перестараться, чем наоборот.

Сердце колотится. Взгляд прыгает. Мысли вразброд.

Кляп. Полотенце на лицо в качестве маски. Еще одно — вокруг шеи, чтобы первое не сползло. Все. Кажется, дело сделано.

Звонок в дверь. Прибыла Марго.

— Вот. — Одевшаяся Кристина демонстрирует ничего не видящую стреноженную жертву. — Что делать дальше?

— Перенесем в мою машину. Дальше я сама.

Кристина с облегчением выдыхает и выглядывает в подъезд. Там тихо.

Вдвоем они с трудом вытаскивают мычащее дергающееся тело на лестничную площадку и волокут вниз.

— Всем стоять! — настаивает их голос на последнем пролете. — Ой... Маргарита Васильевна...

- - - -

Недавние полицейские переминаются с ноги на ногу, взоры перебегают с жены начальника на то, чем заняты ее руки. Будь это не она — они бы знали, что делать. Но это она. И если то, что выглядит преступлением, на самом деле (с помощью юристов или высокого начальства) преступлением по какой-то причине не окажется (как говорится, не верь глазам своим), о карьере и сытой предсказуемой жизни можно забыть.

— Чего встали? — гневно набрасывается на них Маргарита. — Берите голубчика, везите в отделение. Я потом все объясню.

Сержант все же удостоверяется, кого и в каком состоянии транспортирует в таком виде уважаемая Маргарита Васильевна. Снятое с головы полотенце открывает лицо.

— Да мы уже в курсе... — сообщает сержант.

Часть 6 Воскресенье

— Выжигалова нашли!

— Скажите ему...

— Не получится.

— Почему?

— Вдрызг.

Режиссер хватается за скулу, будто в зуб вбили гвоздь. Большой, кривой и ржавый.

— Где?

— Доставили в гримерку.

— Сценарист! Переписывай, чтобы в кадре только тело было. Никаких слов ему, никаких самостоятельных передвижений. Хоть больным сделай, хоть мертвым, лишь бы доснять.

— Может быть, ему ногу сломать?

— Мысль.

— Имею в виду — по сценарию.

— Жаль. Но тоже мысль. А мальчик где?

— Еще в школе.

— Он же детсадовца играет!

— Не волнуйтесь, сыграет. Евгений Карлович за него просил. Говорит, талант.

Режиссер пытается рвать последние волосы. Съёмочная группа с удовольствием наблюдает, как это случится.

— Фиг вам! — орет режиссер. — Все по местам! Работаем!

По классификации Жванецкого женщины делятся на молодых и остальных. По классификации Алены мужчины делились на Кирилла и остальных. Так было до сих пор.

Все изменилось. Кирилл умер. Для нее. А она все еще жива. Зачем?

Наверху кто-то появился. Приближается топот.

Халат на плечи. Взгляд вверх. Скрип.

Свет. Женщина. Даже сквозь маску изливается неприязнь. Она смотрит на Алену долго и пристально. Разглядывает, как кобылу на рынке.

Зубы показать?

Непонятная чужая ненависть испепеляет, жалит, вонзается в мозг, стекает по коже. Алена ждет. Появляется большое, если сравнивать с прошлыми, послание, привычно начертанное безликими печатными буквами:

«Сегодня тебе отпустят грехи. Будем считать, что сегодня — прощенное воскресенье. Потом мы отдадим тебя любому, кто внесет выкуп. Подумай еще раз, нет ли еще кого-то, кто мог бы поучаствовать в твоей судьбе или ссудить под залог имущества. Выпустим с условием забыть все, что услышишь или почувствуешь. Подтверди, что все поняла.»

Алена поднимает лицо на временную хозяйку ее тела. Но не души. Впрочем... Душа сломана. Истерзана, растоптана, перемешана с грязью. Не душа, а крохотный комочек, дрожащий во тьме — пинаемый и никому не нужный.

— Вы меня точно отпустите?

Быстрый письменный ответ:

«Условия принимаешь?»

— Да.

В корзинке опускаются бумага и ручка, а в проеме люка появляется следующая картонка с надписью. Видимо, они у женщины заготовлены, только вынимай и показывай.

«Пиши: я, такая-то, добровольно хочу подвергнуться наказанию во искупление мучающего меня греха, иначе мне трудно будет жить дальше. В произошедшем прошу никого не винить. Число, подпись».

Ручка в пальцах дергается:

— Какое наказание?!

Сверху фломастер быстро скребет по картону, ответ не был предусмотрен заранее.

«Увидишь».

— А если не напишу? — смесь страха и упорства в глазах.

«Хочешь отсюда выйти?»

Алена опускает голову и продолжает писать.

— Какое сегодня число? — спрашивает она хмуро. — И еще — день или ночь?

Ей показывают дату. Она подписывается. Расписка в корзине уносится в небеса. В проеме возникает очередная ранее заготовленная надпись:

«Последнее. Подними глаза на решетку вентиляции под потолком и произнеси то же самое своими словами. Это для пущей убедительности и нашего спокойствия».

Алена чуть не падает. Столбняк. Безвольно открывшийся рот.

Все это время ее снимали...

Накатывает горячая красная волна.

— Вы!.. Вы... — Нет слов.

Маска мерзко ухмыляется.

- - - -

Мороз и солнце. Жуть слепящая. Щурящийся водитель сверяется с адресом и ставит машину на видном месте. Плотная самолетная маска для сна накрывает глаза. Ждать. Гонорар — двойной, если все пройдет как надо. Год назад уже проходило, с ним расплатились сразу и еще сверху накинули. Замечательные клиенты, пусть и играют в секретики. А кто не играет? У кого нет тайн или хотя бы тайночек?

За то, что кто-то подкрадется и врежет по голове или угонит машину, можно не волноваться. В прошлый раз хотелось попросить друга, чтобы присмотрел с дальней точки во избежание неприятностей. Еще появлялась мысль поставить на приборную панель или лобовое стекло смартфон — вроде бы с навигацией, но он снимал бы все, что происходит сзади. Или можно воткнуть куда-нибудь миниатюрную камеру...

Клиент вовремя и строго предупредил: никаких камер внутри и наблюдений со стороны. Полная анонимность. Неприятности возникнут именно в случае излишнего любопытства. Отсутствие криминала гарантировано, просто взрослые люди играют во взрослые игры и готовы за это платить.

Большого и не требуется. К тому же, как ему намекнули, за ним будут присматривать и ничего аврального не допустят. Перестраховщики. Заказчик мог бы завязать пассажиру глаза и доставить на своих машинах, но почему-то не хочет делать этого сам. Возможно, не желает светить собственный транспорт у дверей клиенток, по нему выйти на веселых массовиков-

затейников легче легкого. Или те, кто съезжаются на мероприятие, не хотят ехать непонятно куда с завязанными глазами. В последнем случае встает вопрос: неужели не доверяют организаторам?

Впрочем, он сам тоже никуда не поехал бы с завязанными глазами, если рядом не сидит друг или брат.

А может быть, все намного проще, и дамам нужны именно микроавтобусы, чтобы иметь возможность переодеться? В обычном седане или джипе, даже самом шикарном, особо не развернешься.

Сзади хлопает дверца.

— Имя? — спрашивает он.

— Скромница.

В выданном маршрутном листе, который по исполнению требуется сжечь, так и сказано. Она у него сегодня третья, последняя. В конечной точке автоматически откроются ворота особняка, и толстый швейцар в черной шубе и маске пропустит очередную гостью внутрь. Новый Год давно прошел, а люди все празднуют, да еще с такими изощрениями. Может быть, сегодня отмечают по китайскому или какому-нибудь восточному календарю? Надо поинтересоваться.

Не надо. Меньше знаешь — дольше будешь. Даже если у пассажирок Новый Год африкано-антарктический, пусть это знание уедет с ними же.

Он только что отвез на место Элизабет и Анестезию. Последняя представилась нечетко, ему послышалось «Анастасия». Мелкие отклонения допустимы, если в пределах разумного. Срочно оповещать заказчика нужно только в случае серьезного нарушения протокола.

Водитель беспрекословно ждет, пока сзади не прекратится возня. Пассажирка переодевается — в особняк все прибывают при полном параде, а из собственного дома, видимо, выходить в виде пришелицы из девятнадцатого века не хочется. Они все переодеваются в машине, хотя это жутко неудобно. Окна, конечно, тонированы, никто не увидит, но ведь тесно.

Дамочек это не смущает.

Он возит только дам. Еще кто-нибудь, скорее всего, возит кавалеров. Он явно не один такой. Время прибытия согласуется через сеть, ни опоздания, ни спешка не приветствуются. Скорее всего, в промежутках особняк принимает других гостей.

Что только ни приходит в голову. В древности карнавалы с костюмами и масками служили прикрытием оргий. А если и здесь та же история? Иначе для чего такая таинственность?

Узнать, что происходит после того, как двери за отвезенными дамами закроются, хочется нестерпимо. И все же он похоронит это желание, веселые картинки сгинут, как только в кармане окажутся деньги. Его выбрали за трезвость, взрослость и ответственность.

— Поехали, — командует переодевшаяся пассажирка.

Разрешение получено — глаза открываются. В салонное зеркало видно бальное платье и маску, перьями метущую потолок.

«Скромница». Ну-ну. Наметанный глаз определит возраст и без лица, по сочетанию голоса, поведения, позы и другим мелочам. Дама явно не юна. Анестезия, кстати, тоже была любимых Бальзаком лет. А Элизабет — девчонка. Не ребенок, естественно, а по сравнению с двумя другими. Наверное, студентка или вроде того.

Странная компания. Ну и Бог с ней.

Машина трогается.

- - - -

Она идет вперед, в жуткую зовущую тьму. Накатывает чувство нереальности происходящего. Но она идет — с опаской и все возрастающим восторгом.

Играет танцующими тенями неяркий живой огонь — это факел. Настоящий средневековый масляный факел. Не бамбуковая поделка из хозтоваров. Трепещущее пламя несет перед ней, поигрывая крепкими ягодицами, великолепно сложенный атлет. Его широкие плечи блестят в шарахающихся отсветах, мышцы шикарно перекачиваются, из одежды только глубоко утопшая ниточка стрингов. Впрочем, это если говорить лишь о теле. Но о таком теле говорить хочется. Факелоносец идет впереди, и на затылке видна вторая ниточка — завязочка скрывшей лицо маски. Здесь все в масках.

По бокам бетонной дорожки горят свечи. Коридор длинен и оранжево-мрачен, расположенные по одной стороне окна плотно зашторены. Ни капли света извне.

Ее мысли разбегаются и теперь напоминают то зависшие, то вовсе недоступные файлы. Череп кипит, мозг жужжит несправляющимся вентилятором, что пытается привести его перешедшую за грань деятельность в нормальное русло. Но если мозг — компьютер, то разум — программы. Они тормозят и перебивают одна на другую. Вытесняют, накладываются, стирают начисто.

— Сюда, госпожа.

Этот бесподобный провожатый принял эстафету опеки над ней у неуклюжего швейцара в шубе и новогодней маске. Тонированный микроавтобус доставил ко входу с лепниной и колоннами, швейцар распахнул двери, через мороз пришлось бежать не более двух шагов.

Позже этот особняк можно найти. Наверняка, такая мысль придет в голову многим. Значит, организаторы продумали этот момент, и владельцы не назовут, кто именно отвалил им несусветную сумму за несколько дней пользования. Не захотят или не смогут назвать, потому что сами не будут знать — разницы нет. Как-то этот вопрос организаторами решен, иначе они могли найти другие пути. Например, привозить участниц с завязанными глазами, чтобы те не знали, куда их везут, и въезжать прямо в холл — огромные двери это вполне позволяют. Да, можно. Но тогда место можно вычислить через водителя. Транспорт через базы данных найти проще, чем иголку с коробке спичек. Видимо, из всех вариантов был выбран лучший. И, надо не забывать, он уже опробован, минусы не найдены или давно выявлены, и работа над ошибками проведена. И все равно взгляд искал брешь в чужой защите. Идеальной защиты не существует. А если план все же отработан до мелочей и выглядит совершенным, то несовершенны люди, которые его осуществляют.

Похожий на греческого бога атлет проводит через заставленный цветами холл и отворяет тяжелую резную дверь. Отсюда вниз ведет лестница, ступеньки украшены ковровой дорожкой, вокруг темно. Воздух кажется пыльным и застоявшимся.

Она входит. Божественный провожатый обгоняет ее и, освещая путь, спускается впереди. Она приподнимает пальцами платье в старинном стиле и, придерживая на весу, чтобы не наступить, идет за этим ангелом в человеческом обличье. Иначе не назовешь. Где только нашли? Спросим по-другому: как только согласился? Настоящий Аполлон.

Древний бог вводит ее в цокольный этаж особняка. Отворяется еще одна массивная дверь, глазам открывается сумрачное помещение с низкими потолками. Дальняя часть приподнята в виде сцены, в центре рядами стоят сколоченные из досок скамьи.

Здесь достаточнолюдно, навскидку — около двух десятков дам в безумных по нынешним временам туалетах. Шумно, и звучит музыка.

— Леди Элизабет! — во всеуслышание объявляет Аполлон, чем заставляет всех обернуться. Он почтительно склоняется и уходит за следующей участницей бала.

У большинства присутствующих маски цветные, они приветствуют новоприбывшую радушными наклонами голов и перьев. Четыре фигуры в белых масках ограничиваются легкими кивками. Это Комиссия.

— Проходи, Элизабет, — левая из Комиссии указывает на основную массу многоцветных масок.

Элизабет занимает место среди остальных. Общее внимание возвращается к импровизированной сцене, а Элизабет сначала осматривается.

Здесь нет окон, стены увешаны холодным оружием и светильниками с живым огнем, запасной выход заперт на стальной засов, а маленькая боковая дверца ведет, скорее всего, в подсобку, кладовку или санузел. Этот зал расположен ниже уровня земли и раньше, до бала, он явно был обычным подвальным помещением. Как правило, в нижних этажах размещают, в зависимости от пристрастий, склады солений, тренажерные залы или просто устраивают свалку того, что, как считает старшее поколение, «может пригодиться».

Сейчас бывший подвал не узнать. Воссозданный аналог рыцарского зала отгорожен от современного мира непроницаемыми стенами. Не хватает только камина, но его заменяют настенные факелы и большие свечи в кованых подсвечниках. Дрожащее пламя превращает бетонную коробку в старинный замок с его особенным антуражем, замкнутостью и витающим в воздухе мистицизмом. Может быть, и со своими приведениями. Обидно же, если замок — и без приведений.

Человек на сцене — не привидение. Но похож. Гибкий мужчина в соответствующих восточных полуодеждах и обязательной здесь маске исполняет танец живота. Все взоры сошлись на нем.

Полет руки, разворот, игра бедрами и животом. Прыжок. Изгиб до самой земли. «Дзинь-дзинь» — звон серебра браслетов и пояса. Страсть и жар искушения. Безмолвная песня о любви. Браво.

Обвешанный серебром мужчина одет в шаровары с низкой талией и что-то цветасто-прозрачное на плечах. Он танцует умело, с небывалым чувством, в движениях присутствует душа. На влажном от пота торсе голодная пасть пупка то выгибается к потолку, то скручивается, то мелко волнуется вопящим зевом, поющим о вожделинии. Ажурно-переливчатый смерч рук и ног не дает покоя загипнотизированным зрительницам.

Музыку перекрывает голос Аполлона:

— Леди Кириллица.

Все оборачиваются для приветствия. Очередную соратницу приглашают к пиршеству глаз. Кириллица равноправно вливается в красочное карнавальное море.

Не проходит и двух минут, дверь вновь отворяется:

— Леди Скромница.

Снова приветствие. Музыка вдруг обрывается. Танцор исчезает, будто действительно был привидением.

— Прибыли все, — объявляют белые маски. — Можно начинать.

-- --

Напротив него сидит солидный человек в накинутом поверх костюма больничном халате. Черные, как смоль, волосы и усы. Острый взгляд. Выдающийся нос.

— Приехал только из уважения к Борису Борисовичу.

— Спасибо, — говорит Алекс.

Он в гипсе. Одна нога подвешена.

Они в палате одни.

— Борис Борисович сказал, что у вас есть несколько вопросов. Я жду.

— Есть. Расул Алигаджиевич, вы слышали о проблемах «Риэлтинга»?

Вместо ответа — осторожный кивок.

Алекс спрашивает в лоб:

— Это вы устроили?

Густые брови возносятся вверх. Не понимает. Или не хочет понимать.

— Закрытие «Риэлтинга», — объясняет Алекс. — Они ваши главные конкуренты.

Гаджиев негодуя мотает головой:

— Не мой стиль. Я работаю честно.

— А я слышал... — в глазах Алекса уничтожающая ирония.

— Молодой человек, я эту фирму только в прошлом году купил. Когда узнал, какие дела под этой крышей творились — поседел. Вот, посмотри. Теперь только на реабилитацию сколько времени и денег уйдет!

Выходит, что свои грязные делишки «Провинция» творила не при этом хозяине. Лучше ничего не знать о незнакомом человеке, чем начинать разговор, зная только плохое. Алекс доволен.

— Тогда скажите, кому еще это выгодно.

Гаджиев морщит лоб.

— Наезд полиции? Конечно, самой полиции.

— Получить отступные?

— Вроде того. Произойди такое с моей фирмой, я бы любые деньги отдал. Прекращение операций, опечатывание офиса — непоправимый удар для бизнеса, это конец любой коммерческой организации.

— Поэтому именно вы для всех — первый подозреваемый.

— Зря. — Мужчина качает головой. — Я бы не тронул «Риэлтинг». И не только из этических соображений, которые в бизнес-среде, к сожалению, давно забыты. У меня личная заинтересованность.

Алекс удивлен, но молчит. Гаджиев с неохотой заканчивает мысль:

— Здесь замешан другой человек. Я несу за него ответственность, поэтому не могу продолжать.

Другой человек, скорее всего, — женщина. Как обычно. И что же? Гаджиев вроде бы не женат. На юге, как известно, все воды нарзаны, все мужчины тарзаны. С кем из «Риэлтинга» связался глава конкурирующей организации, и почему их отношения должны быть тайной? Вариантов немного. Собственно, всего два: Лиза и Наташа. Это, конечно, если брать только прямой персонал и не считать уборщицу.

Стоп. А если не прямой? Если...

Алена?! Будущая жена коммерческого директора, второго лица в фирме, вполне может оказаться тем, о ком речь. Витая на пороге некоего всеобъясняющего открытия, Алекс уводит разговор в сторону:

— Расскажите про Горского. Вы были знакомы?

— Чуть-чуть.

— Как думаете, почему он сбежал?

— До денег очень жадный.

— А семья как же?

Гость язвительно фыркает:

— Он же ходок, каких мало. Никакого уважения к женщине.

— Вы — другой?

Гаджиев смотрит с укором и чуть неприязненно, как на появившуюся в поле зрения вошь, до которой не дотянуться:

— Да. Другой.

Алекс не сбавляет темпа:

— Говорят, Горский сбежал с Аленой, невестой своего коммерческого директора. Ничего не слышали?

— С Аленой?!

— Вы ее знали?

— М-м... В некотором роде.

— А точнее?

Кажется, сейчас вскрыется нечто значительное. Неужели Алена и Расул Алигаджиевич...

— Горский не мог сбежать с Аленой, — сообщает Гаджиев с необъяснимой твердостью.

— Почему?

Алексу так и хочется втиснуть: «У вас с ней что-то было?» Иначе почему глава фирмы-конкурента так жестко настаивает на невинности Горского в этом отношении? Других выводов сделать просто невозможно.

Алекс сдерживается. Пусть гость расскажет сам, такое должно раскрываться само. Как цветок в поле. От лучей солнца. Если срезать — завянет.

После паузы Гаджиев произносит:

— Алена не хотела с ним встречаться. Очень не хотела.

— Но — встретила? — Алекс весьма въедлив. — Судя по вашей интонации...

— Да. К сожалению, это именно я ее уговорил.

--- --

— Ежегодный Бал-маскарад Лиги открыт!

Оглушает овация, слишком громкая для маленького низкого помещения. Все рассаживаются. Для Чрезвычайной Комиссии на сцену принесли троны — мягкие кресла из холла, через который проводили гостей. Остальным достаточно длинных деревянных скамей. В антураже рыцарского зала они смотрятся органично.

Говорит одна из членов Комиссии:

— Год был замечательным. Мы много сделали. Вторая часть нашего девиза теперь не просто брошенные сгоряча слова обиженной женщины, которая жаждет реванша. Мы стали силой. Сегодня мы наградим самых выдающихся наших героинь. Номинация первая — за

наибольшее количество отыгранных эпизодов.

Устанавливается тишина. Почти абсолютная. С улицы в подземный этаж не доносится ни звука.

— Шестнадцать «главных», два «поддерживающих» и один «особый»! Лучший общий результат, если учесть, что «поддерживающие» и «особые» намного труднее и несравнимо опаснее. Итак... — Выдерживается еще одна томительная пауза. — Роза!

Одна из цветных масок радостно поднимается... скорее, возносится на обретенных крыльях, украшенная перьями голова кланяется хлопающим окружающим.

— Поздравляем! Прими вот это скромное... гм, скорее нескромное бриллиантовое кольцо и приз в пятнадцать тысяч евро из кассы Лиги.

Роза расцветает.

— Вручит заслуженную награду король российской эстрады, золотой голос России... ну, вы узнали!

На скамьях счастливое замешательство — не ждали. Знаменитый певец появляется в зале, озаряя присутствующих знакомой из телевизора улыбкой:

— Добрый день!

— Ура! Вау! Вот это да! — со всех сторон.

— Да-да, это я. Спасибо. Меня попросили вручить завоеванную награду прекрасной Розе. — Знаменитость проходит сквозь ряды, останавливается у героини церемонии и целует в едва обнаружившийся внизу маски кусочек щеки.

Из одних холеных ручек в другие переходят бархатная коробочка и конверт. В освободившейся руке вершины айсберга отечественного шоу-бизнеса появляется микрофон.

— Позвольте исполнить для вас песню...

Элизабет смотрит широко раскрытыми глазами. Шире маски. Шире сознания. Во что обошлось организаторам это выступление?

А ведь это только начало.

- - - - -

Чарли вспоминает начало. Как недавно — и как давно...

Сколько смеха было, когда сочиняли название. Клуб обиженных жен — КОЖ? Фу. Ведь не только жен, а женщин вообще, идея построена именно на этом. «Женщины» — все равно «ж». Как еще назвать? Леди? КОЛ. В одном месте. Звучит. Но кратко и некрасиво. Пусть — КОЛБАСА. Нет. «Б» среди «леди» несет ненужные ассоциации. Тогда не Клуб, а Лига. ЛОЛ? Смайлик, блин. Несерьезно. Уберем леди, вернем женщин — ЛОЖ. Ложа. Как у масонов.

— Тогда уж — «Лига обиженных женщин, ищущих справедливости», — сказал Друг, он же первоначальный спонсор, он же сподвижник, он же единомышленник, он же просто друг. — ЛОЖИСЬ!

Посмеялись и приняли.

Команду набрали в сети. Во главе поставили ЧеКа — из-за исторической аналогии это даже звучит страшно, а главное — наводит на нужные мысли. Чрезвычайная Комиссия наделена всеми полномочиями, кроме одной — видеть Чарли. Только голос. Только через сеть. Да, у Чарли необыкновенное преимущество в получившемся средстве влияния на нужных людей: Чарли знает всех, никто не знает Чарли.

Про Друга не знает даже Комиссия.

Теперь они почти захватили этот глупый провинциальный городишко. Только федералы

могли бы помешать, лишь у них есть силы и возможности. Но их никто не зовет. Все решается внутри.

Очень многое решится сегодня. Друг встревожен. Слишком глубоко завяз в игре. Ну что же, никто не виноват, это он сам придумал.

Пора обратиться к происходящему. Какие виды, какие краски... и как довольны собравшиеся! В восторге. То ли еще будет.

Красиво завернули, черт подери. Молодцы. Bravo!

Себя не похвалишь — никто не похвалит.

- - - -

У автомобилей бывает пониженная передача, чтобы пускать больше мощности на ту же скорость. Бывают блокировки дифференциалов, которые заставляют колеса вращаться равномерно и вытаскивать из ям завязшую громадину. Или, например, режим «спорт» у коробки передач. В человека такие удобные и нужные в некоторых моментах прибамбасы Творцом не заложены. Тюнингу поддаемся лишь поверхностному: что-то убрать, где-то прибавить, чему-то научиться. В основном довольствуемся заводскими настройками, а они не всегда справляются со стрессами новых времен. А как бы сейчас пригодилось...

Элизабет пытается совладать с волнением. Бал грандиозен. Она ждала нечто вроде костюмированного междусобойчика, в далеком от столиц (как по расстоянию, так и в прочих отношениях) городе другое представить невозможно.

Она проводит рукой по платью. Незаметное нажатие пальцев включило микрокамеру. Теперь тот, кто надо, видит происходящее. Жаль, здесь нет ни дневного света, ни электрического. Ничего, разберут, если захотят. С миниатюризацией перестарались. Кто же знал, что обыскивать на наличие жучков здесь не станут. А ведь это логично — присутствуют же только свои, проверенные. От своих подвоха не ждешь. Обслуживающий персонал? Появляется эпизодически. Известный певец тоже на шпиона не похож.

Элизабет медленно поворачивается, чтобы объектив дал полную картину.

— Вторая номинация — наибольшая сумма принесенных Лиге средств.

После поклона и ухода утонувшего в аплодисментах певца слово вновь у члена Комиссии:

— Конечно, все понимают, что эта часть нашей работы не основная. Но материально наказанные сволочи тоже показательно наказаны, а для некоторых удар по карману больше, чем скандал супруги. Потеря денег — важнее изгнания из дома. Итак, наш лучший результат, полученный за один эпизод...

Зал затаил дыхание.

— Кириллица!

- - - -

Кристина вскакивает и по-детски хлопает в ладоши. Она догадывалась, когда узнала размер выкупа, полгода назад полученный Лигой с одного политика за пленки с интересными записями... Но вдруг у кого-то больше?

Ни у кого.

Имя она взяла по человеку, из-за которого оказалась в Лиге. Само вырвалось, когда спросили, как хочет назваться. Постепенно привыкла к этому прозвищу, но с некоторых пор стала тяготиться. Одним Кириллом жизнь не ограничена, а имя напоминает о нем

постоянно. На следующий год, если такое допустимо, она попросит у Комиссии сменить имя. К тому времени на Кирилле и его предательстве уже будет стоять жирная точка. Все должно закончиться сегодня.

Появляются похожие на первые бархатная коробочка и конверт. Вручать их Комиссия не спешит:

— Кроме денег и украшения — подарок для души. Лично провести БП. Она долго этого ждала.

Глаза Кристины сияют круче бриллиантов. Дождалась. Ночные события выветриваются из головы, как вчерашний дым.

— Но это чуть позже. Сейчас во славу женского начала состоится бой без правил между представителями исконного противника. Прошу уважаемое собрание переместиться на следующий этаж.

Все дружно поднимаются. Красавчик-лакей отворяет дверь и с факелом шествует по лестнице впереди. Пламя играет на его литых мышцах.

- - - - -

Знакомые мышцы. Где-то видела. Как Элизабет ни напрягается, узнать не может. Это ее бесит. Такие шикарные мышцы нельзя забыть... но и вспомнить не получается. Она пытается сместиться к Аполлону ближе. Толпа этого сделать не позволяет.

Из цокольной части по уже знакомой лестнице все входят в холл первого этажа. Здесь такой же полумрак, как и внизу. Окна наглухо задрапированы. Электрический свет отсутствует как явление.

Свечи. Море свечей. На всех уровнях. От пола до специальных люстр.

Цветы. Стоячие и висячие. В кадках, вазах, на полочках, тумбочках, столиках и дизайнерских конструкциях. Океан цветов. Хочется утонуть. Запах невыносим и божественен, сбивает с ног.

Вдоль одной из стен стоит в ожидании шеренга таких же Аполлонов. Они кланяются. В руках — подносы с шампанским. Мышцы бугрятся и переливаются ярким маслом. Стринги топорщатся. Прессы впечатляют.

В правой стороне холла сооружен импровизированный ринг — установлены четыре столбика, между ними натянуты веревки. В центре для дам приготовлены диваны и кресла. Все рассаживаются.

На ринге появляются двое бойцов. Спортивные трусы, кожаные шлемы, перчатки. Всеобщее воодушевление. Подбадривающие возгласы и хлопки.

— Победитель удостоится поцелуя героини объявленной номинации. — Ведущая дает отмашку.

Бой начался.

«Не такой уж и "без правил"», — думает на своем месте Элизабет. Она видела настоящие, которые совсем без правил. Зрелище не для женщин.

Бойцы дубасят друг друга, что есть мочи, летят пот, слюни и кровь. Аполлоны разносят шампанское.

- - - - -

Сверху долгое время слышен невероятный шум. Звукоизоляция не позволяет понять подробностей, но понятно, что там много людей, звучит музыка, и периодически кто-то громко говорит. Она пробовала кричать, но убедилась — нет смысла. Потом звучит заезженная и уже навязшая на зубах песня, и все стихает. Алена настораживается. После недавнего гула одиночные шаги пугают.

Это по ее душе. Скрип, свет. Мужчина. Тот же. Лучше он, чем.

Про себя она прозвала его Карлсоном. Необъятный, неопасный, неуклюже переваливается с ноги на ногу, живет на крыше. На крыше мира. Потому что мир — клетка, в которой она находится. Остальные — небожители.

Опускается лестница. Лестница в небо.

— Пора?

Карлсон кивает.

С тех пор, как узнала про видеокамеру, халат она больше не снимала. Сырой, мятый, непотребный — единственная защита. Запахнувшись глубже, Алена делает первый шаг наверх. Затхлый смрад сменяется свежестью и благоуханием.

Перед самым верхом Карлсон делает знак остановиться. Извиняющимся жестом достает плотный мешок, надевает ей на голову и помогает выбраться наружу.

Придерживаемая под локоток, через пару десятков шагов Алена оказывается в знакомом санузле. Мешок сдернут. Карлсон указывает на удобства и отходит к двери.

Она уже не стесняется. После всего... Зная, что за ней все это время наблюдали...

Сегодня здесь и шампунь, и гели, и полотенце. Почти счастье. Но подъема, подобного прошлому, не ощущается. Душа устала.

Через пять минут появляется Карлсон и знаками просит поторопиться. Она подчиняется. Вместо халата оборачивается в огромное махровое полотенце и выходит. Карлсон вставляет ей в уши ватные затычки. Звуки пропадают. Потом на глаза ложится повязка, концы крепко стягиваются на затылке.

Ее ведут наружу, в зал. Направление непонятно. Шагов через десять ноги встречают преграду и восходят на нее, как на ступеньку. Видимо, это эстрада, которую сколотили за предыдущие дни.

Через два метра — грубая остановка. Толчок в спину. Грудью, животом, а затем и лицом Алена налетает на вертикальное препятствие — деревянное, ровное, длинное. Похоже на обычную доску. Невидимый конвоир заставляет обнять широкую деревяшку и привязывает к ней. Руки и ноги. Руки ощущают Т-образную поперечину с обратной стороны доски. Значит это одна из длинных скамей, увиденных в прошлый раз. Ее поставили вертикально для...

«Я добровольно хочу подвергнуться наказанию...» — вспоминается из написанного по требованию похитителей, и это жуткое озарение приходит вместе с гадостным ощущением на лице, когда от щеки до щеки рот залепляют куском скотча. Невидимая рука сдергивает с Алены полотенце и на прощание проводит шершавой перчаткой по пошедшей мурашками коже — словно может что-то почувствовать.

Один из бойцов лежит в углу, пол залит льющей из носа кровью. Второй, огромный и жуткий даже на вид, ликующе подпрыгивает со вскинутыми над головой руками, на одной из которых вытатуирован орел. Кристина поднимается на сцену и целует победителя. Не сказать, что с большим удовольствием — тот весь потный и в крови, своей и чужой. Но общий дух поединка подстегнул разлитое в воздухе возбуждение, и ей хочется это сделать. Награжденный боец уходит счастливый, проигравшего уносят с ринга полуобнаженные лакеи.

— А теперь, — вновь берет слово ведущая, — для нашей героини — сюрприз.

Кристина напрягается. Ведущая продолжает:

— Награду вручит...

Дверь отворяется. Все смотрят и не верят. Больше всех — Кристина.

Он! Боже...

Трепет. Нестояние. Возможность обморока.

— Поздоровайся хотя бы, — смеется ведущая, — для тебя приглашали. Мечты должны сбываться.

— Но я не знаю языка...

— Буон джорно! — с живущей в сердце улыбкой хрипато обращается к ней появившийся мужчина. Он седой, морщинистый и плешивый. Но — он!

На таком уровне итальянский она понимает. Выдавливает:

— Бон джорно.

— Танти аугури! — Крепкие руки вручают ей невероятный букет, коробочку и конверт. Освободившись от груза, эти руки тянутся к ней... обнимают... и...

Знаменитый итальянец целует ее. Только ради этого стоило жить.

Ведущая передает гостю микрофон. Все погружаются в гипноз ритма и мелодического хрипа.

— Арриведерчи! — произносит певец через несколько минут.

Он отдает микрофон и удаляется в сторону двери. Там оборачивается и машет рукой:

— Спасыбо!

Его русский хромает и никому не нужен. Все под впечатлением песни.

— А сейчас... — ведущая обводит взглядом с трудом возвращающийся в реальность зал, — прошу всех вновь спуститься вниз. Для БП все готово.

Кристина едва понимает, что это и зачем нужно. Она уже на седьмом небе. Но обожаемая (с каждой минутой — все больше) Лига дает ей шанс стать еще счастливее.

Поигрывающие мышцами красавцы отстраненно-почтительны, как заправские лакеи. Они придерживают створки, чтобы на лестнице, пока по ней спускаются, было светло, и исчезают, плотно затворив за собой двери. Шурша платьями и задорно перестукиваясь каблуками, дамы возвращаются в «рыцарский зал».

На сделанном из досок возвышении — жертва. Привязана, подготовлена, ждет.

- - - -

Он смотрит. Она перед ним, на экране. Скоро он снова спустится через запасной вход, откроет железную дверь... но сейчас ему в зал нельзя. Лиге не положено знать, какую роль он играет в произошедших событиях.

Все было ради этого дня. Ради этого часа.

Он смотрит.

Вперед выходит Кристина. Здесь ее зовут Кириллицей. Она давно мечтала отомстить. Он предоставил ей такую возможность.

В ее руке, вспарывая пространство, свистит черный кожаный хлыст. Кристина довольна звуком и ощущением. Она подходит к жертве еще ближе.

Он напрягается. В сердце воткнули нож. И поворачивают.

Больно. Очень больно.

Необходимо.

— БП или большая порка, — громогласно вещает ведущая то, что большинству уже известно, — это наказание разлучницы. Ни один человек из тех, кто видел, участвовал или, тем более, подвергался БП, никогда не станет на греховный путь. Мы не священники и не можем отпустить подобные грехи всем, но мы можем и должны сделать это единично. Даже единичные случаи спасут много судеб, которые могли быть сломаны, если считать себя выше человеческих законов.

Он смотрит на сверкающую огненными отблесками кожу своей мечты. Еще секунда...

На ничего не подозревавшую жертву обрушивается первый злой удар. Хлесткий, жесткий, с оттяжкой. Алена дергается, неестественно выгибается, глухо вопит. У нее закрыты рот, глаза и уши, она может только чувствовать. Все, что она чувствует, он чувствует тоже.

Но так надо.

Поперек женственной ложбинки появляется полоса малинового цвета и будто бы ставит на жертве крест. Яркий крест на белом поле. Цель в прорези оптического прицела. Стрелок видит цель. Стрелок ненавидит цель. Стрелок бьет точно в цель. Свист хлыста вновь режет оцетинившуюся колючками нервов сгустившуюся тишину.

Он видит, как нещадное цунами прокатывается по Алене, ураганы и вихри скручивают, сгибают, свивают в клубки, вырывают с корнем и разносят в клочья вскипающую несчастную кожу. Врезают розовое мясо.

Невыносимую боль жертвы он чувствует как свою. Еле сдерживается. Терпит.

Так надо. Тело заживет, а душа — запомнит.

- - - - -

Элизабет понимает, что ей плохо. Не привыкла. И не она одна. Многие вертят головами, стремясь отрешиться, спрятаться, исчезнуть.

Приходится смотреть. Черный изгибающийся хлыст продолжает работу. Медленно, словно ожидая какого-то сигнала или реакции, неотвратно поднимается — и с нечеловеческим хищным восторгом опускается. И снова. И снова. Наливающиеся алым полосы вкривь и вкось чертят рассеченную кожу. Кусают, скребут, вгрызаются.

Удар сыпется за ударом. Каждый последующий, все более мощный, сопровождается очередной судорогой жертвы, которая воеет, мычит и безуспешно мечется незакрепленным корпусом в стороны. Но уклониться невозможно. Дергающееся тело превращается в желе. В холодец. В месиво.

Ведущая с трудом останавливает Кириллицу, отбирает хлыст и возвещает:

— Следующая!

- - - - -

— Вы уговорили?!

Гаджиев виновато жмет плечами:

— Лера сказала мне...

— Пойдите, — перебивает Алекс. — Лера — это кто?

— Валерия Даниловна. Супруга Владимира Терентьевича.

— Почему она...

— Мы любовники.

Алекс давится следующим вопросом и умолкает.

— Так получилось. — Гаджиев опускает голову.

— А говорили — другой...

— Здесь совсем иная ситуация. — Гаджиев чувствует себя виноватым, но для очистки совести он запасся оправданиями. — Бедную женщину замучили и бросили. А она — любила!

— Там — ходок и не уважает женщин, а здесь — ситуация? А вы, значит, выступили в роли спасителя и утешителя?

Алексу не хочется быть язвительным, само получается.

— Молодой человек, не надо намеков. — Брови Гаджиева врезаются друг в друга на переносице. — Помочь человеку, когда ему плохо — святая обязанность каждого.

— Да-да, — кивает Алекс, разглядывая печать на простыне больничной койки.

— Мне было жаль бедняжку. Время от времени я дарил цветы, оказывал другие приятные знаки внимания. Это чтобы она не думала, что все мужчины одинаковы.

— Как вы познакомились?

— Случайно. Я прибыл в «Риэлтинг» для переговоров, нужно было срочно пристроить несколько квартир, а других покупателей с деньгами на руках в городе не было.

Алекс прикусывает губу: «Кажется, с выводами о непричастности я поторопился». Так срочно продают только квартиры с криминальным прошлым. Специально проворачивают несколько быстрых оформлений купли-продажи, чтобы перед законом отвечал лишь конечный добросовестный покупатель. Сейчас с этим начали бороться, но начали — это еще не побороли.

— В кабинете мужа сидела и чуть не плакала Валерия. Она прибыла за минуту до меня и перед офисом увидела, как супруг отбывает в неизвестном направлении с какой-то размалеванной кралей. Я взялся отвести ее домой. С тех пор и началось.

— Что насчет Алены? — Алекс возвращается к обойденному пункту. — Как вы познакомились с ней?

— Собственно, с Аленой я встречался только один раз — по просьбе Валерии. До этого знаком не был.

Алекс молча ждет продолжения. Гаджиев рассказывает:

— Это было после одной вечеринки. Кто-то из мужчин представил собравшимся молодую даму, с которой пришел. Горский незамедлительно принялся обхаживать ее на предмет интересных возможностей. Валерия все видела.

— У Владимира Терентьевича... получилось?

Усы собеседника колышутся в горизонтальной плоскости:

— Нет.

— Почему вы так уверены?

Гаджиев смотрит на Алекса как на ребенка:

— Такое очень трудно скрыть от того, кто в данной информации заинтересован. Алена

дала Горскому от ворот поворот. Вежливо, с улыбкой, но раз и навсегда.

— Зачем же вы...

— Валерия просто на стену бросалась. Горский сам гулял, а за ней следил, как товарищ Берия за врагами народа.

— Были поводы?

— Мы старались не давать. Но в этот раз нам необходимо было встретиться. И Валерия сама предложила. Она узнала и дала мне телефон Алены. Только на нее Горский мог клюнуть сразу и безоговорочно. Я проявил все свое обаяние. Волосы рвал. Чуть головой о стенку не бился. В конце концов — уговорил.

— На что?

— А на что я мог уговорить? Понятно, на что. Просто помочь. То есть, занять Горского на пару-тройку часов. Сходить с ним в кино или на концерт. Не в сауну же.

— А Алена?

— Сказала, что исключительно ради нашей любви.

— Вот как? — улыбается Алекс.

— Простите. — Гаджиев становится серьезным до невозможности. — Шутки здесь неуместны. Вот Алена нас понимала. Знала, что такое настоящая любовь. И только поэтому согласилась.

— Значит, все же пошла? Почему же вы уверены, что между ними не...

— Вечером того дня она перезвонила мне и очень ругалась нехорошими словами. Сказала, что никогда больше. Горский даже людей не стеснялся. Понимаете, Владимир — перманентный гулена с неустрашимым бесом в ребре. Ему все равно, где и как. Однозначно, рано или поздно из семьи он ушел бы. А у нас с Валерией все серьезно.

— То есть теперь, когда Горский исчез...

Расул Алигаджиевич делает останавливающий жест.

— Нет. Пока Валерия не решит, что пора, я не выйду из тени. Она дорожит своей репутацией.

Алекс не может не съехидничать:

— А как же любовь?

— В нашем возрасте необходимо уметь совмещать.

— То есть, имущество и фирма Горского, которые после исчезновения законного супруга останутся Валерии Даниловне, вас как бы совсем не интересуют? И к исчезновению Горского вы руку не прикладывали?

Гаджиев резко поднимается.

— Прощайте, молодой человек. Чем мог я помочь, больше ничем не обязан.

-- --

Жуть. Вспухшие полосы. Сочащиеся кровавые резы. Немножко не в себе, не понимая, что с ней случилось, Кристина с ужасом глядит на результат своей работы. Когда была — не думала. Просто была. Мстила. Восстанавливала мировой порядок.

Справедливость. Уводить чужих мужей — несправедливо.

Ей сочувствуют. Но видя, что она сделала с бедной жертвой...

- - - -

Элизабет не отводит микрокамеры от сцены.

Она знает несчастную. Это пропавшая с позавчерашнего дня несостоявшаяся невеста Матвеева. Получается, что похищение — тоже дело рук Лиги. Какое насыщенное открытиями событие. Чего ждать дальше?

Участницы бала по одной выходят на сцену, берут хлыст и по несколько раз прикладываются по вздергивающимся спине и уже разнесенному вдрызг мягкому месту разлучницы. Те, кто ищут приключений на свою неумную середину, должны видеть, что приключения найдут их взаимно.

Комиссия следит, чтобы отметились все.

— Элизабет! Твоя очередь.

Она не хочет. Рискованная в других случаях, сейчас она хочет утешать и исцелять. Она же женщина. Хоть и с придурью. А кто не с придурью?

Идет. Надо.

Она заставляет себя взглянуть на жертву. Ладонь принимает рукоять предложенного хлыста. Страшный инструмент неожиданно удобно ложится в руку. Он похож на змею. Такой же черный, длинный и опасный. Не наступай на змею — она не тронет. То же самое с этим хлыстом. Кусает только виновных.

Нерешительно подняв, Элизабет тихонько опускает инструмент возмездия на чужую кровотокающую кожу.

Белые маски выказывают неодобрение. От члена Лиги ждут большего. То, что происходит — не просто машинальное церемониальное соучастие, а эмоциональный акт, выражение солидарности со всеми обманутыми и брошенными.

Она бьет еще раз. Намеренно вытягивает вдоль нежного бока, где не успели отметить остальные. Рука пугливо отдергивается...

...А глаза и уши с необъяснимым удовольствием видят и слышат результат. Жертва корчится. Стонет. Ее жертва. Уже не женщина, даже не человек, а боевой трофеей. Пленница. Рабыня. Добыча.

Враг.

Элизабет вновь взмахивает вверенным орудием власти. В междуножьи возникает сладкий вяжущий зуд. Волны дрожи проходят мощным отливом по внутренней стороне бедер. «Что ты делаешь?!» — кричит одна часть сознания, непонимающая, дрожащая и сомневающаяся. «О-о, что ты делаешь!!!» — восклицает другая. Неизвестная. Властная. Только что родившаяся. Черт возьми, это какое-то наваждение. Сумасшествие, апофеоз победы демократии в казавшемся цельным разуме, полный плюрализм мнений раздираемого на фракции организма, который возглаждал всего и сразу: покоя и неистовства, боли и

наслаждения, неподсудной власти и безответственного слепого подчинения...

Вот, оказывается, как это бывает.

Тело жертвы горит параллельными и поперечными ранами, голова заваливается набок.

— Стоп. — Спасительный обморок принимает в объятия истерзанную страдальницу, и ведущая отбирает хлыст. — Наказание считаем состоявшимся. Можно быть уверенными, эта девушка больше никогда не повторит своей ошибки.

— Еще бы!.. Само собой!.. Пусть только попробует!..

Ведущая останавливает бурные выкрики:

— Прошу тишины. Следующий пункт программы — номинация «Самое яркое исполнение». Прошу всех пройти наверх, награждение состоится там.

- - - -

Почти обнаженные лакеи одновременно открывают парадные двери особняка. Вместе с бросившей в дрожь морозной волной в холл, где уже нет в помине ни мягкой мебели, ни ринга, въезжает белый «Ягуар». Сверкающий автомобиль останавливается посреди взвизгнувших и прыснувших в стороны барышень. Стремительный, приземистый, похожий на готовящегося к броску тигра. Сжатая пружина, готовая выстрелить.

— Это — приз?! — догадывается кто-то.

— Правильно. — Марго, выступающая от имени Комиссии, улыбается. — Специальный приз за самое яркое исполнение поручения присуждается...

Тишина полная. Все ждут.

— ...Артистке!

Хлопки. Завистливые взгляды. Артистка довольна. Видно, как ей снова хочется в бой, прямо сейчас, но уже на этом «Ягуаре».

— Кратко объясню, чтобы все были в курсе. Наша подруга рисковала жизнью, и пусть из-за стечения обстоятельств акция удалась на девяносто процентов, результат получился достаточным. Он объяснил человеку, который вышел на след Лиги, что связываться с нами — себе дороже.

Марго переводит дух. «Чтобы все были в курсе». Бред. Ладно, остальных устраивает, не самой узнать бы, зачем едва не угробили Артистку, пообещав новую машину взамен разбитой, зачем делали столько непонятных вещей, не поддающихся логике, до объяснения которых Чарли никогда не снизойдет. Единственное, что он сообщил — что автомобиль отдал за молчание один из клиентов.

— Я счастлива... Хочу поблагодарить тех, кто помогал мне... — Артистка умеет говорить со сцены. Это ее профессия.

— Всемуко Путенабо! — в поддержку выкрикивает кто-то девиз Лиги.

Марго морщится. Наивные. Не наигрались в детстве. Всемуко Путенабо — шуточный девиз, его придумала одна из новеньких дамочек, и все с восторгом подхватили. Даже на сайт в качестве логотипа вывесили. ВСЕ МУЖИКИ КОЗЛЫ. ПУСТЬ ТЕПЕРЬ НАС БОЯТСЯ. Бред Мужчины должны не бояться, а любить. Но попробуй объяснить это обгаженной душе, в которую наплевал очередной козел.

Лига. Угораздило же вляпаться.

Вообще-то Лига задумана прекрасно. Кажется, что придаться не к чему. Но это если думаешь только о мести. О прошлом. Один освобожденный от бурлящих эмоций трезвый взгляд в будущее — и дрожь в коленках. Кошмары во сне. И не понимаешь, как можно было

попасться.

Все сделано так, чтобы попасть в Лигу было проще, чем ее клиенту на нехитрые сладенькие уловки. А дальше...

Нюготок увяз — трындец. Это понимаешь только со временем. Энтузиазм проходит, опустошенность и страх остаются. Потому что назад — нельзя. Жесткая иерархия, где приказы идут сверху, а отчеты снизу, дает плоды. На каждую у Чарли собран компромат. Сами, идиотки, отсылали, из-за всклокоченных чувств забывая, что дарят повод для шантажа. Для полиции эти записи — бесценный подарок, для будущих мужей — повод порвать. С Чарли нельзя ссориться. Чарли надо слушаться.

Хорошо, что Чарли чужда корысть. Вроде бы. Надолго ли? Миллионы раз подтверждено: власть развращает. Сейчас Чарли жизнь отдаст за идею, всегда прикроет с любой стороны. Его связи огромны, будто им куплены все, кто продается, и даже те, кто не продается. Чарли находит подход к самому непробиваемому строптивцу. А помогают в этом члены Лиги, через «особые» поручения. Круг замкнулся.

Выхода из круга нет. Что ж, судьба.

Судьба? Бред. Ссылаться на судьбу — любимая отговорка тех, кто не хочет отвечать за свои поступки.

- - - - -

Скотч с губ. Слово лицо содрали. Пелена с глаз. Искры и круги. Губы и кожу лица жжет. А как горит все сзади... полыхает... словно одновременно сотня включенных паяльников впилась. И еще десяток злющих псов утоляет голод за ее счет — грызут, кромсают клыками и пережевывают, даже не откусив...

Невыносимо.

Прямо на чьих-то руках она вновь проваливается в счастливое беспомыслие.

- - - - -

Ключи и документы на автомобиль Артистке преподносит один из Аполлонов. Элизабет вспоминает — это же стриптизер из ночного клуба «Косой заяц»! И остальные, кажется, тоже...

Артистка сияет. Все ждут продолжения.

Ведущая объявляет:

— У одной из нас произошло событие, которое нужно отметить. Вы знаете, что главное в нашей работе — принцип трех К. Количество, Качество, Красота исполнения.

Зал замер и вслушивается.

— Наша очередная номинантка — одна из давних участниц Лиги. Ни к количеству, ни к качеству ее акций претензий не было никогда, а красота непревзойденна и стала уже легендарной.

Все крутят головами. Чтобы идентифицировать, данных пока недостаточно.

— Сегодня она отчиталась об очередном успехе, — продолжает Марго. — Первое «особое» поручение. Оно, как и другие, выполнено безукоризненно. Итак...

Выдерживается пауза, как в телешоу перед правильным ответом.

— Скромница!

— Поздравляем! — раздаётся со всех сторон.

Скромница радостно кланяется. Ей приятно. В то же время поза напряжена, взор из-под

маски — настороженный. Кажется, она чего-то ждет. Или хочет сказать что-то важное, но считает, что еще рано.

— Помимо денежной премии — приятный сюрприз.

В центр выходит Аполлон с подносом. На подносе — баночки с краской.

— Уважаемая Скромница. — Марго улыбается. — За ваше искусство вам предоставляется удовольствие раскрасить по своему усмотрению другое произведение искусства.

Ее лицо указывает на Аполлона.

Скромница подходит, тычет пальцем в ближайшую банку и оставляет ярко-красную точку на носу предложенной модели.

Все смеются. Пальцы Скромницы смещаются вниз и принимаются за настоящую работу.

- - - -

Валерия Даниловна ждет. Еще чуть-чуть. Ради этого она согласилась. Ради этого подруга пошла в обход правил, введя новенькую в состав Лиги почти обманом. Не было проверок, испытательного срока, вступительных акций. В ее случае это не требовалось.

Была измена. Не физическая, к этому Валерия Даниловна почти привыкла. На отношениях такие «мелочи» уже не сказывались.

Только члены Комиссии знали что и почему. Они поддержали. Поэтому она здесь.

Потому что он здесь.

Валерия Даниловна выбрала имя Анестезия. Боль была сильна. Предательство, быстрый «фиктивный» развод, вроде бы чтоб уберечься от тюрьмы. На словах все выглядело логично. А потом подлец исчез. Если бы не Лига...

Маргарита, член Чрезвычайной Комиссии, приняла ее боль как свою. Нашли в тот же день. Возможности женского сообщества превысили ожидания. Сейчас эти возможности давали возможность показательно отомстить.

Бал продолжается. А на душе кошки скребут и продолжают нестерпимо гадить. Хорошо, что она здесь, в окружении единомышленниц. Оставаясь одна, она в какие только крайности не кидалась. Даже любовника завела. По глупости. И из вредности. В отместку. Хотелось ЕМУ что-то доказать. А себе — напомнить. А в отношении всех — в очередной раз самоутвердиться и как бы сообщить, что тоже не лыком шита.

Теперь неясно, как от него избавиться. Взбаламутила тихий омут, растормошила человека. Как теперь преподнести, что ей нужна была не любовь, а щепотка сочувствия?

Ладно, как-нибудь скажет. Если Володька после сегодняшнего образумится. А он наверняка образумится. Годы уже не те, чтобы скакать козликом и все начинать заново. В этом возрасте люди предпочитают стабильность и покой. Пора и о здоровье подумать, ту же операцию в носу сделать, чтобы дышать, наконец, как все люди, без помощи химии. И зрением заняться.

После такого, как сегодня, он обязательно образумится.

Валерия Даниловна сосредотачивается на происходящем.

Когда неведомая Скромница раскрасила спортивно сложенного красавца до самого низу, и он в таком виде исполнил чувственный танец, объявляют следующий пункт программы:

— Переходим к стрельбе по бегущему козлу. Ту, кто попадет наибольшее количество

раз, ждет особая награда. Целью сегодня будет козел нашей новой участницы Анестезии.

Валерия Даниловна вымученно изображает улыбку. Губ под маской не видно, но глаза — зеркало души, они выдают все, даже если почти не видны. И поза следует за ними, и жесты. Нужно соответствовать образу, которого ждут остальные. Лига — опасна, но это понимаешь только когда в нее попадешь.

— Прошу всех опять спуститься вниз, — приглашает ведущая. — Площадка уже готова.

Дамы спускаются. У входа приготовлены пейнтбольные ружья-маркеры, скамьи раздвинуты, образован огневой рубеж. На деревянной сцене — «козел». Сейчас в кавычках, поскольку все же человек. Лежит, не двигается. Глаза завязаны, рот залеплен. Валерия Даниловна, конечно же, сразу узнает и морщится.

Элизабет сразу узнает и вскрикивает.

- - - -

У Маргариты муж в верхах. Новый муж. Через него (и таких же как он) Лига решает свои проблемы. Марго попала в Лигу, мстя бывшему мужу. С помощью нового мстит другим. На грешки нынешнего мужа внимания почти не обращает. Незачем. Уже хочется стабильности. Спокойствия. Этого можно достичь только с помощью достатка. В Лиге, как и везде, лучше быть наверху, при власти, чем покорной овечкой следовать на убой.

Скромница уже дважды подходила с просьбой поговорить. Эта же тема. «Особые» поручения. Как объяснить не члену Комиссии, что Комиссия сама не знает, зачем это нужно? А сказать что-то надо, Скромница не отстанет. В Лиге она уровнем ниже Марго, а в городе — известней, богаче и влиятельней. Не отвертеться. Придется созвать заседание Комиссии, где решить, что делать со Скромницей и ее любопытством.

Раздается вскрик. Сразу еще один. Предназначенный для слепого бега по сцене «козел», ожидающий моральной казни, недвижим. Поза неестественна.

Анестезия бросается вперед, подхватывает тело на руки и вслушивается в сердце. Затем ее лицо поднимается, глаза закатываются, слышится тихий вой. Вой сменяется рыданиями.

— У него... у него — ринит, — прорывается сквозь слезы, — нос всегда заложен. Без лекарств — как без рук. А ему — скотч на рот...

Труп.

Повеселились.

— Прошу всех выйти, — объявляет Марго. Теперь нужно придумать, что сказать мужу, как объяснить ситуацию. Звонить нужно срочно, как-то улаживать, пока не выплыло за стены. — К сожалению, казнь развратника осуществилась не так, как рассчитывали.

— Судьба, — говорит кто-то.

— Божий гнев.

— Сам виноват.

В толпе слышны всхлипы. Удар оказался силен. Как ни храбрятся, идти до конца, как оказывается, готова не каждая.

Марго продолжает:

— Предлагаю успокоиться, подняться наверх и перейти к следующему пункту программы — перевыборам Комиссии на следующий год. Внесенные кандидатуры на испытательный срок...

Ее взгляд падает на Элизабет. Они впервые оказались рядом. То, что не бросалось в глаза издали, вблизи режет взор. Фигура, конечно, похожа, но сходство неидеально.

— Ты не Лиза.

— Знаю.

- - - -

«Элизабет» усмехается. Почти то же самое она слышала несколько часов назад, когда по приказу Сыча приехала к настоящей Лизе.

«Ты не Женя», — сказала та.

Сейчас Лиза сидит связанная, ждет возвращения самозванки.

— Я тебя не знаю? — Ведущая нервно сглатывает.

— Ее знаю я, — раздается голос.

К ним подходит Скромница.

— Говорила же... — Скромница вздыхает и переводит взгляд с «Элизабет» на ведущую:
— Это моя дочь.

Их обступают другие члены Комиссии. Вокруг сжимается кольцо прочих участниц Лиги.

Сверху доносится шум, двери с треском распахиваются:

— Всем оставаться на местах!

В особняк врываются люди в форме. словно в цветущую фруктовую рощу ворвалось стадо носорогов.

— Снять маски! Полиция!

На остолбеневших дамочек направляют оружие, и штурмовой отряд освобождает проход начальству. В проем выбитой двери по лестнице спускаются полковник и Сыч.

— Как договорились, все — ваши, а Горский, если еще жив — мой, — напоминает Сыч.

Полковник чуть не спотыкается и останавливается. Он не верит глазам.

— Рита?

Маргарита разводит руками.

Сыч выводит из помещения Жанну, с чьей помощью следили за событиями.

— Где женщина, которую пороли? — спрашивает полковник.

Никто не знает. Она оставалась привязанной к скамье, когда все поднялись наверх. Больше ее не видели.

— Где невеста Матвеева? — повторяет Сыч.

Он сам бросается на поиски.

Алены нет. Ни на этажах особняка, ни в подвальных камерах, где ее и Горского держали двое суток, ни на обширной территории. Надежда обнаружить девушку просыпается, когда одна из спален оказывается запертой. Дверь выбивают, но вместо Алены внутри находят мальчика. В комнате с двумя постелями много еды и игрушек. Мальчик рад вторжению. Его отправляют вниз.

— Мама! — бросается он к Кристине.

— Ты здесь? Почему?

— Меня забхала одна тетя, она сказала, что вы с папой пхасили. Мы много игхали, было весело. Вон она! Тетя Зоя!

Одна из женщин пытается скрыться за чужими спинами. Ее выводят на свет.

— Это вы забирали ребенка из садика? — спрашивает Сыч.

— Да. — Отпираться нет смысла, и женщина готова сотрудничать, чтобы хоть как-то смягчить вину. Она показывает это всем видом.

— Кто приказал? Они? — следует кивок в сторону снятых белых масок. — Кто именно?

Тоненький женский палец упирается в Маргариту:

— Она. Велела сидеть с мальчиком безвылазно до сегодняшнего вечера, потом отдать матери.

Все еще не отошедший от шока полковник обращается к супруге:

— Почему?

Маргарита отводит взгляд.

— Долго объяснять.

— Мы никуда не торопимся. Значит, это твоя инициатива?

— Нет.

— Кто стоит над тобой?

— Прости, но, боюсь, этого я сказать не смогу.

— Скажешь! — говорит он со злостью.

— Не скажу, — говорит она со вздохом. — Потому что не знаю.

- - - -

Алекс откидывается на подушку. Буквально перед самым приходом Гаджиева у него был Борис Борисович. Поговорили.

— Матвеев не виновен, — настаивал Алекс.

— Уже знаю.

— Он жив?

— Жив, жив. Скоро очухается. А пока мы его ментам сдали, у них тоже накопилось много вопросов.

— Борис Борисович!

— Знаю, Алекс. Подожди. Всему свое время. Он побегал — теперь пусть посидит. Подлечится. Сейчас он на больничке в СИЗО.

— А потом?

— Потом ты снимешь гипс и сам поможешь своему приятелю.

На том и сошлись.

Едва он начал дремать, разбудил звонок. На экране высвечивается один из номеров офиса.

Алекс дотягивается до трубки

— Акимов.

— Здравствуй, Алекс, это Макаров из автоцеха. Твой леопард готов.

— Спасибо. Но чуть позже. Мумиям авто не нужно.

— Мы слышали, поэтому подогнали прямо к больнице. Сейчас занесу ключи.

Через минуту улыбчивый мужчина в белом халате входит в палату Алекса.

— Держи. И выздоравливай скорее.

— Бойтесь без работы остаться?

— Естественно. — Макаров иронично щурится. — Кто еще нас таким объемом загрузит? После твоих подвигов мы каждый раз требуем дополнительных ассигнований и людей.

— Говорят, если мужчина неспособен на подвиг, он ни на что не способен, — хмыкает Алекс, — вот и стараюсь.

— Не перестарайся.

Ключ-брелок переходит из целых рук в частично загипсованные.

— Как погодка на улице?

— Не знаю, как бы ее обозвать, чтобы природу не обидеть.

Для автомастера такой мороз — беда.

— Понятно. А с той машиной что?

Макаров понимает, о чем речь.

— Только начали разбираться.

— Полиция в курсе?

— Нет. Какой-то доброхот-очевидец успел вызвать, но мы по-быстрому дело замяли и отволокли аппарат к себе.

— И до сих пор никаких предположений? Учтите, я материалист.

— С учетом последнего — только одно. На машине стояла сигнализация с автозапуском. Механическая коробка передач, но датчики перенастроены на автомат.

Алексу это ничего не говорит. Макаров раскладывает по полочкам:

— Если при таких настройках воткнуть первую передачу, выйти из машины и поставить ее на сигнализацию, а потом завести с брелока, машина в тот же миг поедет вперед. Сама. Рванет туда, куда колеса направлены. Застопорив руль, направить их можно куда угодно. Если брелок сигнализации мощный, то расстояние может быть огромным. В твоем случае, понятно, в пределах видимости.

— Почему?

— Если имелась цель, и ею был именно ты...

Кто-то ждал именно его. Или... Кирилл? А Алекс, как одна из целей, просто первым попался на мушку?

— Чья машина — выяснили?

— Это не ко мне. Все данные в техотделе.

— Хотя бы в общем.

— Говорят, была угнана из соседнего двора. Номера сняты. Открыли с помощью специального брелока, которые свободно продаются в сети, или сделали копию, когда автомобиль ремонтировался. Завели без взлома замка. Пока могу сказать одно — работали не дилетанты.

«Работали не дилетанты», — повторяют про себя Алекс. Мозги гудят, судорожно вспоминая что-то важное.

— Передай, пожалуйста, визитку из кармана, — просит Алекс. — Из куртки на вешалке. Макаров передает, прощается и уходит.

Алекс задумчиво крутит в пальцах кусочек мелованного картона. Мысли далеко.

На визитке написано: «Автосервис "У Толика". Любой каприз, на который хватит фантазии!»

- - - -

Свет. Тряска. Боль.

Ее куда-то везут. Кто? Карлсон, злобная женщина, или... Она назвала им два имени, к кому обратиться за деньгами. Если уже все кончилось... Кто же из них?

Алена обнаруживает себя лежащей на заднем сиденье автомобиля, периодические ощущения невесомости и следующие за ними вдавливания в кресло говорят, что скорость приличная. Сверху Алена прикрыта теплой курткой.

Она приподнимает голову.

Перед ней — знакомое лицо. Вернее, лицо смотрит на дорогу, но даже сзади-сбоку ошибиться невозможно. Ей ли его не знать.

— Удивлена? — слышен не менее знакомый голос.

Да, она удивлена.

Он продолжает, косясь на салонное зеркало, отрегулированное так, чтобы видеть ее:

— Мне сказали, и вот я здесь. Ты свободна.

— После всего, что ты из-за меня пережил...

— Неважно.

— Спасибо, Толя. Где ты нашел деньги? Для меня, снова...

Она помнит. И он помнит. Но для него это не подвиг.

— Заложил свой автосервис. Все равно с заказами не очень.

— Толик... — ей хочется обнять его. — Моя квартира... Она твоя. Продадим. Вернешь мастерскую.

— Нет. Та работа мне больше не нужна.

— Что произошло?

— Устал. Надоело.

— Чем же теперь будешь заниматься?

— Это зависит... Ответь мне на один вопрос.

Алена некоторое время молчит.

— Спрашивай.

— Ты вернешься ко мне?

Она опускает веки, скрывающие то, что творится на душе:

— Ты этого хочешь?

— Да.

— Несмотря на?..

— Да.

Алена не торопится с ответом. Ей не хочется отвечать.

Но она понимает: больше идти не к кому. И незачем. Толик — единственный, кто пришел на помощь. Как раньше. Как всегда.

На него можно положиться. Только на него.

— Хорошо, — говорит она.

На душе — пустота.

На лице Анатолия не отражается ни единого чувства.

Они несутся сквозь метель. Одни против гадкого несправедливого мира. Вместе. Как в далекие, казавшиеся канувшими в Лету, времена.

Через минуту Анатолий отрывает руку от руля и, как бы указывая на важность того, что будет сказано, поднимает палец.

— У меня условие. Мы уедем из этого города.

В глазах у Алены все расплывается. Перед внутренним взором — Кирилл. В чужой кровати. «Прости...»

— С радостью.

— И все будет как раньше.

— Да.

— Тогда поехали. Мои вещи уже собраны.

Часть 7 Через месяц

— Отлично! Переходим к заключительной части.

— Выжигалов жалуется, что его роль беспредельно сократили.

— Да ну? Проспался и сразу жалуется? А неустойку за простой съемочной группы на него не повесить?

— Говорит, что в контракте...

— Стажер, отвянь. Скажи, что если продемонстрируем те дубли, где в кадре не труп, а сопящая пьяная рожка, по контракту не мы ему будем должны, а наоборот.

— Скажу. Но он... — Слова летят в никуда.

Мысли режиссера уже далеко. Мировой информационный поток подхватил и распылил на атомы. Он уже не человек. Он — Творец.

— Чего рты разинули?! По местам! Работаем!!!

— Я искупаюсь?

— Да, милая. — Он провожает глазами ее великолепную фигурку.

В лицо бьют морские брызги, они долетают даже на такую высоту. Свежесть, бодрящий грозовой запах озона, йод. Анатолий еще не привык. Но ему нравится. Не может не нравиться, ведь рядом — она.

По выложенной итальянской мозаикой площадке гуляет ветер, остекленная терраса слепит глаза. Дом похож одновременно на крепость и на сказочный дворец, волшебным заклинанием сотворенный для прекрасной принцессы. Разница в том, что ажурный дворец он только внутри и со стороны скал, а неприступная крепость — для тех, кто попытается проникнуть от пролегающей неподалеку туристической трассы. Территорию элитного поселка, в котором расположился окруженный зеленью особняк, охраняет специальная служба, каждый кустик снаружи и внутри — под видеонаблюдением. Соседи прячут здесь от посторонних свое богатство, а Анатолий — свое счастье. Счастье требует уединения. Оно хрупкое. Если разбилось один раз, нет гарантий, что этого не произойдет снова.

В домашнем халате он сидит в шезлонге, на носу — солнцезащитные очки, в руке — собственноручно сделанный коктейль. Прислугу Анатолий не жалуется. Только изредка приходящую. Меньше любопытных глаз — спокойнее сон. Лучше было бы, как многие, податься за границу, в том же Лондоне родное правосудие при всем желании не достанет. Но достанут другие, противоположные правосудию. «Левосудие».

К черту Лондон, к черту Берлин, Париж, всю Европу, Америку и прочие Канады-Австралии, от педантичных дойчей до чванливых англосаксов. Там всегда будут коситься, как на людей второго сорта. Белые негры — так они нас называют. А если не называют вслух (политкорректность, крокодилье за ногу), то подразумевают. Достаточно пообщаться пару часов, и тебе обязательно намекнут взглядом или намеком, кто ты для них на самом деле.

А если не в так называемый цивилизованный мир, то куда? В других местах еще хуже, там даже от длинной руки закона защиты нет. К тому же, для заграницы нужно знать хотя бы один язык, а для этого требуются время и желание. И два новичка с плохим знанием языка всегда бросятся в глаза, о них будут знать все соседи. Это опасно. На родных просторах

раствориться намного проще.

Что и сделано. Анатолий отхлебывает из бокала и снимает очки — они мешают любоваться счастьем.

Алена направляется к бассейну. В доме два бассейна: открытый и закрытый. И огромная сауна. И сад. И небольшой зоопарк. И еще много чего. Когда-то, отдыхая на этом Черноморском курорте, Алена обмолвилась, что хотела бы здесь жить. Он запомнил. Поставленная себе галочка вылилась в конкретные действия: был приобретен роскошный участок земли, началась стройка. Дом в скалах над морем отнял океан денег и времени.

Потом она ушла.

Однажды он прочитал у Арканова: «Когда мать сказала Мише, что познакомилась с бывшей княгиней, Таль отреагировал достаточно своеобразно: — Мама! Княгиня не может быть бывшей, как не может быть бывшим сенбернар ... Это порода, а не должность. Бывшим может быть секретарь обкома».

Так и любовь. Она не может быть бывшей.

Алена скидывает шелковое кимоно и грациозно входит в воду. На ней закрытый бирюзовый купальник. Стесняется. Опять. Вернее, все еще. Его. С которым раньше...

А потом — с другим. От этого хотелось вскрыть вены или устроить атомный взрыв.

— А ты? — кричит вновь обретенная богиня из голубого сияния, когда замечает, что он наблюдает за ней. — Не хочешь?

Он отрицательно машет ладонью. Он хочет, очень хочет... но боится. Боится оказаться рядом и не совладать с собой.

— Дорогая, ну что же ты? — шептал он в новую первую ночь.

Она отворачивалась:

— Прости. Не могу.

— Понимаю.

Они спят в одной кровати. В огромной кровати, словно бы разделенной железным занавесом. Север и юг. Лед и пламя. Война и мир. Материя и антиматерия — с немислимой тягой к немедленной аннигиляции.

— Подождешь?

— Сколько потребуется.

Конечно, подождет. По сравнению с тем, сколько уже ждал — осталось чуть-чуть.

— Даже если очень долго?

— Даже.

— Спасибо.

Он подождет. Время победить проще, чем пространство. Он справился с пространством — неужели не осилит время? Время играет на его стороне. Они с временем — команда, и победа предопределена. Первые плоды уже видны. Он ими наслаждается.

Ее счастливое спокойное дыхание. Ее доверчивое прижимание. Ее благодарный взгляд. Ее долгожданное божественное тело...

Он подождет. Теперь можно. Она — с ним. И никуда не денется. Потому что теперь он будет начеку.

- - - -

До сих пор никто не знал его истинного лица. Даже возвращенная супруга, в той прошлой неприметной жизни видевшая от него только нежность и заботу. Сорокалетний (на

тот момент) «старикан», нелепо и яростно пересекшийся с юной очаровашкой — так это выглядело со стороны. У девушки были проблемы. Он сделал так, чтобы их не было. Девушка хотела размеренной стабильности в небольшом городе. Он пошел и на это. Пошел с радостью. Первый раз в жизни он ощутил счастье дарить. Брать — тяжелая работа, но это понимаешь только с возрастом, и только если брал часто и много. Одаривать оказалось в миллион раз приятнее.

Он посвятил жизнь молодой супруге. Вел непритязательное тихое существование мелкого предпринимателя, оперировал суммами, которые вполне устраивали обоих. Показывать больше было опасно.

— Отсутствие богатства — не бедность, — говорила она. — Бедность — это жажда богатства.

Он кивал, поначалу внутренне усмехаясь. Потом прозрел. Она оказалась права. Нашлось нечто гораздо более значимое, могучее, всеобъемлющее.

А она...

Жестким усилием он подавляет вихрь в душе. И все равно кулаки сжимаются, а в горле першит.

Он простил ей все. Безоговорочно. Даже еще не совершенное.

Потому что любит. Любит как мальчишка, с розовыми слюнями, робкой застенчивостью и искрами при случайных касаниях. С мечтами и грезами о несбыточном. О том, что однажды она ответит ему тем же. «Аленушка, свет моей жизни...»

Однажды, будучи по делам в Москве, он остановился в гостинице и заказал девочку по вызову. Казавшаяся святой Алена только что ушла к негодяю Кириллу. На душе было мутно, неумолкаемый вой сердца требовал выхода. Хотя бы такого. Выплеснуть накопившуюся агрессию, взломать чью-то продажную плоть, воображая ее той единственной — самой желанной и ненавистной... Самой влекущей и отталкивающей... Самой любимой и — после измены — почему-то еще более вожаделенной. Односторонне перечеркнутая любовь взбухла на дрожжах страшного опустошения и гнева. Неутолимый зуд давил на мозг, не давал думать, требовал что-то срочно предпринять.

План в отношении бывшей супруги уже родился и обрастал деталями. А пока хотелось просто забыться.

Не удалось. Перелистывая предложенные изображения товара, он остолбенел.

Увеличил.

Приблизил глаза к самому монитору, словно это могло чем-то помочь.

Копия Алены. Почти одно лицо.

Он заказал не раздумывая.

Облом-с. Невозможно. Он стал допытываться, выходить на содержателей, грозить связями. Требовал только информации. Сдались, ответили. Сказали — исчезла. Извинились, предложили другую кандидатуру со скидкой.

Он вспомнил эту историю, когда дорабатывал план возвращения, так лихо разветвленный неумной фантазией Чарли. Впрочем, никогда не пришедшая бы самому Анатолию идея наказать прилюдно — замечательна. Все забудется... да, именно все, потому что когда-нибудь забывается все. А такой жизненный урок — никогда.

Он обратился к знакомым столичным ребятам. Они проверили — сбежавшая девица, похожая на Алену, так и не нашлась. Сбежала, утонула, убита или покончила жизнь самоубийством — неважно. Важно, что ее не смогли найти ни «красные», ни «черные». В

реальной жизни это означает, что такого человека больше не существует.

Анатолий подкинул владельцу «салуна» информацию о ее новом местонахождении — свой адрес. Чтобы сначала лично убедиться, как будет исполнен шантаж и попытка возврата. Выяснил. Жидковато. Но для нужного результата — самое то. Даже снимки имелись. Как две капли, не придерешься. Моложе? И ладно. Алена и должна быть моложе в прошлые годы. Никто же не разбирался, в какие именно.

Зато как красиво все подалось «господину детективу». Выкрал из борделя! Умора. У того глаза — в блюдца.

Кто же знал, что даже такое не отвратит Кирилл от Алены? Колдунья. Или она успела рассказать о своей жизни все, поэтому новая версия не сработала. Или Кирилл оказался недостаточно внушаемым. Верят те, кто хочет верить, остальных нужно ломать другими методами. И методы имелись.

А с Аленой, конечно же, все было не так. На самом деле они познакомились на улице. Потерянный взгляд... Желание приласкать... Ей было плохо, он оказался рядом.

Он хотел, чтоб полюбила не за деньги. Просто хотел, чтоб полюбила. Просто хотел.

Открыться ей он думал к рождению ребенка. Рассказать, что раскиданная по стране известная сеть автосервисов и несколько автосалонов принадлежат ему. Что есть солидные счета в иностранных банках и кое-какие акции. И что за неплохие деньги сдается коммерческая недвижимость, а на одном из красивейших берегов Черного моря строится домик мечты.

А она ушла. К никчemuшному чудику. К нолю без палочки.

Но Алена, уходя к молодому и, как ей могло казаться, перспективному, не знала, что ее Анатолий — не ноль. Ирония судьбы — зря морочил ей голову?

Не зря. Если вспомнить любимый роман, в нем герой придумал себе эпитафию: «Он любил и страдал. Он любил деньги и страдал от их отсутствия». Такой любви Анатолий не хотел.

Уходила — он отпустил сразу. Плакать? Простите, не по адресу.

Споров об имуществе (известном ей) не возникло. Ему осталась их бывшая немудреная квартира в центре (ни за что не отдал бы ДРУГОМУ) и хиленькая автомастерская. Продажи и раздела он не допустил, вместо этого сказал, что втайне копил деньги и теперь, чтобы у каждого было свое жилье, дарит ей квартиру. Хорошую, в центре, как она мечтала.

Еще она мечтала о доме на Черном море... но разговор об этом был не ко времени и не к месту. Козырь мог еще пригодиться. Мало того, Анатолий был уверен, что пригодится.

Она не могла поверить в счастье — им с НОВЫМ жить было негде, тот тоже ушел и все оставил бывшей. Она отказывалась, но потом благодарилась и даже расплакалась. Но выдвинула условие: скажет, мол, что от бабушки. Чтобы без вопросов. Ладно, пусть без вопросов. Главное — она знает.

Потому что она должна быть с ним. Только она. Только с ним. Ни деньги, ни власть, ни связи ему не нужны. Все это фикция. Сублимация истинности. Любовь не купишь.

Но ее можно отнять.

- - - - -

Сначала он хотел придушить Кирилл. Собственными руками. Это решило бы проблему раз и навсегда. Или можно было заказать его соответствующим структурам, чтобы самому не мараться.

Остановило отсутствие уверенности, что в итоге Алена достанется опять ему. Мученик — он всегда святой. Нельзя из противника создавать святого своими руками.

Тогда он понял: нужно не ликвидировать, а дискредитировать. А заодно подставить, то есть совместить месть с возвратом любви.

Лучше не придумать.

Уничтожить Матвеева физически можно после того, как Алена уверится, что Кирилл плохой, а он хороший. Он всегда шел ей навстречу. Он один думал о ней больше, чем о себе. Или думал, что так думал. Неважно. Важно — что она ушла. А он остался. Ждать. Любить. Действовать.

В голове вызревал план. Главное было понятно: вернуть Алёну можно только уничтожив противника морально.

Итак, пункт первый. Собрать для Алёны компромат на Кирилла. Если не найдет — спровоцировать. Подделка, в конце концов. Ради этого вместе с Чарли он создал Лигу.

Пункт второй. Лишить соперника всего, что тот любит и что имеет.

Пункт второй, подпункт «а». Работа. Закрывать фирму так, чтобы Кирилл остался виновен. Пусть обманутые вкладчики ищут его всеми способами — чтобы не мог появиться ни у друзей, ни у родственников. Чтобы земля под ним горела. Чтобы понял, каково быть одиноким!

С этим пришлось повозиться. Анатолий придумал и подкинул Горскому идею бизнеса со вкладами — вроде бы в недвижимость, но собранные деньги предложил крутить у своих знакомых, с которыми не знакомил. Дескать, чтобы не терять комиссионных. На самом деле под видом процентов он регулярно отдавал огромные суммы из собственных средств. Владимир поверил и, в конце концов, вложил все. Сначала свое, потом чужое. В нужное время Анатолий позаботился, чтобы просочились слухи о скором наезде полиции. Момент был выбран правильно. Погрязший в любовных интрижках Горский изъясился и принес оставшееся. Все равно же фирму закроют, так пусть деньги здесь крутятся, будут целее и больше. А то, что возьмут за жабры Кирилла... «Ничего, — сказал Владимир, — малый отвертится, он-то ни при чем». Анатолий с удовольствием согласился: конечно, ни при чем. Ни с какого боку.

Можно было действовать дальше. Через Чарли он организовал для соответствующих органов задание расчихвостить фирму, а генерального осторожно предупредить. Полиция по плану должна была взяться именно за Кирилла. Все вышло замечательно. Самого Горского еще в предыдущий день, когда тот принес деньги, Анатолий выключил подмешанным снотворным и переместил в переоборудованный нужным образом подвал предоставленного Лигой особняка, где готовился бал. Горский был уверен, что лавина событий, от которой он видел только кусочек, его не коснется, и перестраховку посчитал достаточной. Для преступников-рецидивистов, которым инкриминировались экономические статьи, как раз объявили амнистию, и одним из ее пунктов было наличие на иждивении несовершеннолетних детей. Горский убедил супругу согласиться на фиктивный развод. Каждый вел свою игру, а Анатолий сплетал итоги в один клубок, и клубок катился в нужном направлении. Навести Лигу на чрезмерно любвеобильного приятеля проблем не составило, Горская в первой же беседе попросила помощи. Только того и ждали. Найти? Да пожалуйста! (Вообще-то, «козлик» уже в подвале сидит, но эта информация не для посторонних ушей). Наказать негодяя? Нет проблем!

Один раз пришлось понервничать. Горский с такой радостью ухватился за идею вроде

бы фиктивного развода, что закрались подозрения: а не захомотал ли его кто-то по-настоящему? Все будущие следы должны были вести к главе «Риэлтинга», особенно те, что связаны с Аленой. Требовалось создать видимость его параноидального влечения к ней. Наличие другой кандидатуры разрушило бы план.

Хорошо, что в деле оказалась замешана Роза из Лиги, она всего лишь делала свою работу. Анатолий вздохнул с облегчением.

Теперь следовало избавиться от Горского, тогда все будущие шишки, связанные с похищениями, свалятся на него, то есть — на труп. А закон таков: нет человека — нет дела.

Анатолий знал о зависимости Владимира от ксилометазолина, без которого тот не мог дышать носом, флакончик с лекарством всегда лежал в кармане. Концы в воду удалось спрятать легко, крайними оказались жаждавшие крови обиженные барышни. Прелестно. Никаких зацепок в его сторону.

Поначалу он думал взять в сподвижники Кристину. Вариант заманчивый... но нельзя. Она бы его выдала. Не сейчас, так потом. Но упускать возможность было нельзя, и он подначивал бывшую супругу Кирилла через Лигу, чтобы тоже что-нибудь придумала и отомстила по-особенному.

Далее. Подпункт «б» пункта второго. Сын. Похитить. Потребовать денег, но не отпустить. Потом вернуть Кристине. В конце концов, Анатолий мститель, а не убийца.

Подпункт «в»: похитить Алену под видом приударявшего генерального, свалить вину на него. Придуманый их вроде бы роман «детективы» съели с восторгом. Машины Горского ремонтировались в мастерской Анатолия, все ключи и чипы давно продублированы, и все получилось отменно. Узнать Анатолия в маскарадно одетом толстом увальне было нельзя, голос при похищении он изменил, и ни одна часть тела наружу не вылезла. Этот же костюм с тремя комплектами теплого белья и двумя свитерами использовался в особняке для общения с ожидавшей судьбы Аленой. Один раз Анатолий позволил ей даже выйти помыться. Он готовился ударить ее — если бросится, чтобы открыть лицо похитителя. К счастью, Алена проявила благоразумие.

Участницы Лиги, конечно, вспомнят на возможных допросах и неуклюжего работягу, который устанавливал сцену с лавками, и толстого швейцара, открывавшего им двери на балу... И что? В реальности этого толстячка не существует, а для дамочек он обычный разовый любитель заработать, нанятый самим Чарли. Когда произнесут имя Чарли, следствие уйдет в сторону и встанет в тупик, дальше имени никто не продвинется. Никто не знает, кто такой Чарли и как на него выйти. И хотя сам Чарли не хакер, он умелый организатор, и для каждой работы нанимает профессионалов. Он живет в сети, но через сеть (если он сам не захочет) до него не добраться. Итого, Чарли — виртуальный ник без привязки к кому-то реальному. Теоретически, его может вообще не существовать. А практически им может оказаться кто угодно — как случайный прохожий, чье лицо через миг уже не вспомнишь, так и человек, которого знаешь всю жизнь.

Трюк с алиби, которое всех на время успокоило, прошел «на ура»: записанные в предыдущий день новости телевизор показывал со спрятанного проигрывателя. Скромница не подвела, даже ее знакомая поучаствовала в розыгрыше — видимо, решила, что помогает подруге спрятать романтическое похождение. Но потом подручные Сыча начали копать глубоко. По отношению к любопытным пришлось принять жесткие меры. Но все это мелочи, потому как...

Пункт третий. Решающий. Выбор: сын или жена.

Гм. А если бы Матвеев выбрал Алену?

Нет. Кирилл занял достаточно высокий пост в своей фирме потому, что умеет просчитывать и принимать правильные решения там, где другой ударится в панику. Кристина, друзья и коллеги не простили бы его за иной выбор. И Алена, которая сначала, возможно, была бы рада возвращению, потом собрала бы вещи и ушла. Выбрать женщину в обмен на ребенка — не мужской поступок. Это вода на мельницу Анатолия. Нет, никогда Кирилл не решил бы в пользу Алены.

Пункт четвертый. Подготовить «запасной аэродром». Подчистить хвосты. То есть продать бизнес, недвижимость, ценные бумаги, машины, а также закрыть счета и ликвидировать все, где фигурирует его фамилия. На этом потеряно немало, но лучше отдать часть, чем потянуть к себе ниточку, если какая-нибудь из охотившихся за ним светлых голов свяжет одновременное исчезновение двух Агеенко, и одна из организаций, частная или государственная, решит задать кому-то из них пару вопросов. В отношении собственной персоны Анатолий поступил просто: с документами на его имя некий искатель приключений с темным прошлым уехал на Ближний Восток, и там его следы затерялись (в другую страну, если остался жив, этот умник уезжал бы уже под другой фамилией). Паспорт Алены был найден в вещах сгоревшего в автоаварии трупа в горах Кавказа — помогли бывшие компаньоны-подельники. Теперь Анатолий Агеенко находится за границей, а Алена Агеенко, сбежавшая от личных проблем то ли к знакомым, то ли на курорт, куда так и не добралась, официально мертва. Возможные вопросы и претензии направлять не к кому.

И вот, наконец, пункт пятый. Кирилл уже в дерьме и больше не нужен, а Анатолий — весь в белом. Можно завершать партию красивым матом. Рассказать спасенной из ужасных лап похитителей Аленушке о своем великодушии и увезти к морю.

Паспорта на другую фамилию себе и ей он сделал заранее. Чтобы отрешиться от прошлого и начать все заново. Ее такой предлог устроил. Насчет денег и дома, что свалились с неба на новом месте, он лишь загадочно улыбнулся. Сказал, что это приятный сюрприз, дожидавшийся нужного времени. Откуда? От волшебного верблюда. И о деньгах она теперь может не думать. Наступил звездный час — здесь и сейчас сбываются все мечты. Любые. Единственное условие — чтобы совместные. Его и ее.

Она лишь кивнула. А спит в пижаме. В бассейн ходит в купальнике. Часами смотрит в одну точку. От прикосновений вздрагивает.

Ничего. Время — лучший доктор. Лучший терапевт, хирург и проктолог.

- - - - -

— Дорогой, подай, пожалуйста, полотенце.

Капли яркими бриллиантами играют на ее коже. С огромным трудом он заставляет себя отвернуться. Идет к дверце ванной. Не глядя, берет первое попавшееся и спешит обратно.

Сказочная наяда выходит из сверкающих вод. Рождение Афродиты. Счастье для глаз.

Он накидывает полотенце ей на плечи и не торопится убрать руки. Она на секунду обращается в дерево, затем медленно оттаивает. Они вместе выходят в заставленный цветами холл.

Его мысли танцуют. Ее... Кто знает?

Но именно ее глаза первыми замечают вольготно расположившегося в кресле человека. Алена прижимается к плечу Анатолия.

Чужак. В ЕГО кресле! В ЕГО доме!

— Кто это? — испуганно шепчет Алена и сдвигается за его спину.

Он — ее защитник. Единственный на этом свете. К сожалению, новая игра идет не по его правилам.

— Здравствуйте, — весело говорит пришелец и поднимается навстречу. — Давно не виделись.

Алекс Акимов. «Детектив».

Анатолий считал, что хорошо замел следы. Возможно, Алена, несмотря на запрет, звонила кому-то из старых знакомых. Или отследили его связи со строителями? Или... мало ли. Поздно над этим думать.

У Анатолия при себе нет ни пистолета, ни даже ножа. Плохо. Слишком расслабился. Вновь поверил, что счастье — это навсегда.

- - - -

— Я с последними новостями, — продолжает без спросу вторгшийся гость. — Да вы садитесь, в ногах правды нет.

Он вновь садится в кресло. Алена видит, что у него нет оружия, и в целом незнакомец не выглядит опасным. Но как и почему он здесь?

— Старый знакомый, — цедит Анатолий.

Под взглядом чужака они шествуют к угловому дивану и усаживаются рядышком. Анатолий закидывает правую руку за мягкую спинку и нервно осматривается.

Незнакомец обращается к Анатолию:

— Насколько мне известно, вы уехали сразу, как вывезли Алену с мероприятия Лиги. Значит, вы не знаете, что было дальше.

— Зачем нам это знать? — Алена цепляется за своего мужчину.

Прошлое вернулось. То самое прошлое, которое хочется забыть.

— Не вам. — Алекс спокоен и беспечен. — Ему. Ваш друг — лицо в этом деле чрезвычайно заинтересованное. Так вот, Анатолий, специально для вас обо всем по порядку. Я, к счастью, а для кого-то — к сожалению, выжил. Отделался несколькими переломами. Мой напарник Леонид не попал за решетку — следствие легко разобралось в хитросплетениях, которые завели ситуацию так далеко. А видео с участием моего непутевого друга... После всего, что позже обнаружила полиция, эта запись оказалась не

компрометирующей, а свидетельской. Имелась явная подстава, как говорят в известных нам кругах.

— Вообще не понимаю, о чем речь, — произносит Анатолий.

— Ладно, возьмем ближе к известным вам событиям. После того, как вы сняли Алену с жертвенного «алтаря», куда сами же ее ранее поместили, и после того, как увезли в неизвестном нам тогда направлении, полиция штурмовала снятый вами особняк.

— Что?!.. — Алена чувствует, что у нее сам собой открывается рот.

Левая рука Анатолия находит и сжимает ее ладонь:

— Успокойся, это недоразумение. Сейчас все выяснится. А молодой человек за свои слова ответит.

Алекс согласен:

— Выяснится. Отвечу, господин Агеенко. Или теперь вас правильнее называть господин Костюшкин?

- - - -

— Мы Костюшкины, — кивает Анатолий. Желваки у него ходят ходуном, в глазах зреет буря. — И сейчас я вызову полицию...

— Могу поспорить, что не вызовете, — улыбается Алекс. — Но это ваше право, можете сделать это прямо сейчас. А я, с вашего позволения, продолжу. Почти никого из женщин, которые присутствовали на «балу», суровая рука закона не тронула. Оказалось достаточным, что их взяли на заметку, причем возникло ощущение, что они только рады своему обнаружению органами правопорядка.

Алена дикими глазами глядит на Анатолия. Он молчит, напряженный и готовый в любой миг вытащить из-за спинки руку с нащупанным пистолетом. Останавливает только присутствие девушки. Столько сил положено на завоевание ее доверия...

— Теперь про Матвеева.

— Про Кирилла? — Алена вздрагивает.

Алекс закидывает ногу на ногу и кривится — видимо, переломы еще дают о себе знать:

— Ефим Натанович, адвокат Горского, разбил в пух и прах статьи по незаконному предпринимательству — их явно притянули за уши, чтобы исполнить чей-то заказ. Не будем показывать пальцем, чей именно. Прокурор, правда, сразу переквалифицировал дело на статью «мошенничество в особо крупных размерах». Получилось вроде бы хуже и даже опаснее, поскольку деньги с населения действительно собраны и не отданы. Но адвокат доказал, что Кирилл преступных намерений не имел, он не являлся ни организатором, ни выгодоприобретателем. Обвинения с Матвеева сняли и перевели его в разряд свидетелей. А ввиду смерти основного подозреваемого дело теперь закрыто.

— Какое отношение это имеет ко мне? — вставляет Анатолий. Его рука немеет от напряжения и холода стали, но пока боится вынырнуть. Ох, Аленушка...

— Как организатору всей цепочки событий это должно быть вам как минимум любопытно. Например факт, что дело по статьям «похищение людей» и «непредумышленное убийство» открыто именно на господина Агеенко, а у вас очень похожая на него физиономия. Так и хочется в присутствии официальных лиц и понятых снять и сверить отпечатки пальцев. Кстати, стоит заметить, что «непредумышленное» указано временно, до тех пор, пока следствие не установит мотивов. Тогда дело переквалифицируют в более серьезное, и первоначальные улики для этого уже собраны.

— Хватит наговоров, — обрывает Анатолий. На незванного гостя вскидывается тяжелый ствол: — Проваливай, пока я добрый. Алена, уйди.

— Я хочу послушать, — настаивает она.

— Правильно, — кивает Алекс. — Ей есть, что послушать.

— Это только слова! — Анатолий высовывает и показывает язык: — Видите? У меня тоже язык есть. Сказать может каждый все, что угодно. Но за навет придется ответить. Алена, выйди!

— Да, за навет придется ответить, — совершенно спокойно замечает Алекс.

У него не дрогнул ни один мускул, поза остается расслабленной.

— Если бы у тебя было, что предъявить... — Анатолий чувствует, что самообладание уже на пределе. Он даже не заметил, когда перешел на ты.

Будь у Алекса доказательства, здесь уже хозяйничала бы полиция. Берет на понт?

— Почему думаете, что нет?

Собеседник продолжает держаться в рамках приличий. Это выводит из себя. Но на чистосердечное признание пусть не рассчитывает. Разговор, скорее всего, записывается, и Алекс ждет, что какая-нибудь оговорка позволит вывести Анатолия на чистую воду. Нельзя говорить о деле. Нужно принимать меры. Хозяин собственности, в которую проникли без спроса, в своем праве, если угрожает пришельцу оружием, это его прямая обязанность — противостоять вторжению. Это элементарная самозащита. В некоторых случаях суд оправдает даже применение оружия. Даже с виду неоправданное. И пистолет легко может переместиться в руку трупа вломившегося в частные владения преступника — хозяину как бы повезло в момент драки развернуть ствол...

Но это потом и лишь в случае, если возможная запись не идет сразу в сеть.

— Считаю до трех! Или ты уберешься...

— Считать вы любите. Кириллу выбор давали — жизнь сына или невесты. Тоже считали, пока он делал выбор. Только до пяти, после чего грозили убить Алену.

Анатолий передергивает затвор и вновь вскидывает пистолет в лицо пришельца из прошлого. Палец на спусковом крючке побелел, он дрожит.

Алена вскрикивает. Но не от слов, которые из-за количества информации еще не осознаны до конца, и не от возможности выстрела. Она поочередно смотрит на лоб и грудь Анатолия.

Он опускает взгляд. На сердце — три красные точки.

Из темноты коридора появляются громилы Сыча — почти каждого Анатолию доводилось видеть прежде. На оружии — глушители и целеуказатели.

— Здравсьте, — ехидно расшаркиваются они, но оружие продолжает глядеть на цель. — Нам сказали, что денежки «Риэлтинга» нашлись. Мы видим, что нас не обманули.

Алена поднимает глаза на Анатолия:

— Что?!

- - - -

Люди Сыча берут Анатолия в кольцо, Алекс забирает у него пистолет.

Финита ля комедия. Запутанная история подходит к концу. Алекс устал от этого дела, хочется поставить долгожданную точку.

— Про Кирилла... Это правда?! Ты специально?.. — у Алены не хватает слов выразить мысль.

Она смотрит на Агеенко, тот молчит. В ситуации, когда надо либо разубеждать девушку, либо стараться не выдать компромат на себя в возможной записи со стороны противника, Агеенко выбрал второе.

Алекс оборачивается к Алене:

— Да, ваш бывший и теперь вновь собравшийся стать будущим муж классически подставил его, именно он организовал весь цирк с похищениями вас и Павлика и выбором между вами, а также собранием озверевших дамочек, поркой и чудесным спасением.

Алена закрывает лицо руками. Плечи трясутся. Нервы не выдержали.

Алекс вежливо приобнимает ее и ведет в сторону выхода.

— Кирилл очень тебя любит, — шепчет он ей в ушко. — Он ждет дома. Очень ждет.

— Ага, — смеются люди Сыча. — Нервных и впечатлительных просим удалиться. Чарли, если не ошибаемся? — Они с ухмылкой смотрят на внешне сохраняющего спокойствие Анатолия.

— Понятия не имею, о чем вы.

— Не важно. Чарли ты или хрен моржовый, — после удаления девушки улыбки резко исчезают, — в любом случае с тобой ждет не дождется поговорить один весьма уважаемый человек.

Из коридора в холл входит Сыч. Анатолия хватают под руки и заламывают, пригибая к полу.

— Ну, господин великий комбинатор, как будем расплачиваться? — вежливо осведомляется Борис Борисович.

Он с удобством располагается в освободившемся кресле.

Для ускорения ответа на Анатолия обрушивается град ударов ботинками и прикладами.

- - - -

Компьютер, едва слышно жужжит и включается. Первым делом она удаляет с рабочего стола ненавистную фотографию. Потом срывает портрет со стены. Хватит напоминаний. Ублюдок давно в могиле. И его фифа там же. Друг сделал что-то с тормозами.

После похорон блудливого засранца она устроилась в детский сад рядом с домом — прежнее образование позволяло только это. Можно было пойти в продавщицы, но там пришлось бы терпеть похотливые взгляды и постоянные подкаты, за которые тех, у кого кольцо на руке, хотелось взорвать на месте. В садике пусть шумнее, зато душа спокойна. К тому же, Марина изначально знала, что это временно.

Деньги, что остались от мужа, быстро закончились. Зарплата в садике мизерная, и они с появившимся в сети Другом придумали, как совместить приятное с полезным. Идеальная борьба с изменщиками и прибыль в одном флаконе. Шикарно. Правда, сначала первое весьма перевешивало второе. Зато потом...

Она уже подала толстой вредной директрисе заявление об уходе, но успела забрать — работа именно в этом садике оказалась кстати, когда в Лигу пришла Кристина Матвеева. Наметки плана превратились в конкретные пункты, и дело пошло. В нужный момент другая воспитательница не отдала бы ребенка посторонней. Идея договориться с самой Кристиной могла провалиться — если мальчика спрятать от Кирилла с согласия матери, она могла проколоться и как-то это показать. На людей, у которых чувства на первом месте, положиться нельзя.

Марина смотрит на экран. Последний ролик прост до ужаса, но удачен. Двое в постели.

Они обнажены и безмятежно спят. Лепота. Кто усомнится, что между ними что-то было? Мало того — что-то есть.

Друг просил поймать Кирилла на этом. Никто не смог. Она смогла. Правда, запись не понадобилась, оказалось достаточно той, где Кирилл отказывается от невесты. А Друга больше нет. Он умотал в неизвестность со старой подружкой, ради которой, как выяснилось, все и устроил. Тоже обманул, сукин сын. Всемуко. А говорил только про месть.

План в целом удался, но произошли пять накладок, которые в конце концов похоронили успешный проект.

Главная накладка состояла в том, что на бал проникла посторонняя и привела полицию. Все из-за того, что Марина сама не участвовала в делах Лиги, а только приглядывала через сеть. Нужно было прикинуться серой мышкой и быть внутри событий. Теперь жалеть поздно. Что произошло, то произошло, осталось сделать выводы на будущее.

Вторая накладка — с Матвеевым. Горского вывели из-под удара, и следствие должно было всей мощью обрушиться на заместителя. В плане с разных сторон было задействовано два помощника: следователь Караулин и Лиза. Полиция должна была запугать Матвеева реальным сроком, а для следователя, который при выемке документов играл роль «плохого», по-другому и быть не могло: главного подозреваемого из-за амнистии привлечь к ответственности нельзя, а начальству нужны результаты. Матвеев был невиновен и имел возможность это доказать. Чтобы спустить на него всех собак, требовалась хоть какая-то отправная точка. Что может быть лучше побега? Это однозначное признание подозреваемым своей вины. Интересы Лиги и полиции совпали. Как и было предусмотрено планом, взбудораженный личными проблемами Кирилл вместо чистоты перед следствием выбрал спасение близких. Но действовать он начал раньше, чем нужно. Возможность бежать должен был «случайно» предоставить Караулин при доставке подозреваемого в отделение. Запуганный посадкой на нары Кирилл должен был находиться в машине с Лизой, которую тоже везли бы на допрос. Лиза получила задание подначивать Матвеева и в нужный момент подбить на роковой шаг. Следователь сделал бы, чтобы побег удался и сбежавшего не поймали. Каждый получил бы от ситуации дивиденды: следствие — реальную цель для приложения сил и отчетности, Лига — посаженного на короткий поводок и ставшего ручным Матвеева. Круг близких и знакомых был досконально изучен, он показал, что до встречи с похитителями Кириллу податься некуда, во всех известных местах могут ждать неприятности. Лиза предложила бы вариант с квартирой Лиги, и дальше оставалось только выяснить, удастся ли кому-нибудь из девочек, которые отправятся туда под разными поводами, сломать упорство Матвеева, или для разлучницы придется делать запись без зубодробительного заднего фона.

Вариант, в котором Кирилл не сбежит для помощи близким, тоже рассматривался. Человек может сломаться и посчитать обстоятельства сильнее себя. Тогда, после жесткого прессинга на допросе, Матвеева должны были отправить под домашний арест. К делу подключилась бы Лиза, а в случае ее неудачи — другие члены Лиги. Люди и обстоятельства ломают любое сопротивление, нужно лишь правильно подобрать то и другое. Последним козырем была Кристина. Ее Матвеев не смог бы не впустить. Особенно, если бы она сказала, что хочет поговорить о Павлике. Во время съемки отповеди для разлучницы бывшая супруга появилась бы на заднем плане и показала, что слова Кирилла — не блажь, и он вернулся к жене и ребенку.

Но Матвеев сразу навязал свою игру, а накладка заключалась в том, что в «Риэлтинге»

пропали деньги местного теневого воротилы, и к поискам назначенного виновным Матвеева подключилась третья сила. Это на время перемешало карты и заставило напрячь все силы.

Третья случившаяся накладка — метания Кристины между личной жизнью и долгом перед Лигой. Во время последнего задания это едва не лишило свободы нескольких членов Лиги. Спасло своевременное появление Марго.

Четвертая накладка — что Горский задохнулся от приступа. Можно было предусмотреть, если знать о болезни заранее. Недоработка Друга. Останься Горский в живых, Лига могла возродиться на новых началах. Теперь из нее бегут, как комары от фумигатора. Случившийся явный криминал подрубил корни, на которых росло все дерево. Придется растить новое.

Что ж, без накладок сложные планы воплощаются только в кино и в книгах, в жизни все по-другому. Каждая задействованная в плане организация преследует собственные интересы, и в каждой задействованной организации каждый ее член преследует собственные интересы, часто противоречащие целям организации, в которой этот член состоит. И в каждой организации ее члены делятся на группы и фракции, у каждой из которых тоже есть свои интересы. Мало того, еще и сторонние организации и их члены тоже имеют свой интерес, влияя на задействованных в плане. Чтобы учесть все, нужно одно — быть Богом. Кто не Бог, у того в любом плане будут накладки. Впрочем, у людей и Господа подход к планам разный: Во имя Своих планов Он дает людям волю, а люди, когда что-то задумают, стараются заставить всех поступать по воле архитектора событий, причем архитекторами считают себя. Оттого построенное ими рушится — срабатывает свобода воли, которую дал Он. Психологи и экономисты называют это человеческим фактором.

Отсюда и неожиданная, неприятная, но логическая последняя накладка — предательство Друга. Почему это произошло? Потому что Марина опять доверилась. Мечь, как оказалось, может сплотить, но дружбы и даже нормального сотрудничества на ней не построишь. Любовь пересилила. Будь проклята любовь! Потому что она изначально, а все остальное — из-за нее: обиды, ревность, ненависть, мечь...

И как же тошно вновь обжечься...

Марина следила за ним. Пусть Друг не думает, что остался неузнанным. Городские камеры отслеживали передвижения автомобилей, и через задействованные связи данные стекались в особую папочку. Впервые Друг лично засветился во время прошлогоднего мероприятия, а во время нынешнего бала Марина уже точно знала, откуда и, главное, кто возил доски в особняк, и кто пригнал туда «Ягуар». Для перестраховки Друг часто нанимал разовых работников, но каждый из них — тоже ниточка. Единичные случаи отсеивались, а похожие копились и через определенное время указали на единственную кандидатуру. А программа поиска через опознавание лиц вывела на Черноморское побережье еще на момент постройки дома самим Агеенко, когда Костюшкина даже в проекте не было. Хорошо иметь компромат на людей, которые отвечают за компьютерную безопасность в органах, где начальство едва знает, что такое компьютер.

Друг думал, что исчез для всех. Наивный. Марина не стала мстить сама, она отправила наводку одному из противников — Алексу Акимову, который показался ей самым достойным.

Всемуко Путенабо.

Она не пропадет. Ноутбук полон записей. Ладонь любовно поглаживает шершавую матовость пластика. Здесь — будущие миллионы, почтение и обеспеченная старость.

Местью долго не проживешь. Пора начинать жить по-настоящему. Можно вернуться в Аргентину, где прежние приятели будут ноги целовать, если она придет с чемоданом денег. Или остаться здесь. Почему нет? Деньги — они везде деньги. Только нужно вернуть девичью фамилию. Реброву — на свалку. Отмучилась. Отныне и навсегда — госпожа Чаплина.

-- -- --
Плывет тревожный аккорд...

— *Снято! Подчистим, смонтируем, правильно наложим музыку — клиент будет доволен. В сроки и бюджет почти уложились. Молодцы!*

Взятый с испытательным сроком молодой стажер морщится:

— *Но песня — о большом светлом чувстве! О самопожертвовании! Об огромной любви — Любви с большой буквы! А мы...*

В ответ — усталая улыбка главного записьделателя:

— *Специально для дилетантов. Содержание клипа не всегда должно совпадать и даже перекликаться с текстом.*

— *Согласен, но...*

— *Никаких но. То, что ты перечислил, полученный видеоряд выражает? Большое светлое чувство, самопожертвование, огромную любовь — которая с большой буквы?*

— *Да. — В тоне стажера — смесь наивного упорства, сомнения и недоумения.*

Внезапно глаза озаряются. Прозрел.

Режиссер:

— *Вот и славненько. Все свободны.*

Больше книг на сайте — Knigoed.net